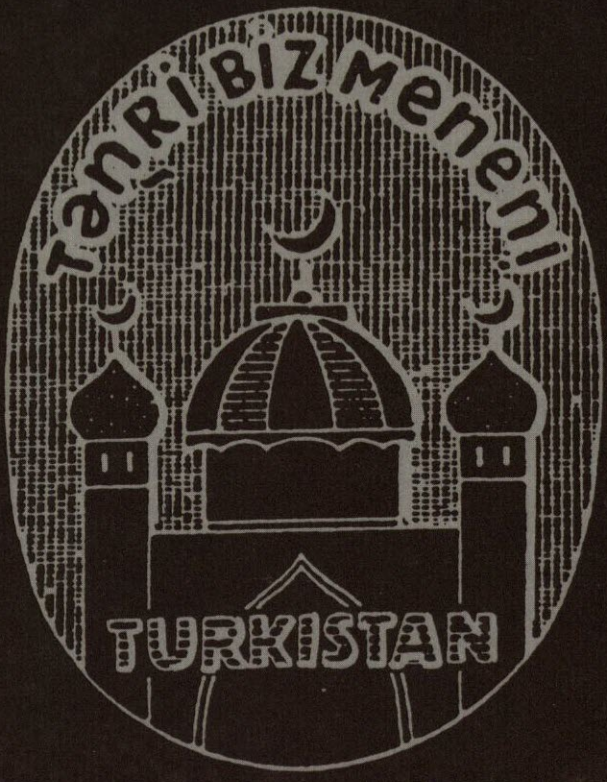
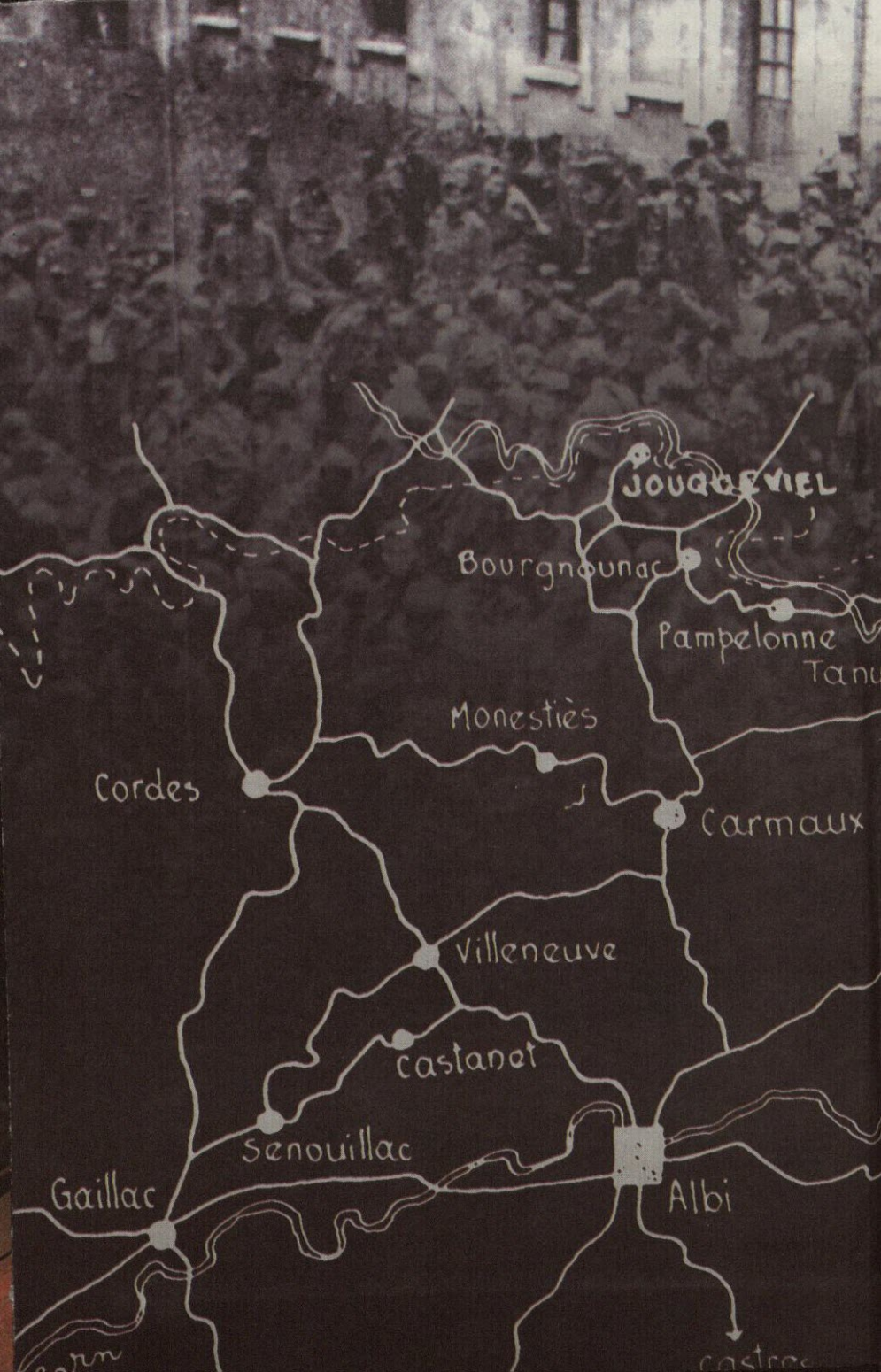
БАХЫТ САДЫКОВА

ИСТОРИЯ ТУРКЕСТАНСКОГО ЛЕГИОНА В ДОКУМЕНТАХ

JOUQUEVIEL
Bourgnounac
Pampelonne
Tanu
Monestiès
Cordes
Carmaux
Villeneuve
Castanet
Senouillac
Gaillac
Albi

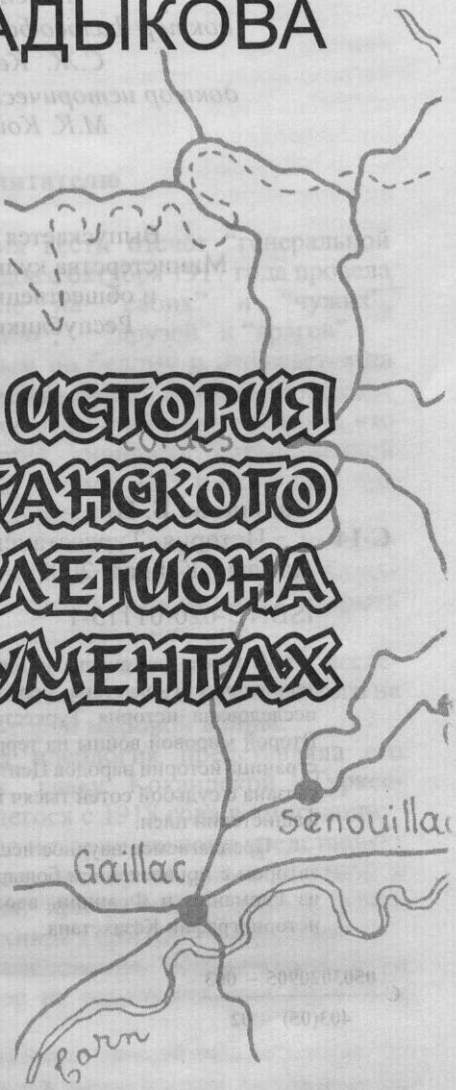

Valence
Alban
Villefranche
d'Albigeois

Нарукавная повязка
туркестанского легионера

БАХЫТ САДЫКОВА

ИСТОРИЯ ТУРКЕСТАНСКОГО ЛЕГИОНА В ДОКУМЕНТАХ

АЛМАТЫ
"ҚАЙНАР"
2002

ББК 63.3 (2 Каз.)
С 14

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор
С.Ж. Кенжебаев,
доктор исторических наук, профессор
М.К. Койгельдиев.

Выпускается по программе
Министерства культуры, информации
и общественного согласия
Республики Казахстан

Садыкова Б. И.

С 14 История Туркестанского легиона в документах.— Алматы: Кайнар, 2002.— 248 с.

ISBN 5-620-01115-1

В книге дан анализ исторических событий, происходивших на территории Туркестана перед Второй мировой войной, а также исследована история Туркестанского легиона, созданного в годы Второй мировой войны на территории Германии. Это малоизвестная страница истории народов Центральной Азии советского периода. Она связана с судьбой сотен тысяч наших соотечественников, попавших в фашистский плен.

Предлагаемое научное исследование истории легиона проведено автором с привлечением большого количества архивных документов из Германии и Франции, вводимых в научный оборот впервые в историографии Казахстана.

С $\frac{\text{0503020905 – 003}}{\text{403(05) – 02}}$

ББК 63.3 (2 Каз.)

ISBN 5-620-01115-1

© Садыкова Б. И., 2002
© Издательство "Кайнар", 2002

Слово к читателю

Коммунистическая традиция вести отсчёт "генеральной линии" истории советских народов с октября 1917 года провела резкое "черно-белое" деление на "своих" и "чужих", "революцию" и "контрреволюцию", "друзей" и "врагов".

История фиксируется чёрным по белому и отражается на черно-белых кинолентах. Но "черно-белая" коммунистическая дихотомия советской исторической науки привела к тому, что многие яркие события, явления, личности отечественной истории были загнаны в "Барса кельмес'ы"* и оказались под жёстким запретом тоталитарного режима.

С обретением независимости нашим народом, с утверждением суверенного, демократического государства в Казахстане отечественная наука получила возможность открыть доступ к "запретным островам" казахской истории.

Одним из таких "островов", опасных для любого исследователя, была история Туркестанского легиона, созданного на территории Европы во время Второй мировой войны.

Более полувека советская идеология представляла его основателем Мустафу Чокая, главу Кокандской (Туркестанской) автономии, находившегося с 1918 года в эмиграции.

Предлагаемое исследование истории легиона представляет интерес, прежде всего, тем, что оно проведено с научной и гуманистической точек зрения, привлечением новых, ранее неизвестных материалов из архивов Германии и Франции.

Для более глубокого исследования исторической сути настоящей проблематики автор не ограничивается периодом

---

* Название острова на Арале. Барса кельмес означает буквально "пойдёшь – не вернёшься". Переименованный в советский период в остров Возрождения, где велись тайные разработки новых видов бактериологического оружия, он и по сей день является чудовищным символом смерти.

Второй мировой войны, а расширяет временные рамки центральной темы монографии, начав с 1917 года, то есть с момента падения царского самодержавия в Российской империи.

Такой подход продиктован авторской постановкой проблемных вопросов исследования. История Туркестанского легиона исследуется в работе как один из этапов национального сопротивления народов Туркестана тоталитарному режиму большевиков.

В результате проведённого анализа предлагается авторское видение периода репрессий, связанного с физическим уничтожением коммунистами так называемых "националистов" и "врагов народа". Этот новый взгляд становится возможным благодаря осмыслению трудов Мустафы Чокая, его деятельности в Туркестане и за рубежом.

В работе впервые рассматривается деятельность Туркестанского национально-освободительного движения, организованного Мустафой Чокаем на территории Европы, его тактика и стратегия. При этом автор учитывает немаловажную деталь: Туркестанскому национально-освободительному движению пришлось действовать в необычной ситуации, в момент противостояния двух соперничавших идеологий - фашизма и коммунизма, приведшего к кровавому конфликту.

В контексте исследования данной исторической проблемы автор с современных научных позиций проводит теоретический анализ феномена национализма и национально-освободительного движения в казахской истории начала XX века.

Монография является одним из первых вкладов в научную разработку обозначенных проблем, её результаты могут стать основой дальнейших исследований в этой области.

Доктор юридических наук, профессор
Мухтар Кул-Мухаммед

Трудно и даже невозможно
осознать себя частью нации
без постижения феномена
Мустафы Чокая.

Введение

Настоящая работа посвящена изучению истории Туркестанского легиона, сформированного из числа советских тюркоязычных военнопленных по инициативе руководства Третьего рейха во время Второй мировой войны.

В работе проводится анализ исторических событий, происходивших на территории Туркестана в период, предшествовавший Второй мировой войне, а также определяются роль и место, отведённые воевавшими сторонами (Германией и СССР) представителям советской Центральной Азии, попавшим в плен в ходе войны.

В советской историографии тема Туркестанского легиона освещалась односторонне, без приведения конкретных фактических материалов. Выдвигались огульные обвинения в адрес военнопленных, оказавшихся в легионе, а создание самого легиона приписывалось Мустафе Чокаю, эмигрировавшему в 1918 году за границу. При этом не приводились документальные подтверждения сотрудничества Мустафы Чокая с нацистами. Что касается военнопленных, оказавшихся в Туркестанском легионе, то в СССР замалчивались либо игнорировались факты антигуманных, неправовых действий советской стороны до и после их возвращения на Родину. Отправной точкой обвинений в адрес Мустафы Чокая и бывших советских солдат и офицеров служила известная повесть С.Шакибаева "Падение Большого Туркестана", которая, как утверждается в аннотации, была "написана на строго документальной основе".

При отсутствии другой информации, кроме той, что выдавалась по указанию служителей советского режима, сведения о легионе и деятельности Мустафы Чокая преподносились в искажённом виде, в духе известного довоенного плаката "Наш ответ Чемберлену": туркестанские

легионеры назывались "бандитами", "предателями Родины", а Мустафа Чокай – "платным агентом французской, английской и японской разведок", который "быстро нашел общий язык с немецкими спецслужбами" и был "поставщиком клеветнических материалов о нашей стране через созданные им журналы "Ени Туркестан" и "Яш Туркестан"" [1].

Названные журналы, дошедшие до Казахстана после обретения республикой независимости, не содержат ни клеветнических материалов о советском строе, ни хвалебных слов о нацистах. В них содержится полемика Мустафы Чокая с выступлениями и публикациями советских партийных деятелей, разоблачается суть национальной политики большевиков в Туркестане с привлечением документов самих большевиков, проводится анализ внешней и внутренней политики СССР и ситуации в мире. Большевики, со своей стороны, не ссылались ни на одну публикацию Мустафы Чокая.

Работы советских авторов не были лишены откровенной лжи, грешили противоречивыми сведениями. Так, с одной стороны, Мустафа Чокай обвиняется в создании вооружённых формирований "для использования в военных действиях против своего народа", с другой - утверждается, что "Чокай не успел приступить к созданию армии" [2].

Разные сведения даны относительно даты кончины Мустафы Чокая: П.С Белан утверждает, что Мустафа Чокай умер в январе 1942 года [3], а по С.Шакибаеву, в марте 1942 года Мустафа Чокай был еще жив [4]. Тогда как подлинная дата смерти Мустафы Чокая, согласно справке берлинских врачей и надписи на надгробной плите, – 27 декабря 1941 года.

Поэтому есть все основания для проведения беспристрастного, разностороннего, независимого от идеологического давления исследования с опорой на различные архивные материалы и документы, раскрывающие деятельность Мустафы Чокая, его причастность либо непричастность к созданию легиона.

Основания сомневаться в правомерности обвинений коммунистических идеологов в отношении советских военнопленных дают и результаты работы Комиссии (Российской Федерации) по реабилитации жертв политических репрессий [5].

Появление после распада СССР доступа к ранее закрытым материалам, а также необходимость восстановления истины относительно прошлого народов, вынужденных в течение 74

лет представлять свою историю под прессом идеологии РКП(б), ВКП(б) и КПСС, тоже говорят в пользу возвращения к теме Второй мировой войны, рассмотрения этого события с позиции общечеловеческих ценностей и с учетом новых сведений.

История Туркестанского легиона – не частный эпизод Второй мировой войны. Она затронула судьбы сотен тысяч выходцев из советской Центральной Азии. Достаточно отметить, что из 5,7 миллионов попавших в плен солдат и офицеров Красной армии почти треть составляли туркестанцы.

Обвинения в адрес Мустафы Чокая официально не сняты и сейчас, после обретения Казахстаном своей независимости.

И, наконец, поиск путей преодоления бездуховности стал в начале XXI века центральной проблемой как в науке, так и в обществе в целом. В этой связи осмысление судеб сотен тысяч наших соотечественников, оказавшихся жертвами двух циничных режимов, даёт возможность высвободить историческую науку из идеологических тисков и подчинить её нравственным законам.

В свете вышеуказанных причин избранная тема представляет не только научный интерес для историков и политологов, но и интерес гуманистический, общечеловеческий.

Научную новизну настоящего исследования, наряду с тем фактом, что история Туркестанского легиона **впервые** подвергается всестороннему научному анализу, определяют следующие положения.

1. Поскольку Туркестанский легион был сформирован и задействован на территории Европы, изучение его истории проведено с привлечением **38 документов и материалов из архивов Германии (Bundesarchiv, Politisches Archiv) и Франции (Service Historique de l'Armée de Terre, Archives de la Résistance), вводимых в научный оборот впервые в отечественной историографии.** Они служат документальным подтверждением положений данной работы. Для этого использованы также результаты малоизвестных у нас исследований западных ученых, касающихся в той или иной мере темы советских военнопленных.

2. Изучение истории легиона невозможно без освещения политической обстановки в Туркестане, сложившейся после падения царского самодержавия в России. По этой причине главу о Туркестанском легионе предваряет рассмотрение широкого исторического контекста, позволяющего понять причины и условия, вынудившие тюркоязычных

военнопленных из советской Центральной Азии согласиться идти в ряды вермахта.

3. Туркестанский легион в работе исследуется в контексте восточной политики Третьего рейха, то есть как структурная единица, входившая в комплекс "Институт Арбайтсгемайншафт Туркестан – Туркестанский Национальный комитет – Туркестанский легион", с одной стороны, и национальной политики большевиков в отношении к нерусским народам СССР – с другой. Таким образом, анализ проводится с учетом идеологического фона Туркестанского легиона - большевизма и нацизма.

После распада СССР появилась возможность объективного анализа истории советских тюркоязычных народов. Можно назвать работы Мамбета Койгельдиева, Мухтара Кул-Мухаммеда, Салавата Исхакова, Искандера Гилязова и других. История народов советской Центральной Азии нашла своё отражение в диссертационном исследовании представителя казахской диаспоры в Турции Абдулуахапа Кара.

Специфика темы Туркестанского легиона при её масштабном охвате, а также аналитический разбор текстовых материалов продиктовали структуру работы.

История легиона понимается нами как продолжение туркестанцами идеи борьбы Мустафы Чокая за независимость своей Родины. Поэтому деление на главы отражает разные этапы национального сопротивления тоталитарному режиму большевиков.

Вышеназванные направления научного поиска определили подход к теме Туркестанского легиона, отказ от традиционного, продиктованного советской идеологией, её рассмотрения.

Исходя из поставленных задач, в работе раскрывается содержание понятий "национализм" и "национально-освободительное движение", без чего невозможно постичь феномен Мустафы Чокая и понять условия, способствовавшие появлению Туркестанского легиона.

В приложении к работе даются использованные архивные материалы, приводимые на языке источника либо в переводе, в зависимости от технических возможностей. Они могут оказать помощь историкам и политологам в их дальнейших исследованиях истории Второй мировой войны.

Автор выражает признательность и благодарность следующим специалистам, оказавшим бескорыстную помощь в работе над книгой:

- профессору Шанталь Лемерсье-Келькежей (Франция), историку Клоду Дельпла (Франция), доктору Патрику фон цур Мюлену (Германия), исследователю Себастьяну Цвиклински (Германия), доктору юридических наук, профессору Мухтару Кул-Мухаммеду (Казахстан) за их содействие в получении доступа к архивам Франции и Германии;

- доктору философских наук, профессору Сагындыку Жунусовичу Кенжебаеву и доктору исторических наук, профессору Мамбету Кулжабаевичу Койгельдиеву за ценные замечания и предложения, сделанные ими в ходе рецензирования работы;

- Зейнеп Габдулловне Даукеевой (КазГУМО и МЯ им. Абылайхана) и Газизу Шыракбаевичу Мылтыкбаеву (Дипломатическая Академия МИД РК) за переводы немецких текстов;

- Алиму Алмату (Турция) и Зауиру Жуманиязову (Казахстан) за предоставление материалов из личных архивов.

Автор выражает особую признательность Премьер-министру РК Имангали Нургалиевичу Тасмагамбетову и директору издательства "Кайнар" Оразбеку Сарсенбаеву за их действенную и оперативную помощь в решении организационных вопросов при издании книги.

ГЛАВА I.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ТУРКЕСТАНЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ЦАРСКОГО РЕЖИМА И УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

1.1. Политические течения накануне захвата власти большевиками в Туркестане

Туркестан (Туркестанское генерал-губернаторство) после завоевания Россией Средней Азии включал в себя Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Закаспийскую и Семиреченскую области. Преобладающую часть населения составляли казахи, киргизы, узбеки, туркмены, таджики. В советской историографии нет объективной оценки политической ситуации в Туркестане рассматриваемого периода. Наиболее достоверное описание ситуации в Туркестане после падения царского самодержавия и прихода к власти в России Временного правительства дают секретные донесения французской военной миссии в Персии (Иране), адресованные военному министру Франции. Туркестан в этот период стал ареной противоборства следующих претендентов на господство в бывшей российской колонии:

- представителей свергнутого царского режима;
- Временного правительства;
- большевиков;
- Афганистана, который, пользуясь ситуацией смены власти, пытался вернуть себе захваченные царской Россией его территории в этом регионе;
- Англии, которая видела в Туркестане заслон от внешних посягательств на её владения в Индии и Месопотамии [6].

Туркестан представлял немалый интерес также для Германии и Турции, пытавшихся нейтрализовать активность Англии, их главного противника [7].

Что касается политических сил, сложившихся к этому периоду, то в Туркестане уже существовала определённая политически грамотная прослойка интеллигенции – она

появилась, несмотря на ограничения царского правительства в области образования в отношении представителей национальных окраин. Немало молодых людей сумели пройти обучение в ведущих учебных заведениях Петербурга, Москвы, Оренбурга и других городов. Они являли собой довольно влиятельную силу в туркестанском обществе. Ещё до падения царского режима, озабоченные судьбой своего народа, Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Миржакып Дулатов, Халел Мухамеджанов, Мухамеджан Тынышбаев, Мустафа Чокай и многие другие через издаваемые ими газеты активно занимались формированием и распространением политической мысли в Туркестане.

Ко времени прихода к власти Временного правительства в среде туркестанской интеллигенции наметились два подхода в отношении будущего устройства края. Согласно первому Туркестан должен был стать единым неделимым, самостоятельным государством, в составе которого могли бы быть несколько автономных уаялатов. Правительство будущего Туркестана должно было иметь своей главной задачей сплочение с помощью взвешенной разумной политики тюркских народов региона и создание единого национального государства. Эта идея принадлежала Мустафе Чокаю и его единомышленникам [8]. При этом они исходили из того, что Туркестан сможет восстановить свою утерянную государственность и защитить её от внешней угрозы только при консолидации всех тюркских народов, проживавших в регионе.

Сторонники другого направления развития Туркестана полагали более целесообразным создание отдельных национальных автономий в составе будущей России. Эту идею выдвигали и отстаивали представители партии Алаш во главе с Алиханом Букейхановым, Ахметом Байтурсыновым, Миржакыпом Дулатовым, Мухамеджаном Тынышбаевым. Идеология партии Алаш также исходила из интересов всего народа, не разделяя его на классы. Основной её целью было избавление от русского колониального гнёта. Согласно программе партии Алаш Россия должна была стать объединением равных государств на принципах федерации. Туркестан в составе России как равноправный член федерации должен был бы иметь право самостоятельно управлять собственным государством при тесном сотрудничестве с другими государствами-членами федерации [9].

В апреле и июне 1917 года в Оренбурге прошли два

всеказахских курултая. В июне два представителя партии Алаш – А.Букейханов и М.Тынышбаев – по поручению Временного правительства возглавили Тургайскую и Семиреченскую области [10].

Сырдарьинские казахи, находившиеся под сильным влиянием ислама и туркестанского джадидизма, в августе 1917 года созвали в Ташкенте конференцию, на которой представили проект национальной автономии более радикального характера, чем партия Алаш. Определились две группы, соперничавшие за культурное и моральное влияние в южном регионе: джадиды и улемисты. Их соперничество в дальнейшем переросло в политическую борьбу [11].

Джадиды восприняли Февральскую революцию как начало новой эры. В своих "Воспоминаниях о событиях 1917 года" (**"1917 жыл естеліктері"**) Мустафа Чокай объясняет, что эта вера появилась не на пустом месте: Первый всеказахский курултай, состоявшийся в Оренбурге в апреле 1917 года, выдвинул ряд требований, в том числе:

приостановить процесс переселения русских в Туркестан и возвратить коренным жителям их исконные земли, отобранные и переданные русским переселенцам;

передать административные функции в крае в руки самих туркестанцев;

вернуть домой туркестанцев, мобилизованных на тыловые работы в ходе Первой мировой войны.

Все эти требования были признаны и приняты Временным правительством [12].

Джадиды стремились использовать свободы, предоставленные Февральской революцией, для полного участия Туркестана в политической жизни новой России, считая, что они выражают интересы мусульманского населения. Джадиды были согласны сотрудничать с русскими социалистами, но при условии признания ими традиций коренного населения. Расхождения с улемистами касались главным образом вопроса об основах будущего Туркестанского государства.

Улемисты, представлявшие традиционную местную элиту, выступали за национальную автономию в составе России. Однако эта автономия должна была основываться на принципах шариата [13].

29 октября 1917 года Ташкент оказался в руках большевиков [14].

В ноябре 1917 года улемисты созвали съезд мусульман и

предложили Ташкентскому совету большевиков создать новый коалиционный Туркестанский комитет. Со стороны большевиков последовал отказ.

Неоднократные попытки представителей Временного правительства (с ними был и Мустафа Чокай) провести переговоры с большевиками также завершились безуспешно. Члены делегации при посещении большевистской штаб-квартиры в Ташкенте были подвергнуты насилию [15]. Большевики были бескомпромиссны. Они пользовались услугами людей, известных своей жестокостью и преступным прошлым, как в случае с комиссаром Фроловым, который по вечерам развлекался, стреляя в освещённые окна мирных жителей [16].

После захвата Ташкента, как свидетельствуют донесения французской военной миссии, большевики предались кровавым репрессиям. Представители Временного правительства, среди которых были граф д'Оррер, генерал Киелечко, адвокат Дружкин, полковник Бек и капитан Русанов, были заточены в крепость и "умерщвлены самым жестоким образом: их крики доносились с раннего вечера до двух часов ночи". Руководили пыткой большевики Тоболин, Перфильев, Колосов, Стасиков [17].

С 5 по 13 декабря 1917 года по инициативе партии Алаш прошёл Третий всекиргизский (казахский) съезд, на котором 10 декабря 1917 года была провозглашена Автономия Казахского Края и был избран Исполнительный Комитет. Было образовано два правительства на территории Степи: западного Казахстана и восточного Казахстана. Задача обоих правительств состояла в том, чтобы воспрепятствовать проникновению большевиков на территорию Степи [18]. Автономия Казахского Края вошла в историю как автономия, управлявшаяся правительством Алаш-Орды. Автономия Алаш-Орды была разгромлена в 1918 году. Лидеры партии Алаш были арестованы большевиками и расстреляны в тридцатые годы.

1.2. Туркестанская (Кокандская) автономия и её разгром большевиками

После отказа большевиков Ташкента пойти на переговоры джадиды созвали в конце ноября - начале декабря 1917 года съезд в городе Коканде. Был образован Совет народов

Туркестана: две третьих Совета составляли местные жители, одну треть – русские и евреи. 10 декабря 1917 года своим волеизъявлением Совет провозгласил Туркестанскую автономию, вошедшую в историю как Кокандская автономия по месту её провозглашения. Правительство возглавил Мухамеджан Тынышбаев, которого затем сменил Мустафа Чокай. Мухамеджан Тынышбаев возглавил министерство внутренних дел. В правительство также вошли: Султан Шоахмедов – заместителем премьер-министра, Убайдулла Ходжаев – военным министром, Юрали Агаев – министром земледелия и водных ресурсов, Обиджон Махмудов – министром продовольствия, Соломон Абрамович Гершвельд – министром финансов. Четыре вакантных места предназначались для представителей от европейской части населения [19].

Мустафа Чокай, понимая всю ответственность, которую возлагает на них провозглашение Кокандской автономии в тогдашних условиях, в своем выступлении на съезде сказал, что для построения полнокровного государства и его сохранения требуются кадры и армия. Он напомнил, что "как бы ни была ослаблена Россия, она сильнее Туркестана" [20]. Позже, в 1932 году, анализируя декабрьские события, Мустафа Чокай в статье **"Желтоқсан естеліктері"** ("Воспоминания о декабрьских событиях")* пишет: "Провозглашение автономии подняло дух туркестанцев. Кокандская автономия явилась определенным этапом в нашей жизни, показавшим, насколько была слепа наша вера в русскую революцию и русскую демократию"[21].

Провозглашая автономию, её сторонники ссылались на ленинский декрет об автономии для всех народов России. "Улуг Туркистан", самая влиятельная газета в Центральной Азии, издаваемая Бюро туркестанских "татар" (в состав её редакции входил и Мустафа Чокай), отмечала, что "исходя из этого, объявление Кокандской автономии не противоречит желанию народа и центрального правительства" [22]. Кокандская автономия была поддержана многотысячными митингами и демонстрациями в городах и аулах края. 13 декабря состоялась

---

* Здесь и далее перевод впервые приводимых на русском языке цитат из трудов Мустафы Чокая выполнен Бахыт Садыковой.

одна из таких мирных демонстраций в Ташкенте в поддержку Кокандской автономии. Большевики встретили демонстрантов пулемётными очередями.

Как указывает автор упомянутых донесений французской военной разведки, "большевистское правительство Ташкента, состоявшее исключительно из русских, настроенных враждебно против автономии Туркестана и коренного населения, осталось верным этой линии поведения. В тесном контакте с правительством Советов в Москве оно быстро стало централизующим и антисепаратистским органом. Большевики и не думали считаться с интересами местных жителей, зато они проявили снисходительность к некоторым кругам русских консерваторов, так как им не был чужд принцип единения русских по национальному признаку" [23].

В статье **"Желтоқсан естеліктері"** Мустафа Чокай называет 13 декабря 1917 года траурным днём, "когда русские большевики злодейским образом убили десятки наших соотечественников, и кровь народа лилась рекой" [24]. Формально продекларировав право наций на самоопределение, большевики загнали в прочные оковы саму идею независимости нерусских народов бывшей царской России. На IV краевом съезде Советов Туркестана (19 – 26 января 1918 года) представитель фракции большевиков И. Тоболин однозначно выразился за создание особых условий для "класса трудящихся, класса пролетариата". Поскольку в Туркестане пролетариат был представлен только русскими переселенцами, эта завуалированная формулировка означала откровенное пренебрежение интересами коренного населения. В связи с этим съезд большевиков принял постановление "объявить вне закона Кокандское автономное правительство и арестовать главарей". Сам факт провозглашения автономии Туркестана был квалифицирован как "попытка контрреволюционных элементов найти опору в среде мусульманской буржуазии и темной массы мусульманства" [25] .

На Коканд были брошены войска, состоявшие из рабочей красной гвардии, вооруженной милиции дашнак-цутунского отряда *(дружины одноимённой армянской партии, известные своей особой жестокостью, были в рядах вооруженных сил советского Туркестана)* и воинских частей Ташкентского гарнизона. Шестого февраля были начаты боевые действия

против небольшого отряда сторонников Кокандской автономии. Три дня длилась резня большевиками мусульманского населения. Как отмечают английские исследователи, точное количество вырезанных жителей неизвестно, но оно, безусловно, огромно. Население Коканда, которое в 1897 году составляло 120.000 человек, в 1926 году сократилось до 69.300. Город был разрушен и сожжён [26].

Не имея армии, Кокандская автономия не сумела противостоять превосходившим силам большевиков, и после 64-дневного существования 13 февраля 1918 года была разгромлена. Сторонники автономии были вынуждены отойти в Ферганскую долину, где свыше 10 лет вели партизанскую войну.

Несмотря на всю жестокость репрессивных акций большевиков, лишь после 1920 года большевики сумели преодолеть это сопротивление [27].

1.3. Новый этап в национально-освободительном движении и эмиграция

Советская историография преподносила искажённо историю установления советской власти в Туркестане: автономия, провозглашенная в Коканде, сознательно представлялась как буржуазно-националистическое, пантюркистское государственное образование, имевшее целью восстановление Кокандского ханства [28]. Национально-освободительное движение, оказывавшее сопротивление установлению советской власти в Туркестане и известное как басмаческое, было умышленно приравнено к бандитизму и разбойничеству. Сам термин "басмачество" появился в 1919 году. На деле, в туркестанском обществе "басмачи" - это народные мстители и заступники. Их лозунг гласил: "Туркестан – родина туркестанских народов. Изгоним врага с родины". Движение возглавляли авторитетные люди, среди которых были оставшиеся в живых члены правительства Кокандской автономии. Оно имело всенародный характер, охватив все слои населения: представителей духовенства, интеллигенции (в основном, выходцы из джадидского движения), дехкан, ремесленников, сапожников [29].

То, что басмачи не были на самом деле ни бандитами, ни разбойниками, признавали и сами большевики. Так, командующий Туркфронтом М.В.Фрунзе в январе 1920 года

докладывал обстановку в Туркестане следующим образом. "Два с лишним года житница Туркестанского края Фергана является ареной кровавой борьбы… Местная советская власть в первое время своего существования сделала всё возможное, чтобы оттолкнуть от себя трудовое население вместо привлечения к власти широких кругов рабочего и крестьянского населения… Вместо национализации производства шёл открытый грабёж не только буржуазии, но и средних слоёв населения… Действовавшие здесь части красноармейских войск в руках некоторых руководителей превращались из защитников революции и трудового народа в орудие насилия над ним. На этой почве и создалось то движение, которое известно под именем басмачества. Басмачи не просто разбойники. Если бы было так, то, понятно, с ними давно было бы покончено" [30].

Представитель французской военной миссии в Персии Жорж Дюкрок в своём донесении назвал репрессивные акции против повстанцев Ферганы "новым проявлением негибкой политики в отношении автономистских тенденций". Далее он обрисовал сложившуюся обстановку: "Когда начались волнения в этой плодородной провинции, по праву называемой туркестанским раем, Колосов (один из представителей большевиков в Фергане – Б.С.) при поддержке рабочих и железнодорожников подавил бунт с энергичностью, напоминавшей действия русских генералов в Андижане. Заводы были разрушены, всё промышленное богатство Ферганы было уничтожено. Самое деятельное участие в этих акциях принимал комиссар Осипов. Волнения не прекратились. Они продолжаются и сейчас. Это вынуждает большевиков поддерживать в Фергане военные действия" [31].

Мустафа Чокай в статье **"Керенский және Түркістандағы ұлттық қозғалыс"** ("Керенский и национальное движение в Туркестане") пишет о бесчинствах, учинённых большевиками в отношении коренного населения, так: "В результате "блокады голодом" погибли 1 миллион 117 тысяч туркестанцев… На ноябрьской конференции 1917 года большевики приняли решение не допускать туркестанцев к управлению Туркестаном… Русские солдаты беспричинно предали огню и мечу мирные селения местных жителей…Русские мужики силой отобрали у туркестанцев их скот и лучшие пастбища... В ответ на обращение жителей с

просьбой прекратить грабежи и бесчинства Сталин заявил, что это "вполне оправданные действия русского народа, который впервые в мире совершил пролетарскую революцию". Всё это, по мнению Мустафы Чокая, способствовало расширению национально-освободительного движения в Туркестане [32].

Что касается численности участников басмаческого движения, то узбекские историки со ссылкой на советские и зарубежные архивные источники называют цифру от 70 до 100 тысяч человек [33].

Кокандская автономия явилась одним из первых опытов восстановления Туркестанской государственности демократическим путем через свободное волеизъявление народа. Её разгром дал толчок к возникновению широкого национально-освободительного движения в Туркестане.

Изучив опыт таких движений, французский исследователь Ален Гандольфи в работе "Les mouvements de libération nationale" ("Национально-освободительные движения") [34] на основании анализа большого фактического материала делает выводы, имеющие универсальный характер.

По своему характеру, целям и задачам национально-освободительные движения могут быть двух типов:

1) если задачей национально-освободительного движения является избавление своего народа от колониальной или микроколониальной зависимости, аннексии либо от какой-то другой формы господства, то оно квалифицируется как движение за национальную самостоятельность, за самоопределение (libération-sécession);

2) если же задачей национально-освободительного движения является вооружённая борьба за захват существующей власти с тем, чтобы внедрить свою программу реформ и свою идеологию; если при этом выдвигаются лозунги "освобождения народа от внутреннего гнёта и притеснения", от "тирании одной личности" или режима, от господства какой-либо группы людей или социального класса, то речь идёт о революции или терроризме (libération-révolution), в зависимости от того, каким оно окажется после достижения своей цели [35].

А.Гандольфи устанавливает ряд закономерностей структурного и содержательного плана, свойственных национально-освободительному движению [36].

Национально-освободительное движение за самоопределение *имеет целью* восстановление либо построение национального государства (Etat-nation) через разрыв с

государством-предшественником, которое воспринимается как незаконное. Эта нелигитимность проистекает из колониального характера оккупации [37].

Средства достижения цели зависят от среды и обстоятельств, в которых живет и действует движение. Оно вынуждено адаптироваться к этим условиям и в любом случае не может обойтись без применения насильственных методов в достижении своей цели.

Структура движения в большинстве случаев напоминает правительство какого-либо государства, даже если это правительство вынуждено временно располагаться за пределами своей страны. Это своего рода политическое руководство в ссылке, которое из-за обстоятельств должно быть вдохновителем борьбы, давать импульс не только движению, но и, по возможности и в идеале, более широким массам, стараясь вовлечь в национально-освободительное движение весь народ, всю нацию, ибо без поддержки народа оно теряет свой главный признак – национально-освободительный характер.

Стратегия и способы действия движения диктуются самим характером противостояния. Поскольку оно противостоит государству-колонизатору, более сильному, располагающему всеми легальными средствами для подавления движения, то задача последнего – избегать прямого столкновения. Национально-освободительное движение старается ослабить, дестабилизировать государство-колонизатор с тем, чтобы для начала достичь преимущества, а затем одержать окончательную победу, прибегнув к классической войне либо народному восстанию [38].

И, наконец, сказанное о национально-освободительном движении возможно реализовать лишь при наличии достойного лидера, вождя. Личность вождя должна отвечать определенным требованиям, обеспечивающим ему лидерство. Главное его качество – достижение харизматических масштабов, что абсолютно необходимо для придания энергии движению и её поддержания [39].

С этих позиций национально-освободительное движение в Туркестане, названное басмаческим, может однозначно квалифицироваться как движение за национальное самоопределение (libération-sécession). Оно не ставило задачу свержения власти в России, как это было в случае с октябрьским переворотом, свергнувшим Временное правительство. Кокандская автономия, возглавляемая Мустафой Чокаем, явилась

одним из выражений стремления народа Туркестана восстановить свою государственность, утерянную в шестидесятые годы XIX века в период российской колонизации. Мустафа Чокай стоял за развитие концепции единого Туркестана (или Туркестанской целостности), заложенной в свое время известными национальными лидерами, такими, как Баласагун, Навои, Жумабай [40].

Попытку правительства Кокандской автономии восстановить утраченную Туркестанскую государственность, так же как и правительства Алаш-Орды, провозгласившего Автономию Казахского Края, следует расценивать как первые и самые яркие, после падения царизма, проявления национального возрождения тюркских народов российской Центральной Азии.

V краевой съезд Советов, проходивший с 20 апреля по 1 мая 1918 года, принял "Положение о Туркестанской Советской Республике", согласно которому Туркестан был объявлен советской социалистической республикой в составе Российской Советской Федерации. В основу данного государственного образования был положен строго классовый принцип, не допускавший никакой другой интерпретации, касающейся национально-территориальной автономии населяющих народов. Провозглашение Туркестана советской республикой не опиралось на демократическое волеизъявление народа [41].

Подавление демократических свобод привело к образованию весной 1918 года оппозиции в лице Туркестанской Военной Организации, куда вошли бывшие офицеры царской армии, колониальные чиновники, представители русской и национальной буржуазии [42].

В июне 1918 года большевики организовались в Коммунистическую партию Туркестана, в которой из 43 членов только 6 были представителями коренных народов. Это укрепило зависимость местной власти от контроля партийных органов и дало возможность интенсивного внедрения идей классовой борьбы в широкие массы [43].

После объявления "Кокандского автономного правительства вне закона" и принятия решения "арестовать главарей", большевики назначили 1000 рублей за голову Мустафы Чокая. Первого мая 1918 года Мустафа Чокай под чужой фамилией в сопровождении своей супруги Марии Яковлевны покидает Ташкент [44].

В условиях полного пренебрежения национальными интересами коренного населения и утверждения классового

подхода как единственного принципа формирования государственности политические формы борьбы могли привести только к физическому устранению лидеров и сторонников национально-освободительного движения. Охладить большевистский пыл и приостановить большевистские бесчинства в крае, повернуть развитие событий в русло демократии можно было, лишь предав мировой гласности всю правду о "красном терроре" в Туркестане. Это стало основной задачей Мустафы Чокая, которую можно было осуществить только за пределами большевистской России, в эмиграции.

По утверждению российских историков, большевики пытались привлечь Мустафу Чокая на свою сторону уже с первых дней установления советской власти в Туркестане, предлагая ему войти в состав Туркестанского совнаркома в качестве председателя [45] и несколько позже - стать советником советского правительства в кемалистской Турции [46].

После отъезда из Ташкента Мустафа Чокай вместе с социалистами-революционерами в августе 1918 года участвует в работе 2-го совещания Комитета членов Учредительного собрания, прошедшего в Челябинске, а в сентябре того же года – в работе Государственного совещания в Уфе [47].

В этот же период Мустафа Чокай сотрудничает с грузинскими автономистами, активно участвует в политической жизни мусульманского сообщества на Кавказе, работает в редакциях газет "Вольные горцы" и "Борьба", при финансовой поддержке грузинского правительства налаживает издание журнала "На рубеже", став его главным редактором [48].

Мустафа Чокай в Тбилиси издаёт также две мусульманские газеты – "Ени Дунья" ("Новый мир") и "Шафак" ("Заря") на турецком языке [49].

До начала 1921 года, то есть до вторжения частей Красной армии под командованием Серго Орджоникидзе в Грузию, Мустафа и Мария Чокай проживают в Тбилиси. Приход большевиков в Грузию вынуждает их переехать в Стамбул, где Мустафа Чокай сотрудничает с газетой "Таймс" [50].

В марте 1921 года супруги Чокай покидают Турцию и эмигрируют во Францию. Мустафа Чокай продолжит в Европе прерванный октябрьским переворотом процесс борьбы за независимость Туркестана, понимая необходимость привлечения внимания всей мировой общественности к ситуации в Туркестане.

1.4. Советская пропагандистская политика в отношении Кокандской автономии

Свою официальную версию о провозглашении и разгроме Кокандской автономии советское правительство изложило в Большой Советской Энциклопедии. Однако с каждым новым изданием БСЭ объём сведений о Кокандской автономии становился всё меньше.

Наличие в настоящий момент нейтральных архивных источников даёт возможность сопоставить факты, изложенные в них, с тем, что написано, к примеру, в двух изданиях БСЭ: 1938 и 1953 гг.

В издании БСЭ 1938 года Кокандская автономия, взятая в кавычки, названа "контрреволюционным движением в Туркестане, центр которого находился в Коканде. С провозглашением 1 ноября 1917 года в Ташкенте власти Советов как национальная, так и русская буржуазия и царское чиновничество в целях борьбы с Советской властью сгруппировались в Коканде". Затем уже, по версии большевиков, "в Коканд перебирается и краевой совет мусульман "Шура-Исламия", ставший центром, объединяющим все контрреволюционные силы Туркестана..." [51].

"Кокандская авантюра встретила решительное сопротивление со стороны трудящихся Туркестана. 7 января 1918 года в старом Ташкенте на состоявшемся многолюдном митинге узбеков была принята резолюция, призывавшая не признавать самозванное кокандское правительство; такая резолюция принималась и в других городах" [52].

В архивных источниках сведения либо упоминания о "судьбоносном" митинге 7 января 1918 года не встречались. Исследованные нами источники дают подробное изложение хода манифестации 13 декабря 1917 года и расстрела большевиками мирных жителей, поддержавших Кокандскую автономию. Но ни в одном издании БСЭ об этом не сказано ни слова. Зато отмечено, что "13 декабря, в день рождения Магомета, русские белогвардейцы под видом "торжественного" объявления "автономии" Туркестана спровоцировали контрреволюционное выступление, закончившееся нападением на тюрьму и освобождением Доррера и других контрреволюционеров" [53].

Сопоставление написанного в БСЭ с архивными данными

позволяет убедиться в том, что исторические факты были советскими авторами извращены.

Имя Мустафы Чокая (Чокаева) упоминается лишь однажды в энциклопедической статье 1938 года, а в издании БСЭ 1953 года оно уже не фигурирует.

В издании 1938 года подчёркивается, что "низложил и арестовал правительство "Кокандской автономии" краевой совет мусульманских рабочих и дехканских депутатов 31 января 1918 года" [54]. В 1953 году этот абзац заменён утверждением, что "трудящиеся массы местного коренного населения, особенно бедняцкие слои, относились к "Кокандской автономии" явно враждебно и были всецело на стороне Советской власти" [55]. В отличие от предыдущего издания текст заменён новым, в котором внимание читателя акцентируется главным образом на "басмаческих бандах".

Идеологический заказ редакторами БСЭ выполнен добросовестно: на бумаге был придан классовый характер событиям, связанным с провозглашением Кокандской автономии; со стороны местного населения автономия встретила "решительное сопротивление" и "явную враждебность", и оно же в лице своих представителей (дехканских депутатов) само низвергло и арестовало "контрреволюционное буржуазное правительство Кокандской автономии".

ГЛАВА II.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРКЕСТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Эмиграция Мустафы Чокая была вызвана необходимостью перехода к новой тактике и новой стратегии в национально-освободительном движении.

В первое время необходимо было наладить контакты с органами демократического толка. В Париже находились эмигрировавшие ранее бывший глава Временного правительства А.Ф.Керенский, лидер партии социалистов-революционеров Н.Д.Авксентьев, организатор партии кадетов П.Н.Милюков, которых Мустафа Чокай хорошо знал по Петербургу и Ташкенту [56].

Мустафа Чокай сотрудничает с газетами "Дни" А.Керенского и "Последние новости" П.Милюкова.

Самым большим доверием и уважением у туркестанцев пользовался однокашник Мустафы Чокая по ташкентской гимназии и петербургскому университету Александр Керенский. В статье **"Керенский және Түркістандағы ұлттық қозғалыс"** ("Керенский и национальное движение в Туркестане") Мустафа Чокай показывает перерождение Керенского-демократа в Керенского-шовиниста: "Бывший председатель Временного правительства России Керенский занимает особое место в среде русских политических деятелей, находящихся в эмиграции. В свое время он пользовался огромным авторитетом в Туркестане. Его выступления в Ташкенте, Андижане и с трибуны Государственной думы после поездки в Туркестан в 1916 году вместе с Тевкелевым, в которых он дал глубокий анализ причин бунта туркестанцев против политики царского правительства, снискали ему известность не только в Туркестане, но и во всех тюркоязычных регионах России. Тогда нам, находившимся под гнетом царской

России, образ Керенского-революционера был как луч надежды. Я сопровождал Керенского и Тевкелева в их поездке в Туркестан. В моей памяти живы воспоминания о Керенском того времени: не только содержание его речей, но и их малейшие нюансы. 22 августа 1916 года в Андижане по просьбе Керенского в местной мечети состоялось богослужение о здравии туркестанцев и русских, об установлении гуманных, дружеских отношений между ними. После Керенский говорил собравшимся о том, что русские демократы не берут на себя никакой ответственности за тоталитарный режим, установленный царским правительством, что русская демократия борется за то, чтобы управление государством перешло в руки народа. Высказывался за равенство в правах туркестанцев и русских…" [57].

Периодическая печать русских демократов в эмиграции по-разному оценивала ситуацию в большевистской России. Газета консервативных кругов, возглавляемых Струве и нефтяником Гукасовым, под названием "Возрождение" обвиняла в "большевистском кошмаре" либеральную интеллигенцию и керенщину. Газета "Последние новости" Павла Милюкова видела причину бед в "косности консерваторов и происках неудачников вроде Керенского, ставивших палки в колеса мудрому Милюкову". А газета "Дни" Керенского утверждала, что "в падении Временного правительства повинны решительно все, кроме Керенского [58].

Приход в 1922 году к власти Муссолини в соседней Италии и распространение расистских идей в Европе ускорили процесс раскола в рядах русской эмиграции и перерождение русских демократов. Мустафа Чокай в вышеназванной статье пишет, как Керенский отзывается о туркестанцах спустя 10 лет: «В газете "Дни" от 10 ноября 1926 года опубликовано письмо одного русского, сосланного большевиками. Вот как прокомментировал его главный редактор Керенский: "Обращает на себя внимание тот факт, что ссыльные последней волны, не выдержав и трёх лет пребывания, сочетаются браком с каким-нибудь произведением местной фауны женского рода". Далее Керенский приводит выдержку из письма, в которой автор называет "неплохим обстоятельством, что потомки орангутангов понемногу научились вести хозяйство…"» [59].

В своих воспоминаниях Мария Яковлевна Чокай пишет так об этом периоде деятельности своего супруга: "Мустафа был

противником узколобого национализма. Он стоял на позициях единения народов Туркестана. И русские националисты признавали в нём это, однако не хотели считаться с интересами ни народов Туркестана, ни каких-либо других народов нерусского происхождения. Этот принцип русской демократии глубоко задевал честь Мустафы. По этой причине он в 1923 году порвал с русскими демократами и русской периодической печатью" [60].

В этих условиях сотрудничество Мустафы Чокая с русской эмиграцией в политическом противостоянии коммунистическому режиму становится невозможным.

Организация деятельности национально-освободительного движения за рубежом ещё больше осложнилась после того, как в 1925 году, сразу же после официального признания СССР Францией, в Париже обосновалась резидентура иностранного отдела ЧК, которая установила слежку за эмигрантами и приступила к ликвидации лидеров национально-освободительных движений. Первой её жертвой в 1926 году стал украинский националист Петлюра [61]. В 1925-26 гг. советские дипломаты предлагают Мустафе Чокаю съездить в Туркестан [62], но он отвечает отказом, понимая, что большевики ищут возможность его физического устранения.

Незадолго до этого в КазОГПУ было заведено уголовное дело на Мустафу Чокая. Связи Мустафы Чокая с туркестанскими националистами и близкими родственниками берутся под контроль ОГПУ, выполняющего директиву КазЦИК от 4 октября 1924 года выявить контакты Мустафы Чокая в Казахстане и источники, снабжающие его закрытыми политическими документами, которыми он оперирует в своих статьях. Так, в письме сотрудника КазОГПУ Савицкого, адресованном начальнику южноказахстанского ОГПУ Севергину, утверждается, что алашордынцы, среди них М.Тынышбаев, Ж.Досмухамедов, С.Акаев, К. Кожыков, продолжают оказывать Мустафе Чокаю всяческую помощь, включая финансовую. Савицкий даёт южноказахстанскому ОГПУ приказ выяснить, каким образом осуществляется эта связь, а также установить имена связников Мустафы Чокая. По указанию советских спецслужб берутся на заметку известный казахский певец Амре Кашаубаев, выступавший в 1925 году в Париже на этнографическом концерте, и всемирно известный борец Кажымукан Мунайтпасов, выезжавший на соревнования в Европу [63]. Агент ОГПУ Галижан Садыкулы получает

задание внедриться в среду туркестанских националистов за рубежом и собрать сведения о Мустафе Чокае и его окружении [64].

Деятельность национально-освободительного движения невозможна без широкой пропаганды своей программы и распространения своих идей в широких слоях населения с тем, чтобы найти поддержку у общественности. В этих целях органами национально-освободительного движения становятся журнал "Yeni Turkistan", издававшийся на турецком языке в Стамбуле с июля 1927 по сентябрь 1931 года, а также с 1929 года - ежемесячный журнал "Яш Туркестан", орган национальной защиты (как указано на обложке), выходивший сначала в Берлине, затем в Париже. Последний номер "Яш Туркестана" датирован 1939 годом. Мустафа Чокай был главным издателем и осуществлял политическое руководство обоих журналов [65]. Так, в издании "Яш Туркестан" наряду с политическими статьями вышли в свет карта Туркестана с надписями на французском и турецком языках, а также книги д-ра Тахира Шакира "Хлопковое хозяйство Туркестана" в 1934 году (Берлин) и "Трагедия национальной литературы и писателей Туркестана" в 1935 году (Берлин).

Сподвижниками Мустафы Чокая в организации работы журнала стали студенты, которые в 1922 году были направлены на учёбу из Туркестана в Берлин. В силу необходимости соблюдения конспирации полный список сотрудников редакции неизвестен. Из свидетельств бывшего военнопленного Алима Алмата, а также из писем Марии Чокай, адресованных ему, явствует, что ближайшими помощниками Мустафы Чокая в издании журнала "Яш Туркестан" были доктор Октай, его супруга Саида Октай, а также Тахир Чагатай, которые после кончины Мустафы Чокая переехали жить в Турцию, где они продолжили деятельность по пропаганде идей Мустафы Чокая. Так, в 1971 году они издали книгу воспоминаний Марии Чокай на турецком языке, но и тогда в конспиративных целях не стали указывать настоящее имя редактора, ограничившись подписью "туркестанец".

В материалах журнала "Яш Туркестан" Мустафа Чокай проводит свой анализ внутриполитической и экономической ситуации в Туркестане с опорой на документальную основу, привлекая материалы и данные самих большевиков. Его статьи отличают самостоятельное, объективное осмысление фактов, отсутствие влияния господствовавшего в белоэмигрантских

кругах перехлёста в оценке большевизма. Все 117 номеров журнала "Яш Туркестан" [66], увидевшие свет в период с 1929 по 1939 гг., охватывают широкий круг проблем, которые условно можно было бы разбить на три крупных блока:

а) политико-экономическая ситуация в советском Туркестане;

б) внешняя политика большевиков;

в) политические события в Европе и мире.

Мустафе Чокаю, совместившему в себе профессионализм юриста, политика и журналиста, удается со всей полнотой раскрыть суть деятельности большевиков в Туркестане. Так, в области экономики повторение хлопковой политики царского министра Кривошеина привело в итоге, как предсказал Мустафа Чокай, к голоду в тридцатые годы. В области политики большевистский термин "туркестанский пролетариат" имел не более чем мифическое содержание, а подогревание коммунистами шовинистических чувств русских необходимо было советской власти для полной колонизации туркестанцев, установив верховенство русского народа и приступив к постепенному вытравливанию из туркестанцев чувства национального достоинства. Мустафа Чокай показывает шараханья большевистской печати, метавшейся между здравым смыслом и отторгаемой населением большевистской идеологией, разоблачает факты статистических подтасовок и фальсификации истории в угоду правящему режиму. В итоге, вся деятельность Советов в Туркестане предстает как лишённая общечеловеческой, политической и экологической культуры.

Ценным для исследователя истории Второй мировой войны является анализ Мустафой Чокаем внешней политики СССР за десятилетний период (1929 – 1939), выявляющий истинные вожделения коммунистов на мировое господство через организацию мировой революции (создание Коминтерна; подрывная работа советской агентурной сети в Испании и других странах; постепенное сращение интересов Сталина и Гитлера в отношении Польши; распространение фашизма в Европе, заразившего также русскую эмиграцию в Париже; работа советских спецслужб по ликвидации видных национальных деятелей и разжиганию конфликта между советскими республиками в угоду политическим замыслам коммунистов).

Особое внимание уделяется, в связи с остротой

политической ситуации в Европе и мире, анализу международного положения.

Знание ряда европейских языков позволяет Мустафе Чокаю выступать с докладами и аналитическими обзорами в Париже, Лондоне, Стамбуле, Варшаве. Так, например, его доклад, сделанный на собрании комитета "France - Orient" "О современном положении Туркестана", был опубликован в феврале 1930 года в Bulletin Officiel du Comité "France - Orient". По приглашению Королевского института по международным делам 27 марта 1933 года Мустафа Чокай выступает в Лондоне с докладом "Советский Союз и Восточный Туркестан". Мустафа Чокай руководит Туркестанским Национальным Объединением (Union Nationale du Turkestan), созданным в Париже, публикует материалы о политике большевиков в Туркестане на английском, французском, турецком, польском языках в таких ведущих европейских изданиях, как: *The Journal of Royal Central Asian Society, The Asiatic Review, (London), Orient et Occident, Revue du Prométhée (Paris), Wschòd (Warsaw)* [67].

Благодаря разносторонней политической деятельности и большой эрудиции авторитет Мустафы Чокая в Европе был очень высок, он пользуется поддержкой польских, французских и германских властей, а также различных европейских организаций и институтов [68].

В 1928 году выходит в свет на французском языке монография Мустафы Чокая "Chez les Soviets en Asie Centrale " ("Туркестан под властью Советов") [69].

Поводом к написанию монографии, как отмечает сам Мустафа Чокай, послужил доклад делегации французских коммунистов, посетившей Туркестан по приглашению советского правительства. В предисловии к работе Мустафы Чокая, написанной социалистом Пьером Реноделем, говорится: "Конечно, те, кто делает ныне фантастические заявления по поводу показанных им "потёмкинских деревень", будут жаловаться, что автор брошюры, разоблачая красоты советской власти в Туркестане, клевещет на их добросовестность. К несчастью для них, господин Чокаев пользуется самым лучшим, самым надёжным методом. Не при помощи собственных наблюдений и размышлений он убеждает читателя. Он делает это при помощи большевистских же документов" [70].

Во французских периодических изданиях появились

отклики. Газета "Попюлэр" в номерах от 2 и 3 сентября 1928 года поместила материал Жана Лонгэ под названием "Русский империализм в Туркестане". Назвав монографию "отлично документированной", автор отзыва полагает, что "работа товарища Мустафы Чокаева клеймит сильнее всякого рассуждения" колониальную политику большевиков в Туркестане. Многочисленные жалобы туркестанцев "направлены против зверств колонизаторских приёмов". Чудовищным в глазах европейской общественности выглядит факт, когда "25 января 1925 года, в годовщину смерти Ленина, всё мусульманское население Ташкента, по распоряжению советских властей, должно было стать на колени и оставаться несколько минут в этом унизительном положении настоящих колониальных рабов, тогда как не-мусульмане стояли и кричали: "Ленин умер, но дело его вечно!" [71].

Французская "Журналь де Деба" от 8 октября 1928 года, назвав Мустафу Чокая свободолюбивым демократом, отмечает, что он "с чисто научной точностью вскрывает замаскированную правду… Систематическое преследование мусульман, полная эксплуатация туземного пролетариата, лживая аграрная реформа, сведшая к облегчению русского населения за счёт туземцев, погибающих от нужды, поощрение невежества и пороков – вот результаты советского господства, которое с трёх точек зрения - политической, социальной и экономической – должно быть осуждено всеми цивилизованными народами" [72].

11 декабря 1928 года на заседании ЦИК Союза ССР впервые содержание работы Мустафы Чокая становится предметом широкого обсуждения. Выступившие Ходжаев и Элиава не смогли опровергнуть доводы Мустафы Чокая, нехотя признав, что "совершенно естественно, что в первые годы эти элементы [представители большевиков] привносили в свою работу все те черты отношения к туземному населению, которые были свойственны колонизаторским элементам"[73].

Но наиболее точно пролетарский менталитет отражен в высказывании главы большевиков в Туркестане И.Тоболина, заявившего в период страшного голода, что "киргизы, экономически слабые с марксистской точки зрения, должны всё равно погибнуть"[74].

ГЛАВА III.

ВЗГЛЯДЫ МУСТАФЫ ЧОКАЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ТУРКЕСТАНЕ И МИРЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

3.1. Позиция Мустафы Чокая по национальному вопросу

Поскольку большевики обвиняли Мустафу Чокая в национализме, следует рассмотреть, что означает понятие "национализм".

Определяя явление национализма, французский исследователь Жан-Люк Шабо [75] разграничивает:

- национализм, обозначающий чувство патриотизма, любви к своей нации, к своим корням;
- национализм как обострённое чувство патриотизма, которое приобретает крайнюю форму в случае появления обстоятельств, представляющих угрозу существования какой-либо нации;
- национализм как политическую доктрину, претендующую на решение проблем человечества, при которой главенствующая роль отводится одной определённой нации.

Этот ряд можно дополнить ещё одним определением: под национализмом можно также понимать совокупность нациообразующих признаков - истории, языка, религии и культуры - как основных элементов, объединяющих определённую социальную общность людей и выражающих их самобытность.

Национализм в его первом и втором значениях близок к определению, данному Всемирной Энциклопедией: "В условиях, предшествующих рождению юридически самостоятельного государства, национализм означает волеизъявление какого-либо сообщества, осознавшего свою историческую индивидуальность, строить и развивать своё суверенное государство" [76].

В регионе Центральной Азии националистические настроения, то есть естественное желание сохранить сложившиеся вековые связи, сформировавшиеся на основе нацио-

образующих признаков, долгое время оставались главным препятствием для полного утверждения власти коммунистов. Сознательное разрушение социальных связей, существовавших в Туркестанском обществе, желание с кавалерийского наскока провести классовое расслоение не только населения, но и понятий привело большевиков к внедрению алогичных словосочетаний "буржуазный национализм" и "пролетарский интернационализм". Тактическая уловка Ленина представить национально-освободительное движение как движение пролетарское, направленное против иностранного господства, оказалась безуспешной. В этой обстановке Сталин переориентирует национальную политику. С учетом социально-политических особенностей Центральной Азии он приступает к укреплению личной власти всеми доступными средствами – дипломатическими, военными, репрессивными - и выдвигает лозунг о советском патриотизме.

Газета "Правда" 1 февраля 1936 года заявила: "Все народы – участники Великой социалистической стройки – от самых маленьких до самых больших - полноправные советские патриоты… И первым среди равных является русский народ, русские рабочие, русские трудящиеся, роль которых во всей Великой пролетарской революции, от первых дней до нынешнего блистательного периода ее развития, исключительно велика…" [77].

В статье "От советского патриотизма - к русскому национализму" Мустафа Чокай подвергает жесткой критике позицию коммунистичекой партии. Передовица "Правды" не оставляет у него сомнений относительно сталинского курса в национальном вопросе: по существу, это отождествление в максимальной форме власти и русской нации. Мустафа Чокай приводит высказывание последнего царского губернатора в Туркестане генерала Куропаткина: "Нас, русских, и вас, туркестанцев, связывают родственные узы. Мы – ваши старшие братья. А по вашему обычаю старший брат имеет право наказывать младшего. И это надо принимать как должное".

Мустафа Чокай пишет, что мир наконец узнал истинное значение, вкладываемое большевиками в понятие "диктатуры пролетариата". С учётом внутренних конфликтов и в контексте внешнеполитической ситуации, сложившейся вокруг СССР, власть вынуждена пойти на такое откровенное признание. Надвигающаяся угроза, которую ясно осознает "отец народов", заставляет его поднять вопрос о советском патриотизме и

делать при этом ставку на самую многочисленную часть населения – русских рабочих и крестьян. Это необходимо власти также для пресечения автономистских тенденций со стороны нерусских народов СССР. Поэтому одновременно с выдвижением лозунга о верховенстве русского народа, по указанию Сталина, начинается подготовка учебников истории России, в которых Россия должна была предстать не как страна-колонизатор, а как спасительница и защитница нерусских народов. Согласно сталинской концепции, такие регионы, как Кавказ, Центральная Азия, присоединились к России добровольно, в силу объективных историко-географических причин. Мустафа Чокай убежден, что такая государственная политика не приведет к желаемому результату, так как возвеличивание роли одного народа может вызвать рост патриотизма у нерусских народов СССР [78].

Последующий ход исторических событий привел современных исследователей к тем же выводам, что были сделаны Мустафой Чокаем ещё в 1935 –1936 годах [79]. Выдвижение коммунистической партией лозунга верховенства одной нации превратило национализм в политическую доктрину, претендующую на решение проблем человечества.

Примечательно, что в своем интервью радио "Азаттык" 17 апреля 1984 года известный французский советолог Александр Беннигсен напоминает, что и в 80-е годы советское правительство все еще опасается джадидизма и вынуждено затушевывать и искажать суть идей лидеров национально-освободительных движений. Автор, в частности, указывает на то, что внутренняя политика советского правительства, направленная на формирование якобы новой интернационалистски ориентированной нации, последовательно продолжает курс на русификацию через подавление и уничтожение национальной самобытности нерусских народов СССР. Этой задаче подчинена и тактика замалчивания и извращения исторически значимых событий, происходивших на территории Центральной Азии. К примеру, то, что в XI веке, когда Россия была малопросвещённой, тюрки были носителями высокой культуры [80].

Не только игнорирование, но и сознательное искажение сравнительно недавних по отношению к октябрьскому перевороту исторических фактов, предлагаемое Сталиным как концептуальная основа учебников истории, вызвали отрицательную реакцию у туркестанской интеллигенции. Все

это вкупе с тезисом о верховенстве русского народа в СССР привело к усилению уже существовавших чувств национального патриотизма, что было воспринято большевиками как угроза устоям существующей власти и укрепило их в решимости усилить кампанию борьбы с "врагами народа".

Длительное сопротивление региона Центральной Азии царскому режиму и затем Советам заставило коммунистов прибегнуть к ухищрениям в выборе такой национальной политики, которая поставила бы население Центральной Азии под власть численного большинства русского народа. Подавление непокорных числом стало основой национальной политики Сталина. Этому принципу было подчинено все: извращение истории народов Центральной Азии, дальнейшее отлучение их от собственной истории, бесконечные территориальные переделы.

3.1.1. Мустафа Чокай о национальной политике, проводимой коммунистами в Туркестане

В 1934 году XVII съезд ВКП(б) признал, что царский колониализм в сущности явился положительным фактом, укоренившим колонизацию. Съезд счел необходимым положить конец попыткам со стороны казахов и татар вернуть, ссылаясь на лозунг большевиков об антиколониальной направленности политики Советов, захваченные Россией земли.

После уничтожения лидеров партии Алаш, которые настаивали на возвращении земель, захваченных русскими переселенцами в период столыпинских реформ, кампания приобретает в национальных республиках характер целенаправленных репрессий. Так, были уничтожены в 1933 году А.Мухиддинов, бывший в 1925–1929 гг. председателем таджикского Совнаркома, в 1926 г. – председатель Верховного Совета Туркменистана Н.Айтаков.

В последующем чистки 1937-1938 гг. унесли жизни многих известных людей в Центральной Азии, таких, как узбеков Ф.Ходжаева и А.Икрамова, казаха Т.Рыскулова, таджика Шахтимура. Азербайджанец Н.Нариманов, умерший в 1933 году, был в 1937 году осужден посмертно. Как указывает американский историк Г. Масселл, репрессии в нерусских республиках, которым формально придавали чисто

политический характер, прикрывали широкомасштабную кампанию против представленных в государственном аппарате людей, пользовавшихся большим влиянием. В 1926 году было принято решение об их уничтожении [81].

Процесс "чистки" был продолжен в период коллективизации, использованной в регионе Центральной Азии для лишения населения экономической базы, а также в период раскулачивания, когда баи были волюнтаристским образом приравнены к кулакам. Между тем, социальный круг тех и других был совершенно разный: кулак – это предприниматель-индивидуалист, а бай – глава сообщества людей с общими социально-экономическими интересами. В 1927 году депортациям и "чистке" подвергается крестьянская элита. Кампания по ее уничтожению под лозунгом коллективизации привязывается к кампании эмансипации женщин Востока, сопровождавшейся систематическими нападками на религию. Сопутствующая задача – разрушить традиционный уклад жизни в Центральной Азии. Еще на X съезде РКП(б) в 1921 году коммунист Сафаров подверг резкой критике сталинскую позицию по классовому вопросу, которая практически санкционировала установление национального бесправия в Туркестане под лозунгом проведения классовой политики [82].

О характере и масштабах кампании "чисток" в Центральной Азии подробно говорится и в статье Мустафы Чокая под названием **"Ұлттық керітөңкерісшіл ме", жоқ әлде "Ұлттық төңкерісшіл ме?"** ("Национал-контрреволюционер или же национал-революционер?"), в которой он не только полемизирует с "Правдой", но и вносит ясность в ситуацию борьбы с "врагами народа" в Туркестане [83]: "Газета "Правда" пишет о наличии скрытых врагов, которые были выявлены в ходе проверки и обмена партийных документов. В составе партии большевиков немало противников сталинской диктатуры. Сама партия порождает и приумножает их число. Борьба со "скрытыми врагами" есть не что иное, как борьба с собственной тенью. Существует различие между теми "врагами", которые проживают в России, и "врагами", проживающими в национальных республиках. Так, в России врагами признаны троцкисты, зиновьевцы, то есть коммунисты, выступавшие против личной диктатуры Сталина и считавшие, что он отошел от основных ленинских принципов. Они выступают также против русского шовинизма,

возведенного в ранг национальной политики под лозунгом "советского патриотизма". По мнению Троцкого и Зиновьева, такое провозглашение верховенства русской нации приведет к отходу от идеи мировой революции. Что касается "врагов", проживающих в национальных республиках, то их называют "национал-контрреволюционерами". Советское правительство объявило их более опасными, чем троцкисты и зиновьевцы, так как их цель, согласно большевикам, идет дальше, чем замена Сталина на его посту другой личностью или же изменение внутренней и внешней политики Советов. Их заветная мечта – освободить свой край от российского ига и создать свое независимое государство. Именно в этом Советы обвиняют "врагов", выявленных среди нерусских членов партии" [84].

Каким образом ведется борьба с "врагами народа" в Туркестане, наглядно показано Мустафой Чокаем на примере участи трех "национал-контрреволюционеров" из числа местных коммунистов: «В номерах "Казахстанской правды" от 16, 21 июля и 2 августа 1936 г. заведующий отделом пропаганды Центрального Комитета партии Казахстана Илиас Кабылов выступил с обширным материалом. В нем он подверг резкой критике "садуакасовцев", "кожановцев" и "мендешевцев" и призвал к "беспощадной борьбе с национализмом, получившим широкое распространение в кругу научных работников и среде духовенства"» [85].

Смагул Садуакас, Султанбек Кожан и Сеиткали Мендешулы характеризуются Мустафой Чокаем как люди, служащие власти большевиков не из корыстных побуждений, а как пекущиеся о будущем своего народа. Их требования сводились к предоставлению больших прав местному населению в управлении своей страной, прекращению бесчинств со стороны русских рабочих и солдат, ограничению притока русских переселенцев. Они выступили также против разжигания "огня классовой борьбы" в аулах. Если бы Россия честно выполняла свои обещания в отношении нерусских народов, то она бы открыла им дорогу к строительству своих суверенных государств, лишив тем самым красный русский империализм тех, кто служит России щитом от внешних врагов. В этом Мустафа Чокай видит истинную причину обвинений туркестанских коммунистов Смагула Садуакаса, Султанбека Кожанулы и Сеиткали Мендешулы в "реакционном национализме". Их обвинили не в том, что они требуют у

Советов выполнения данных ими обещаний о праве наций на самоопределение, а в том, что эти туркестанцы якобы вступили в сговор с какой-то группой национал-контрреволюционеров и мечтают об отделении Туркестана от России [86].

Не менее ценно отображение Мустафой Чокаем социального фона, на котором проводится в жизнь сталинская национальная политика: "То, что большевики называют "социалистическим строительством" в аулах, есть:

во-первых, внедрение в казахские аулы русских переселенцев;

во-вторых, это передача в общее пользование скота казахских жителей;

в-третьих, это создание колхозов и совхозов на разнорасовой основе с тем, чтобы в результате вытравить из туркестанцев тюркскую сущность и сотворить отдельную казахскую нацию. В итоге проживающие в Казахстане узбеки, туркмены, киргизы и другие наши братья по крови будут превращены в "пасынков", а русские пришельцы, осуществившие октябрьский переворот, станут нашими старшими братьями, которым будет отведена роль предводителя народов" [87].

И этот вывод Мустафы Чокая был в последующем подтвержден ходом истории. Стратегическая важность Туркестана для России и длительное сопротивление местного населения вынудили Сталина прибегнуть к репрессивным мерам под предлогом "борьбы с буржуазным национализмом".

Конечной целью сталинской национальной политики, как проистекает из анализа Мустафы Чокая, были **денационификация (ұлтсыздандыру),** то есть планомерное разрушение всех нациообразующих элементов, и **последующая русификация** народов Центральной Азии. Для этого были предприняты:

административно-территориальный передел и дробление народа на мелкие нации для облегчения возможности манипулирования ими;

проведение переселенческой политики: смешение местного населения с русскими переселенцами при непременном обеспечении численного превосходства русских;

фальсификация истории в угоду идеологических интересов и с этой целью отождествление в максимальной форме власти и русской нации;

насилие и внушение страха неотвратимости наказания.

Меры были рассчитаны на то, чтобы обезопасить власть от возможных повторений недовольств местного населения и достижения окончательного покорения региона.

Мустафа Чокай, лидер национально-освободительного движения, был выразителем национализма, означавшего волеизъявление народа Туркестана самим строить и развивать свое суверенное государство.

Сталин, глава тоталитарного государства, был выразителем национализма, утвердившего верховенство одной (русской) нации над всеми остальными, возведя такой национализм в ранг политической доктрины, основы идеологии коммунистической партии Советского Союза.

Во второй половине тридцатых годов борьба тоталитаризма против сторонников национально-освободительного движения достигает своего апогея и становится яркой иллюстрацией того, что можно было бы подытожить словами американской исследовательницы Х.Арендт: "Благодаря специфической и невиданной еще в истории роли, которую играет идеология в аппарате насилия, тоталитаризм нашел способы господства над людьми и способы устрашения их изнутри, на личностном уровне" [88].

В этот период главными инструментами тоталитарного режима становятся **насилие** и **внушение страха неотвратимости наказания**.

К концу тридцатых годов регион советской Центральной Азии становится своеобразным полигоном силовых структур. Так, председатель Военной коллегии Верховного Суда Каз ССР В.Ульрих докладывал Лаврентию Берия: "За период с 1 сентября 1936 года по 30 сентября 1938 года Военной коллегией и выездными сессиями Коллегии в 60 городах Казахстана приговорено к расстрелу 30154 человека, а к тюремному заключению – 5642". Только в столице Казахстана Алма-Ате за три дня, с 25 по 28 февраля 1938 года, выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда Казахской ССР "рассмотрела" свыше ста дел и приговорила к расстрелу несколько десятков человек, среди которых были видные представители казахской интеллигенции, такие, как Прокурор Казахской ССР С.Ескараев, Нарком просвещения Казахской ССР Т.Жургенов, Нарком юстиции Казахской ССР О.Буреев, и другие. Им был предъявлен весь стандартный блок обвинений: национализм, терроризм, диверсии, антисоветизм, а также связь с Мустафой Чокаем, Троцким, Зиновьевым, Бухариным, Рыковым. Не было

забыто и обвинение в шпионаже в пользу Германии и Японии [89].

Характерно, что в своих речах о борьбе с "националистами" и другими "врагами народа" Сталин никогда не упоминает о национально-освободительном движении. В этом проявляется, видимо, его опасение, что мировая общественность разгадает истинную подоплеку противостояния местного населения советской власти. Поэтому большевистская лексика того времени пестрила такими выражениями, как "ликвидировать националистические пережитки", "вытравить национализм каленым железом", "раздавить гидру национализма", "усилить кампанию с мелкобуржуазным национализмом", которые заостряли внимание общественности на "происках" тех, кто не признавал диктатуру русского пролетариата.

В отношении лидеров национально-освободительных движений использовались наиболее действенные методы, направленные на то, чтобы опорочить их прежде всего в глазах собственного народа [90]. Показательным в этом отношении является "агентурное дело № 145 на Чокаева Мустафу по окраске казахский националист-контрреволюционер", начатое ОГПУ в 1926 году и закрытое в 1947 г. МГБ Казахской ССР с формулировкой "в связи со смертью Мустафы Чокая" [91].

На вопрос, почему это агентурное дело было закрыто лишь в 1947 году, то есть через шесть лет после смерти Мустафы Чокая (27.12.1941), ответ может быть один. Дело не закрывалось до тех пор, пока не был подготовлен уголовный процесс по так называемому "делу сорока девяти". Сорок девять бывших советских военнопленных из Туркестана были отданы под Военный трибунал Туркестанского Военного Округа и обвинены в том, что были якобы сподвижниками Мустафы Чокая. Так дело № 145 было состыковано с делом № 85 на "участников антисоветских организаций Туркестанский национальный комитет и Туркестанский национальный совет". 18 апреля 1947 года 11 человек были приговорены к расстрелу, остальные - осуждены на разные сроки отбывания наказания от 10 до 25 лет.

Таким образом, согласно результатам настоящего исследования, национализм Мустафы Чокая – это национально-освободительная борьба за восстановление утраченной государственности Туркестана.

Национализм как государственная доктрина СССР – это

опора на русский шовинизм как средство утверждения личной власти вождя и укрепления тоталитарного режима в стране.

В отношении лидеров национально-освободительных движений применялась прижизненная и посмертная их дискредитация в глазах собственного народа, как это было сделано в случае с Мустафой Чокаем.

3.2. Оценка Мустафой Чокаем международной обстановки перед Второй мировой войной

Мустафа Чокай анализировал события в Европе по двум причинам. Во-первых, советская Россия, продолжившая колониальную политику царского правительства в отношении Туркестана и других национальных окраин, является европейским государством. Во-вторых, чувства симпатии к народу Туркестана также идут со стороны европейских стран. Всё это вселяло в него уверенность в том, что развитие событий непременно повлияет на судьбу советской России и, соответственно, на будущее народов советских азиатских республик.

В канун Второй мировой войны (начало 1939 г.) он сосредоточивает внимание на следующих политических событиях в Европе:

- объявление Англией обязательной всеобщей воинской повинности;
- обострение отношений между Германией и Польшей;
- появление России на европейской арене как участницы конфликта.

Мустафа Чокай отмечает, что в Великобритании, население которой составляет одну четвёртую часть населения земного шара, до этого времени не объявлялась всеобщая воинская повинность. Британская армия состояла из добровольцев, и численность её не превышала в мирное время 150 – 200 тысяч человек. В период Первой мировой войны Британия сумела отправить на поле брани более 13 миллионов человек. А в связи с сокращением численности её армии в послевоенный период некоторые страны стали сомневаться в способности Британии выполнить свое обещание об оказании военной помощи. Поэтому, желая доказать, что данные ею обещания не являются пустыми, 26 апреля Британия объявила о принятии Закона “О

всеобщей воинской повинности". Тот факт, что Великобритания пошла на нарушение своих традиций, показывает, по мнению Мустафы Чокая, насколько обострилась ситуация в Европе.

Известно, что в 1914 году Великобритания как самая превосходящая по военной мощи держава, приняв превентивные меры, была бы способна предотвратить войну, и теперь, с учётом печального опыта, она предпринимает меры по ликвидации военной угрозы.

Мустафа Чокай, как и многие другие политические деятели того времени, не сомневается, что реалии, сложившиеся в Европе после подписания Версальского договора, представляют собой тугой и опасный узел, в особенности, отношения между Польшей и Германией. Основы сотрудничества между этими двумя странами были заложены соглашением, подписанным маршалом Пилсудским и Гитлером 26 января 1934 года сроком на 10 лет. Оно предусматривало решение спорных вопросов между сторонами только путем переговоров. Стороны обязывались не вступать ни в какие союзы, могущие нанести ущерб интересам каждой из них. К моменту подписания этого соглашения Польша уже имела подписанный с Россией договор о "ненападении и невступлении в союзы, враждебные какой-либо из сторон", а также договор с Францией – о военном союзе. Подписанные документы не препятствовали сближению Польши с Германией. Однако расчленение Чехословакии в сентябре 1938 года в результате оккупации Германией Судетской области под надуманным предлогом защиты судетских немцев от произвола чехов, последовавший за этим захват всей Чехословакии в марте 1939 года, а также другие притязания Гитлера изменили расстановку сил в Юго-Восточной Европе.

В обзоре международной жизни Мустафа Чокай пишет: "Все видят и осознают нависшую над Восточной Европой, в особенности над Польшей, угрозу. Президент США Рузвельт направил 10 апреля 1939 года обращение главе Германии Гитлеру, главе Италии Муссолини, потребовав от них обещания не нападать ни на какую страну. В нашу задачу не входит оценка этого обращения, но хотели бы отметить, что такой шаг Рузвельта ещё больше подтверждает, насколько стала реальной угроза войны. Это событие, обрадовавшее значительную часть мирового сообщества, было подвергнуто

острой критике со стороны общественного мнения в Германии и Италии" [92].

Пятьдесят пять лет спустя Генри Киссинджер так напишет об этом же событии в своем ставшем бестселлером труде: "В апреле 1939 года Рузвельт напрямую обратился с посланием к Гитлеру и Муссолини. Диктаторы осмеяли их, и напрасно: на самом деле послания были умно составлены, демонстрируя американскому народу, что страны "оси" на самом деле имеют агрессивные планы… Рузвельт выполнил поставленную перед собой политическую задачу. Запрашивая гарантии лишь у Гитлера и Муссолини, он заклеймил их как агрессоров перед единственной аудиторией, что-то значившей в тот момент для Рузвельта, - американским народом. Чтобы американская публика стала поддержкой и опорой демократических стран, необходимо было облечь вопрос в такую форму, которая бы исключала его толкование в рамках равновесия сил и подчёркивала, что речь идёт о защите невинных жертв злобного агрессора" [93].

Таким образом, Генри Киссинджер, вслед за Мустафой Чокаем, подтверждает обоснованность действия, предпринятого американским президентом, которое, как показала история, имело важное значение для судьбы тогдашней Европы.

Мустафа Чокай уделяет в своем анализе значительное место отношениям Германии и Польши, в частности, спору относительно Гданьска (Данцига). Гданьск, город с особым статусом, расположен на берегу Вислы в том месте, где она впадает в Балтийское море, и имел для Польши жизненно важное, стратегическое значение. Согласно Версальскому договору, Гданьск был передан под контроль Лиги наций, и, будучи под протекцией её комиссаров и имея собственную автономию, возглавляемую Сенатом, составлял таможенное единство с Польшей. Мустафа Чокай ссылается на мнения государственных деятелей Германии времен короля Фридриха Великого, утверждавших, что "Польша сможет стать независимой лишь тогда, когда сумеет управлять районом, где Висла впадает в море". Это понимало польское правительство. А если так, то "Польша вряд ли смирится с переходом города Германии. А Германия, в свою очередь, попытается завладеть Гданьском под обещание договора о сотрудничестве. Однако два государства, в отношениях которых уже произошел раскол, вряд ли смогут строить свое сотрудничество, опираясь лишь на ничем не подтвержденные обещания. Опасения были не

напрасны: Гитлер в своем ответе на ноту Рузвельта заявил 28 апреля 1939 года, что договор, заключённый между Польшей и Англией, вступает в противоречие с договором "Польша – Германия", подписанным Пилсудским и Гитлером. По утверждению Гитлера, он даже вредит, и это вынуждает немецкую сторону в одностороннем порядке объявить его потерявшим свою силу. В итоге Германия не скрывает намерения захватить Гданьск, а для Польши потеря этого города подобна смерти и потому она не намерена уступать его Гитлеру" [94].

Советская Россия, отошедшая от европейских дел в годы Первой мировой войны, вновь появилась на политической арене этого континента. Москва и Лондон обсуждают условия включения советской России в программу защиты от возможной агрессии со стороны приверженцев войны. Мустафа Чокай отмечает, что "в тот самый момент, когда уже вот-вот должен был быть известен результат переговоров, из Москвы поступает известие о том, что Литвинов покинул пост министра иностранных дел СССР, а вместо него Сталин назначил своего самого преданного сотрудника – Молотова. Литвинов делал всё, чтобы достичь сближения России с Англией. Были намерения о создании военного блока между Францией, Англией и советской Россией. А теперь смещение Литвинова с его поста наводит главы европейских государств на определённую мысль" [95].

На какую конкретно наводит мысль, поясняет английский историк, ведущий эксперт британской военной разведки Лен Дейтон: "Министр иностранных дел СССР Максим Литвинов был образованным и опытным дипломатом. По национальности еврей, он был женат на уроженке Великобритании. Литвинов неизменно выступал за усиление связей СССР с Великобританией и Францией. Теперь Литвинов предлагал заключить договор между СССР, Великобританией и Францией на пяти- или даже десятилетний срок, обеспечивающий взаимные гарантии на случай агрессии со стороны Германии" [96].

В момент замены Литвинова Молотовым Москва вела переговоры с Англией и Францией. Мустафа Чокай отмечает повышенное внимание мирового сообщества к переговорам и что чем больше Англия и Франция прилагают усилий в поисках взаимопонимания с советской стороной, тем больше торгуются Советы, пытаясь набить цену своей дружбе с европейскими

государствами. Причина всего этого, по мнению Мустафы Чокая, кроется в том, что Англия не питает доверия к большевикам, а большевики, в свою очередь, используют самые невероятные средства для ещё большего обострения отношений между двумя соперничающими в Европе группировками (Англией и Францией, с одной стороны, а также Италией и Германией - с другой), желая тем самым отрезать все пути для их сближения [97].

С позиции Англии эту же ситуацию Лен Дейтон поясняет следующим образом. Предложение Литвинова о заключении договора между СССР, Великобританией и Францией на пяти- и даже десятилетний срок, обеспечивающий взаимные гарантии на случай агрессии со стороны Германии, "повергло в ужас английских министров", которые, так же как и Премьер-министр Чемберлен, испытывали глубокое недоверие к коммунистической России. По мнению Лена Дейтона, дело было не только и не столько в этом чувстве недоверия. А в том, что "Сталин, у которого были шпионы в высших правительственных кругах практически всех европейских стран, пришёл к убеждению, что Великобритания и Франция вступят в боевые действия только в том случае, если сами подвергнутся агрессии". Поэтому, как утверждает британский исследователь, Сталин решил, что спасение для России может принести только договор с нацистской Германией. А назначение на пост министра иностранных дел Молотова было сигналом нацистам, что отныне они будут иметь дело не с евреем, а с человеком, полностью зависимым от мыслей и взглядов Сталина [98].

Что же касается отношений между Россией и Польшей, то Мустафа Чокай указывает, что Россия во все времена воспринималась Польшей как враждебная страна, и это чувство исторического недоверия в сознании поляков истребить нелегко [99].

3.2.1. Мустафа Чокай о соперничестве фашизма и коммунизма

С приходом к власти в Германии Адольфа Гитлера по указанию Сталина германская коммунистическая партия считала своим главным врагом не гитлеровскую национал-социалистическую (НСДАП), а социал-демократическую

партию. Красная армия и рейхсвер сотрудничали в области подготовки офицеров, обменивались информацией и занимались совместно выпуском оружия на территории Советского Союза [100].

Руководителей обоих государств особенно сблизило "дело" Тухачевского. По мнению Шелленберга, "дело маршала" стало "поворотной точкой отсчёта, повлиявшей на решение Гитлера атаковать Запад, прежде чем напасть на Россию".

Сталин считал необходимым поддерживать германский национализм: согласно своей "теории ледокола", он пребывал в уверенности, что германский милитаризм повернёт свои штыки в сторону победителя в Первой мировой войне и потребует пересмотра границ между Востоком и Западом, а также предъявит свои притязания на Гданьск. Тем самым милитаристский рейх станет ледоколом, который разрушит арматуру мирового капитализма, а Советскому Союзу останется лишь направить корабль социализма в проём, расчищенный Германией. Эту мысль В. Александрова, изложенную им в мартовском 1962 года номере французского журнала "Aux carrefours de l'histoire" [101], Мустафа Чокай высказал в 1936 году. На основании проделанного им анализа он утверждал, что советское правительство живёт ожиданием военного конфликта без участия СССР, что позволит Советам избавиться от германской угрозы [102] .

Главным оппонентом этой сталинской теории был маршал Тухачевский, который настаивал на необходимости превентивной войны против нацистской Германии. В 1936 году Тухачевский на основании собственного анализа пришёл к следующему выводу: или Гитлер предпримет нападение на Запад и Советский Союз, или же СССР и Запад должны будут предпринять совместную попытку сокрушить Гитлера. Исследователь В. Александров полагает, что именно эта позиция Тухачевского стала причиной решения Сталина избавиться от несговорчивого маршала. По указанию Сталина советские спецслужбы при посредничестве белого русского генерала Скоблина фабрикуют совместно с немецкими коллегами "улики", якобы доказывающие участие Тухачевского в организации совместного с немецким генштабом заговора против сталинского режима [103].

Мустафа Чокай отмечает в этой связи, что приезд Тухачевского в Париж в 1936 году дал формальное основание Сталину объявить советского маршала также и французским

шпионом и что такого рода бредни настораживают страны Европы [104].

В дальнейшем соперничество двух диктаторов продолжало обостряться, и это обострение впервые открыто проявилось в Испании.

Анализируя причины гражданской войны в Испании, Мустафа Чокай возлагает ответственность за этот кровавый конфликт на испанское республиканское правительство, подстрекаемое Москвой: "Именно большевики внедрили в Испанию агентурную сеть ЧК, прикрываясь лозунгом борьбы против фашизма в Европе... Испания стала ареной столкновения двух противоборствующих идеологий: коммунизма и фашизма. По этой причине гражданская война в одной стране взволновала всё мировое сообщество и привела в движение различные политические силы в самых разных странах"[105].

В свете задачи борьбы с властью капитала через организацию мировой революции сталинская администрация работает на укрепление Коминтерна и организацию широкой агентурной сети за рубежом.

Конгресс III Коминтерна, состоявшийся в июле-августе 1935 года в Москве, призвал все антифашистские силы к объединению в единый рабочий и народный фронт против фашизма. Данный факт лишь укрепил Европу в реальности советской угрозы. Приводя доводы французской прессы, в частности, газет "Le Temps" (орган МИД Франции) и "Le Populaire", Мустафа Чокай указывает, что в Европе складывается взрывоопасная ситуация и что Германия больше всех встревожена расширением в Европе коммунистической пропаганды: "Стоит заглянуть в содержание любой советской газеты, и вы обязательно найдете призывы к борьбе с германским фашизмом. Более того, благодаря усилиям Москвы вопрос о германской угрозе поднимается испанскими и французскими коммунистами. В результате, Адольф Гитлер продлил на один год срок воинской службы, а Советы увеличили набор в армию" [106].

Такой ход событий в Европе дает основание Мустафе Чокаю прийти к выводу в 1936 году об отчетливо наметившейся тенденции раздела Европы на два идеологических фронта: коммунистический и фашистский. Мустафа Чокай уверен, что вопреки всем усилиям ожидаемой большевиками мировой революции не будет [107].

В 1939 году, когда к власти в Испании пришёл генерал

Франко, сразу же получивший поддержку со стороны Италии и Германии, Мустафа Чокай отметил: "Гражданская война в Испании, переросшая в войну между большевизмом и Европой, закончилась победой фашизма" [108]. Он вновь подтвердил, что мир стоит перед новым витком противоборства двух соперничающих за мировое господство идеологий - большевизма и фашизма: "Европа идёт к войне. Если ответственные лица, главы государств, не остановят в срочном порядке военную машину, Европу ожидает катастрофа, которая по своей разрушительной силе превзойдёт события тридцатипятилетней давности" [109].

Воодушевлённый победой фашизма в Испании, Гитлер мечтает создать с помощью Великобритании так называемое "евро-африканское пространство", которое должно было стать центром сопротивления Востоку. Эта идея осталась неосуществлённой из-за отсутствия поддержки со стороны Великобритании. Затем "он переименовал эту идею в "евро-азиатское пространство", мечтая одним махом объединить порабощённые народы под эгидой Германии и обосновать на Востоке новые колонии, но уже без англичан" [110].

Таким образом, на европейской политической арене вожди нацизма и коммунизма сумели подчинить ситуацию своим культовым амбициям, превратив политику в политическую игру двух диктаторов. Манипуляция судьбами народов не только своих, но и других стран подогревала самолюбие каждого из вождей, что, в результате, поставило мир на грань катастрофы.

Мустафа Чокай не только предвидел и предсказал возможность Второй мировой войны, но и определил её зачинщиков. Она оказалась, как он и предполагал, самой масштабной из всех войн за всю многовековую историю человечества.

ГЛАВА IV.

ТУРКЕСТАНСКИЙ ЛЕГИОН

4.1. Политическая обстановка в Туркестане накануне Второй мировой войны

Накануне Второй мировой войны, к 1936 году, географический облик Туркестана, покорение которого было самой тяжкой и изнурительной задачей для советской власти, был полностью изменён: вся территория Центральной Азии была поделена на мелкие административные единицы, границы которых были определены произвольно, без подведения каких-либо логических обоснований в понятия "республика", "автономная республика", "федеративная республика". Слово "Туркестан" исчезает из учебников географии и истории, сохранившись только в названии города в Казахстане. Внедряется обозначение Средняя Азия и Казахстан, скрывающее в себе возможность будущих геополитических манипуляций для России.

Народы, населявшие Туркестан, были также произвольно поделены на "нации", "народности", "этнические группы" [111].

Для того чтобы вытравить из памяти народа воспоминания о кровавых методах покорения региона и держать в неведении будущие поколения туркестанцев, коммунисты за два с лишним десятилетия трижды меняли алфавит. Последняя смена алфавита, латиницы на кириллицу, пришлась на предвоенный период. Поскольку ко времени начала войны кириллица ещё не осела в памяти простого человека, журналы, газеты и другая печатная продукция, издававшиеся Туркестанским Национальным Комитетом на территории Германии, были написаны латиницей.

В июне 1941 года каждый четвертый житель Казахстана был отправлен на фронт, то есть 1 миллион 200.000 человек

были в рядах Красной армии [112]. Мобилизация прошла без сопротивления со стороны жителей. Если в период Первой мировой войны были те, кто сумел поднять народ против отправки туркестанцев на тыловые работы, то к началу Второй мировой войны сопротивление оказывать было некому: интеллигенция была полностью истреблена, а оставшиеся в живых были во власти страха из-за террора и насилия, царивших в стране.

4.2. Морально-психологическое состояние населения прифронтовой зоны в начале войны

К концу первого месяца войны немецкие войска, находясь на территории Белоруссии, проводят обследование обстановки, изыскивая возможности обустройства и восстановления хозяйственной жизни.

Немецкий офицер Шаттенфро констатирует состояние апатии и подавленности, страха и обречённости у людей, что он и отмечает в своём отчёте: "...**О населении**. На селе постоянный страх в ожидании возвращения большевиков, так как каждый, кто не успел скрыться и, как приказано, не поджёг свой дом, тот по возвращении большевиков будет расстрелян. Повсеместно наблюдается запугивание людей. Люди боятся. Большинство из них, как только начинаешь разговаривать с ними, после нескольких слов начинают плакать. **Нелёгко будет возобновить полевые работы.** Это потребует с нашей стороны толчка, так как каждый житель думает, что с него будет жесткий спрос. Частью это из-за страха перед большевиками. Боятся они и нас, полагая, что если они будут работать по прежней системе, то в них будут видеть большевиков.

Там, где проведена агитационная работа с использованием плакатов, такое [психологическое] состояние в некоторой степени преодолено. Поэтому придаём большое значение пропагандистской работе. Повсеместно наблюдается желание отойти от колхозного хозяйства и иметь собственную землю. Крестьяне признают, что в настоящий момент технически невозможно распределение людей по колхозам. Они утешают себя мыслью о том, что в нужный момент немецкая администрация найдёт правильное решение.

На первом плане у людей в городе и на селе надежда на

получение работы и пищи. ("Мы готовы выполнять любую работу, если будем ограждены от преследований и произвола".)

Весь управленческий аппарат, прежде всего в таких городах, как Минск и Смоленск, разрушен до основания. Чиновники либо спаслись бегством, либо попрятались. Их невозможно найти. Все учреждения опустошены и разграблены.

...необходимо вновь создавать весь управленческий аппарат. Кроме того, очень мало людей, которых можно было бы привлечь к этой работе, так как коренная интеллигенция (та, что не настроена в коммунистическом духе) практически отсутствует" [113].

Таким образом, шоковое состояние, в котором находились люди, было вызвано двумя причинами: во-первых, страхом перед наказанием за неисполнение приказа советского командования об эвакуации, предварительно уничтожив всё, чтобы ничего не досталось врагу; во-вторых, чувством ужаса перед оккупантами.

Жители деревни не смогли преодолеть свою вековую привязанность к земле, хозяйству, бросить всё и скрыться. Такое поведение и состояние были характерны жителям любой деревни в любом уголке СССР после пережитого накануне войны периода "великого террора".

4.3. Условия пленения солдат Красной армии

Один из немецких очевидцев сражения групп армии "Центр" с 4-й советской бронетанковой дивизией под Минском свидетельствовал следующим образом: "Вдруг мы увидели широкую землисто-коричневую змею, медленно ползущую по дороге навстречу нам. От неё доносился приглушенный шум, словно из улья. Военнопленные. Русские солдаты, идущие в колонне по шесть человек. Конца колонны не было видно. Когда они подошли ближе, нас затошнило от ужасного зловония; это было что-то напоминающее терпкую вонь львиного логова, смешанную с запахом нечистот обезьянника. Но это были не звери, а люди. Мы поспешили прочь от удушливого облака, окружавшего колонну... Казалось, что здесь было собрано всё горе мира" [114].

Подвергая анализу причины огромного количества советских бойцов, попавших в руки врага в первые месяцы войны, исследователи указывают на полную ответственность

Сталина за поражение советских войск на начальном этапе войны. Эта ответственность, по их мнению, может быть распределена по трем уровням.

Во-первых, заблуждение Сталина в оценке нацистской угрозы в июне 41-го и, как следствие, отказ приводить войска в боеготовность, несмотря на многочисленные сообщения о готовившемся нападении Германии на Советский Союз.

Во-вторых, военная концепция, полностью не соответствовавшая ситуации: советская тактика и группировка войск были ориентированы на агрессию, а не на оборону. По этой причине оборонительные укрепления на западных границах, сооруженные в 1939 году, были разобраны; была создана новая граница, продвинутая вглубь на запад. К вечеру 22 июня 41-го, когда сотня аэродромов и тысячи самолетов были разбомблены немцами, а немецкие сухопутные войска перешли Неман, осаждали Брест-Литовск и направлялись к Львову, верховное главнокомандование отдает приказ "перейти в наступление", что было равносильно самоубийству [115].

В-третьих, последовательное разрушение Сталиным и его администрацией офицерского корпуса. В результате чисток Красной армии в 1937-1938 гг. войска оказались под командованием морально и физически сломленных людей либо молоденьких выпускников военных учебных заведений. К началу войны две трети офицерского корпуса и корпуса политкомиссаров имели стаж, не достигавший и года [116].

Относительно количественного состава пленённых бойцов Красной армии существует разнобой во мнениях. Российские исследователи указывают на отсутствие точных и достоверных данных о военнопленных в 1941-1945 гг. и ссылаются на германское командование, которое в официальных документах указывает цифру 5,27 миллиона [117].

Генштаб Вооружённых сил РФ полагает, со ссылкой на идентичные данные, приводимые специальной комиссией генерала Вуда (США), что общие потери пленными составили 4 миллиона 59 тысяч человек. Из них почти 2 миллиона советских военнослужащих (49% от общего числа военнопленных за все годы войны) попали в плен летом 1941 года. Поражения Красной армии летом 1942 года привели к потере пленными ещё 1 миллиона 339 тысяч человек (33%); в 1943 году эти потери составили 487 тысяч человек (12%); в 1944 году – 203 тысячи человек (5%); в 1945 году – 40,6 тысяч человек (1%) [118].

Французские исследователи указывают, что советских бойцов в плену оказалось 5,7 миллиона человек, из которых 3,3 миллиона погибли от голода и жестокого обращения [119].

Эту же цифру в 5,7 миллиона (точнее – 5 миллионов 734 тысячи) указывает А. Бакиров в своей работе, написанной на базе архивных материалов КГБ Казахской ССР. Из них, по его данным, 280 тысяч погибли в пересыльных лагерях, 1 миллион 30 тысяч 157 человек были убиты при попытке к бегству либо умерли на заводах и шахтах Германии, а около 500 тысяч совершили побег из лагерей [120].

Из 5,7 миллиона советских военнопленных, находившихся на территории Германии, одну треть - 1 миллион 700 тысяч - составляли туркестанцы [121].

Согласно материалам немецких исследователей, большинство советских военнослужащих (3,6 миллиона человек) попали в плен либо добровольно сдались немцам в первые четыре месяца войны (с 22 июня по 31 октября 1941 года), тогда как немецкая сторона с присущей ей педантичностью подготовила концлагеря из расчёта на 2 миллиона человек [122]. Факт необычайно большого количества советских бойцов, оказавшихся в стане врага, подтверждается и другими зарубежными авторами: "Невероятное число военнопленных, которых немцы захватили в 1941 году, говорит не только о военном поражении, но и о крупномасштабном дезертирстве. Десятки тысяч русских перешли на сторону немцев" [123]. В этой связи английский историк Д. Гренвилл высказывает предположение, что, если бы распад СССР произошёл до начала Второй мировой, то исход войны мог бы быть другим [124].

По данным немецкой стороны, в мае 1942 года число официально зарегистрированных перебежчиков составило 10962, в июне – 9136, в июле – 5453, в августе – 15345, в сентябре – 15011, в октябре – 13299, в ноябре – 483, в декабре – 5276, итого за период 1942 года – 79769 человек. В 1943 году число их значительно сократилось, составив 26108 человек [125].

Об условиях пленения либо добровольного перехода на сторону немцев советских солдат и офицеров имеются архивные свидетельства.

Рассказы бывших военнопленных Жаке Бапиша и Зейнел-Габдена Темиргалиева о плохом обмундировании и вооружении и даже их полном отсутствии в некоторых соединениях, прозвучавшие в документальном фильме "Зар,

или Отлучённые от Родины", подтверждаются протоколами допроса военнопленных. Так, в одном из отчётов немецкого офицера, проводившего допрос советского военнопленного Т.Жангильдина, фигурирует следующая запись: "Дивизионный полк 1222 … до 15 февраля не получил ни пополнения, ни замены. У стрелков было пятизарядное оружие, у офицеров – пистолеты и реже – автоматы. Как правило, в стрелковых корпусах автоматов не было. Ему [пленному советскому офицеру] известно о существовании десятизарядного оружия, но в стрелковом полку его не было. Десятизарядные винтовки значительно эффективнее, к тому же требуют меньше ухода, а автоматы - на 71 выстрел, но очень уязвимы, так как любая попавшая грязь может вывести их из строя. Хуже обстояло дело с пулеметами, которые, особенно во время холодов, могли отказать. Кроме того, была проблема керосина для смазки оружия, и пулеметы из-за его дефицита не имели надлежащего ухода. Ручные гранаты и противогазы не раздавались, так как в обозе их не было. Весь стрелковый полк 1220 не имел стальных касок. Вооружение корпуса ПИ-КП состояло из 1 пулемета и 100 пятизарядных винтовок. Оснащение каждого солдата составляли пила, топор, лом и саперная лопата… Орудий противотанковых не было.

В марте начал таять снег, а солдаты не имели соответствующей обуви. Валенки промокали. Ночью, когда наступали заморозки, люди обмораживались. Положение могли спасти только кожаные ботинки, но вряд ли они могли бы получить обувь в достаточном количестве…" [126].

Недостаток опытных офицеров в рядах советских вооружённых сил также ощущался в ходе боевых операций, как это подтверждается в ходе того же допроса: "…Возраст солдат – от 25 до 40 лет. Кадрового военного состава не было, но был определенный процент кадровых офицеров. Так, в 7-й роте при её формировании было 4 кадровых и 2 резервных офицера. **О возрасте кадровых офицеров.** Часть из них – 20-летние выпускники военных училищ, часть – младшие офицеры 25 лет, спешно посланные на фронт после окончания ускоренных курсов. Обучение было недостаточным. Оружие они получали в дороге. До первой атаки значительная часть стрелков ни разу не стреляла из винтовок…

В офицерском корпусе существует мнение, что русское главнокомандование допустило немало крупных ошибок и это замедлило ход наступления.

…боевая мощь 366-й стрелковой дивизии из-за слабой военной подготовки и высокого среднего возрастного ценза состава была неудовлетворительной, … ни один русский не идет в атаку, если ему в затылок не приставлен пистолет". Это, как указывалось, ответы попавшего в плен 19 февраля 1942 года Темирлана Жангильдина, сына заместителя председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР Алиби Жангильдина [127].

Период целенаправленного уничтожения людей в Центральной Азии под надуманным предлогом борьбы с национализмом привёл к тому, что с началом войны потомки именитых людей, ставшие изгоями у себя на родине, были вынуждены спасаться от преследований. Таким образом, определённый процент перебежчиков составляли те, чья вина заключалась только в их непролетарском происхождении.

Карис Канатбай, сын участника повстанческого движения, внук хаджи и правнук военачальника Жангирхана, в своём письме, адресованном супруге Мустафы Чокая Марии Яковлевне, пишет: "Мой отец, Косай Канатбай-оглы за участие в повстанческом движении против советской власти в 1918-1919 гг. подвергался гонениям и скрывался в Саратовском краю. Поэтому и мне пришлось оставить родные места и поехать на учёбу в Оренбург, где учился под маской сына батрака…"

Карис Канатбай неоднократно исключался из института, "был взят на учёт НКВД" и "подвергался учётным допросам". Карис Канатбай пользовался поддержкой Главного прокурора Казахской ССР Искараева, держал с ним постоянную связь: "…с 1932 года я два раза в год встречался с господином Искараевым в разных местах и давал ему исчерпывающий отчёт о работе нашего казахского землячества… В последний раз я имел встречу в конце июня 1937 года… Искараев мне говорил, что положение националистов с каждым днём осложняется и имеется опасность разгрома…

Когда в июне 1941 года вспыхнула война, я добровольно поехал на фронт, отказавшись от той отсрочки, которая предоставлялась мне как главному инженеру, и 2 июля 1941 года сдался немцам в плен на Калининском (Псков) направлении фронта" [128].

В своём личном дневнике, сохранившемся в немецких архивах, другой туркестанец (узбек, по нашим предположениям) Зубайдулла Жора (Шора) излагает историю

истребления членов его семьи большевиками. Зубайдулле и его братьям пришлось идти в ряды Красной армии, чтобы защищать режим, уничтоживший их родителей. Дневник содержит подробное описание всех стадий трансформации его убеждений. Зубайдулла принимает предложение немцев стать разведчиком. Его дневниковые записи – своеобразная исповедь перед рискованным заданием, из которого он может не вернуться. В душе его теплится надежда, что один из его братьев (Курбан) может быть жив, и сам Зубайдулла не хотел бы остаться в безвестности. Перед лицом опасности он обращается за помощью к Аллаху [129].

4.4. Содержание советских военнопленных в немецких лагерях

По международному праву содержание военнопленных в лагерях должно соответствовать положениям Гаагской и Женевской конвенций, согласно которым пленные пользуются определёнными правами. В период Первой мировой войны воюющие страны в отношении военнопленных опирались на положения Гаагской конвенции, подписанной всеми странами Европы. В июле 1929 года этот документ был дополнен, пересмотрен и получил название Женевской конвенции. Ее подписали 47 стран мира. Германия присоединилась к ним 21 февраля 1934 года. Таким образом, военнопленные из западных стран содержались в немецких лагерях в соответствии с положениями Женевской конвенции. Что касается СССР, то он отверг оба международных документа. Сталин не признал Гаагское соглашение под предлогом отказа СССР быть правопреемником царской России. Женевская конвенция также была отвергнута, но под другим предлогом: она-де ущемляет национальные интересы советских граждан, так как согласно ей воюющие страны обязывались не содержать вместе пленных разных национальностей.

В итоге, советское правительство заведомо лишило своих граждан в случае пленения всяческих прав и, прежде всего, права передачи списков военнопленных стране-протектору. Военнопленные из СССР были также лишены права на медицинскую помощь, посещение их представителями Международного Красного Креста, права переписки с родными.

Такое положение вещей развязало руки фашистскому рейху, который ещё до вторжения на территорию СССР не преминул издать 16 мая 1941 года приказ, включающий ряд запретительных положений в отношении будущих советских военнопленных. В приказе отмечалась необходимость особого отношения к пленным большевикам как к врагам национал-социалистической Германии, а к советским азиатам, отличающимся, по мнению нацистов, своим коварством, оно должно было быть крайне жестким [130].

Со своей стороны, в первые дни войны Государственный Комитет Обороны СССР издал один за другим законодательные документы, узаконившие репрессивные меры в отношении собственных солдат и офицеров в случае их пленения. Как "наиболее чудовищное преступление" квалифицируется Комиссией (Российской Федерации) по реабилитации жертв политических репрессий совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокурора СССР от 28 июня 1941 года. Он узаконил привлечение к ответственности членов семей попавших в плен как заочно осужденных "изменников Родины" либо через Военные трибуналы, либо через Особые совещания при НКВД СССР. В тот же день органы НКГБ и НКВД специальным документом уточнили порядок их ссылки в отдаленные районы страны.

Постановление Государственного Комитета Обороны от 16 июля 1941 года и последовавший за ним приказ Наркома Обороны Сталина за № 270 от 16 августа 1941 года санкционировали внесудебные расправы в отношении попавших в руки врага.

Комиссия (Российской Федерации) по реабилитации жертв политических репрессий отмечает, что такое бесчеловечное отношение советского руководства к военнослужащим Красной армии определилось ещё в 1940 году, когда 5,5 тысяч советских военнопленных, переданных финнами советской стороне, были сразу же отправлены в лагеря, частью осуждены, а многие исчезли без следа [131].

В отчете немецкого офицера Гросскопфа, представленном после посещения лагеря советских военнопленных в Хаммерштейне, отмечается следующее: "Военнопленные спят на земле под открытым небом. Ежедневное питание составляет 200 грамм хлеба, эрзац-кофе и овощной суп. Тем не менее, пленные проявляют терпение и рассматривают своё нынешнее состояние как временное. Они надеются получить работу и

лучшее питание. Жалуются на немецкую охрану. Немецкий персонал избивает их палками, хотя сами пленные утверждают, что ведут себя послушно и не дают повода для физических наказаний. В высказываниях некоторых из них проскальзывает мысль, что они мучаются не столько от физической боли, сколько от несправедливо причиненных моральных страданий.

Понятию "справедливо - несправедливо" придаётся заметное значение. Так, например, они ссылаются на немецкие листовки, содержание которых им очень хорошо знакомо, и обещания хорошего обращения с пленными. Эти обещания, по утверждению пленных, самым несправедливым образом не соблюдаются.

Что касается их возможного возвращения на родину, то мнения разные. Некоторые военнопленные, видевшие во время транспортировки по железной дороге страну, хвалят порядок в Германии и готовы здесь задержаться, чтобы немного поработать. Другие же хотели бы вернуться домой, работать на земле, но без царского режима, без помещиков и капиталистов. Вера в советскую власть пошатнулась… Замечено, что определённые лица играют роль наблюдателей и запугивают военнопленных. Они пытаются свой агитационный талант испробовать на немцах, работая по старым пропагандистским методам и задавая им контрвопросы. Необходима нейтрализация этих советских "активных" элементов, которые представлены здесь в прежних воинских званиях. Например, один советский майор пытался выделиться как диалектик, пытаясь превратить военнопленных в нетребовательный, умственно податливый инструмент. Но для его нейтрализации надо пленных внутренне освободить от так называемого "советизма". Поэтому наряду с удовлетворительным питанием и соблюдением дисциплины необходимо соответствующее обращение, которое должно ими восприниматься как справедливое, уважающее их человеческое достоинство.

Во время обсуждения отчёта Гросскопфа подчёркивалось пропагандистское значение нормального урегулирования вопроса обращения с военнопленными как из тех областей, где идут военные действия (информация так или иначе просачивается), так и из тех, где военных действий нет" [132].

Гитлеровская операция "Барбаросса" ставила задачу ведения "войны на истребление". Приказ о комиссарах, подписанный Гитлером ещё 6 июня 1941 года, предполагал немедленную ликвидацию пленных политкомиссаров.

Коммунисты, евреи и тяжело раненые передавались айнзатцгруппам (группам уничтожения), а остальные пленные обрекались на медленное угасание без еды и крова. Только нужда в рабской силе в ходе затянувшейся войны спасла от неминуемой гибели определенное число выживших военнопленных [133].

Одновременно с главной линией на уничтожение гитлеровцы вели активную работу по привлечению советских граждан в немецкие вооружённые силы, так как на территории Германии оказалось огромное число советских граждан. Это были не только военнопленные, ставшие первыми жертвами сталинской стратегии ведения войны, но и перебежчики и около 900 тысяч советских гражданских лиц, добровольно перешедших на сторону немцев [134]. Их содержание, даже при минимальных затратах, требовало больших средств. К тому же по мере продвижения немецких частей в глубь территории СССР необходимость в "пушечном мясе" становилась всё отчётливее.

4. 5. Взаимоотношения Мустафы Чокая и туркестанских военнопленных

Знаешь ли ты, что есть вершина добродетели?
Выкупить пленного, накормить в дни голода
сироту ближнего и нищего безвестного.

Коран, Сура XC. 12-15

22 июня 1941 года, в день нападения Германии на Советский Союз, в Париже были арестованы около трёхсот эмигрантов из России и в качестве "почётных заложников" заключены в замок Компьен [135].

В этом же замке в течение трёх недель содержался вместе с ними Мустафа Чокай. Рассказывая об аресте Мустафы Чокая 22 июня 1941 года, его супруга Мария Яковлевна пишет: "Было примерно три часа пополудни… На лестничной площадке услышала топот мужских сапог… Позвонили к нам. "Это квартира Чокая?" "Открывай", - сказал Мустафа… Стояли трое в немецкой форме. Один из них просунул ногу между косяком и дверью, и все вошли. Мустафа сказал, чтобы я не волновалась, что он скоро вернётся. "Это обычная проверка документов. Проверят и отпустят", - сказал он… Стала укладывать вещи Мустафы. Один из немцев ходил за мной по пятам. Я спросила:

“Почему нас арестовывают, ведь мы не большевики?” Он ответил, что таков приказ и что они сами не знают причины ареста…

Дни и ночи я проводила в ожидании. Мустафа не возвращался.. Случайно узнала, что арестованных русских держат в замке Компьен… Спустя две недели получила письмо, написанное Мустафой 23 июня, то есть на следующий день после ареста… Прошла ещё неделя. Однажды вечером, примерно в шесть, в дверь позвонили. Открыла дверь и увидела Мустафу. Это было такой неожиданной радостью” [136].

О своём трёхнедельном (с 22 июня до 13 июля) пребывании в замке Компьен Мустафа Чокай сказал так: “Час тому назад мне было предложено выступить по радио, я, конечно, отказался, заявив, что, пока не увижусь с моими соотечественниками из пленных, я агитировать не буду. Мне дали для устройства моих дел один день…. Я познакомился с очень интересными людьми – как русскими, так и иностранцами… Я чувствовал себя там душой помолодевшим, вспомнил студенческие годы, лекции, студенческие сходки в Петербурге. У нас в Компьене на открытом воздухе устраивались замечательные лекции, политические диспуты. Я тоже прочёл доклад о Туркестане. Слушатели были многочисленные, остались докладом довольны, просили ещё прочесть, я было назначил день, вдруг вызывают в комендатуру и объявляют, что я свободен. Страшно волнуюсь в душе за предстоящую встречу с пленными туркестанцами. Будет ли у нас общий язык?” [137].

Мария Яковлевна пишет, что через день после его возвращения домой в шесть часов утра за ним приехали двое военных. Мустафа Чокай от тёплых вещей отказался, полагая, что уезжает ненадолго: “Самое большее я пробуду месяц…” [138].

Но из этой поездки Мустафа Чокай домой не вернулся.

Из записей Марии Яковлевны известно, что Мустафа Чокай “…выехал из Берлина только после августа, пробыв там в ожидании 6 недель” [139]. Это подтверждается в письме Кариса Канатбая к Марии Яковлевне: “…В сентябре 1941 года к нам в военнопленный лагерь Сувалки приехал наш Президент Мустафа Tschokay-ogly, которого я знал на Родине как руководителя национального движения за границей, и в течение двенадцати дней он нас посещал ежедневно. Интересовался нашим положением и в то же время читал лекции…”[140].

Только в ноябре Мустафа Чокай прислал первую весточку о

посещении лагерей [141]. Затем Мария Яковлевна стала получать открытки из Сувалки и Ченстохова. В своём последнем послании Мустафа Чокай написал: "Моя встреча с туркестанцами изменила многое. Она подтвердила, что я был точен в своих прогнозах. Среди пленных встретил своего родственника. По возвращении постараюсь забрать его к себе домой. Мне кажется, что мои обращения возымели действие. Работы много. Я один не успеваю. Нужен помощник. Надо успеть до того, как закроют лагеря на карантин" [142].

Мустафа Чокай посещал лагеря военнопленных в Польше (Сувалки, Ченстохова, Вустрау) вместе с другими членами комиссий. Число комиссий было от 25 до 30, в их составе работали от 500 до 600 человек [143]. Известно, что среди них были татарин из Турции Ахмет Темир, дагестанец Алихан Кантемир, узбек Вели Каюм, азербайджанец Абдурахман Шафи Алмас. По свидетельству Ахмета Темира, члены комиссии работали порознь, разделившись на группы [144].

О состоянии пленных соотечественников в немецких лагерях Мустафа Чокай пишет своей супруге. Мария Яковлевна излагает это так: "В ноябре Мустафа с оказией передал письмо. В нём он писал о душераздирающих мучениях военнопленных. Эти несчастные невинные люди подвергались оскорблениям. За малейшую провинность их расстреливали. …В лагерях началось людоедство: оголодавшие ели лёгкие и сердце умерших. В лютый мороз они рыли руками ямы, спасаясь от дождя и снега. Мустафа испытывал страшные муки, оттого что был бессилен…" [145].

Мустафа Чокай в ходе посещения лагерей составил списки военнопленных из Туркестана с указанием фамилий, имён, лагерных номеров, которые были найдены Марией Яковлевной в вещах мужа после его кончины [146]. Каюмхан передал ей также папку с пометкой "секретно", которую Мустафа Чокай успел вручить ему незадолго до ухода из жизни. В ней находились записи Мустафы Чокая о положении военнопленных, собраны все факты зверств нацистов в отношении невинных людей. Их надлежало передать в немецкие инстанции [147].

Заступничество Мустафы Чокая спасло от расстрела сотни людей. Но необходимо было предложить нечто, что могло бы облегчить участь всей массы его пленных соотечественников. Об условиях, выдвинутых Мустафой Чокаем немцам, известно

только советским спецслужбам. Они фигурируют в тексте обвинительного заключения по делу № 85 КГБ Казахской ССР:

- подготовить кадры для будущего Туркестанского государства в учебных заведениях Германии;

- создать из числа своих пленных соотечественников военные формирования, которые должны быть использованы **только при подходе к границам Туркестана** (выделено мной – Б.С.) [148].

Предложение о подготовке кадров для будущего независимого Туркестана, так же как и о создании армии, сделано Мустафой Чокаем с учетом опыта Кокандской автономии, которая не смогла стать полнокровным самостоятельным государством из-за недостатка национальных кадров и отсутствия возможности защитить Автономию.

Рассмотрение второго условия, выдвинутого Мустафой Чокаем, чрезвычайно важно, так как оно стало основным обвинением его в создании вооружённых формирований "для использования в военных действиях против своего народа".

Мобилизованный немцами Мустафа Чокай, посетив лагеря военнопленных и ознакомившись с условиями их содержания, зная о неподписании Сталиным Женевской конвенции, с целью спасения своих соотечественников от неминуемой гибели предложил немецкой стороне план создания национально-освободительной армии из числа военнопленных. В этом он видел единственный способ их вызволения. Эта народно-освободительная армия не должна была принимать участие в военных действиях против советской армии. Настаивая на том, что она должна быть использована только при подходе к границам Туркестана, Мустафа Чокай исходил из основополагающего принципа национально-освободительного движения, согласно которому любое движение является национально-освободительным лишь тогда, когда оно поддержано народом. Соблюдение немцами этого пункта позволило бы Мустафе Чокаю выиграть время для продумывания и определения дальнейшей тактики, а военнопленным – набраться сил для предстоящей борьбы.

Такое понимание условий, поставленных Мустафой Чокаем, согласуется со свидетельствами бывших туркестанских легионеров Алима Алмата и Жаке Бапиша о том, что Мустафа Чокай был против создания Туркестанского легиона, так как считал "бесчеловечным бросать снова в бой тех, кто побывал в пекле войны и испытал ужасы концлагерей" [149].

По утверждению бывшего военнопленного Хамзы Абдуллина, Мустафа Чокай предлагал немцам и другие варианты "бескровного" использования туркестанских военнопленных, в частности, направить их в Турцию отработать долг Германии перед Турцией за поставку табака [150].

22 декабря 1941 года Мустафа Чокай внезапно заболел и был помещён в берлинскую больницу "Виктория", где 27 декабря 1941 года скончался [151]. Мустафа Чокай похоронен на мусульманском кладбище в Берлине. На надгробном памятнике чуть ниже даты кончины по воле супруги Мустафы Чокая Марии Яковлевны проставлены три латинские буквы и четыре цифры: **JOH.**15.13. Они указывают на тринадцатый стих пятнадцатой главы Евангелия от **Иоанна**, который гласит: "Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих" [*расшифровка поэта Кайрата Бакбергенова*].

4.6. Создание Туркестанского легиона

Два с лишним десятилетия, предшествовавшие 22 июня 1941 года, были в СССР периодом планомерного истребления собственных граждан за малейшие подозрения в инакомыслии. Это давало нацистам основание делать ставку на то, что красный террор сформировал у нового, теперь уже советского, поколения тюркских народов соответствующее отношение к тоталитарному режиму коммунистов. Данное обстоятельство в определённой мере обусловило идею создания различных воинских соединений из числа советских граждан, в том числе и военнопленных.

Члены Комиссии (РФ) по реабилитации жертв политических репрессий отмечают, что доля советских военнопленных в них составляла около 60%, остальные были местными жителями и эмигрантами" [152].

Согласно восточной политике (Ostpolitik) Гитлера, разработанной Альфредом Розенбергом, основная ставка делалась на социально-политические недовольства советских граждан, существование глубоких противоречий национально-культурного характера между центральным правительством и национальными республиками. Эти противоречия, возникшие вследствие террора и насилия со стороны большевиков, должны были, по расчету нацистов, привести к отчуждению

народа от центрального руководства и, соответственно, разложению системы изнутри [153].

В русле восточной политики руководство рейха в конце 1941 принимает решение использовать огромную массу советских людей, находившихся на территории Германии, как потенциальных защитников нацистских интересов, создав из них военные формирования по этническому признаку.

В.Шелленберг, глава VI отдела РСХА, предложил "придумать для них идеалы, во имя которых стоило бы рисковать жизнью. Идеалы национал-социализма были им чужды. Таким идеалом могла быть надежда на создание национальной автономии, нечто такое, что удовлетворило бы их извечное стремление к независимости" [154].

Эта ставка поначалу оправдалась. Так, солдаты Русской Освободительной Армии Власова (РОА), как утверждает в своих мемуарах Вальтер Шелленберг, "думая, что теперь борются за свою свободу, за новую Россию, без вмешательства в их дела со стороны немцев, действовали с большим воодушевлением" [155].

Французский историк Анри Мишель указывает, что немецкая сторона лживыми обещаниями об облегчении участи военнопленных выжимала из них все [156].

Желая усилить сопротивление большевизму за счёт вовлечения в эту борьбу пленных туркестанцев, профессор фон Менде, доктор Ольцша и доктор Арлт, представлявшие три ведомства, провели конфиденциальную встречу, в ходе которой была достигнута договорённость между Восточным министерством, СС и вермахтом по следующим пунктам:

- усилить пропагандистскую и агитационную работу в среде военнопленных с тем, чтобы склонить их к добровольному вступлению в немецкую армию;

- эта работа должна вестись только лицами, назначенными СС;

- пропагандистская работа должна проводиться по схеме, разработанной узким кругом генералов, и подчиняться прежде всего политическим задачам;

разделить "добровольцев" на тех, кто будет в подчинении СС, и тех, кто будет в подчинении вермахта.

Кроме того, GBA (Generalbevollmachtigen für den Arbeitseinsatz – Генеральный уполномоченный по трудовому распределению) и штаб-квартира СС пришли к заключению о

том, что все добровольческие подразделения должны пройти учёт и регистрацию при генштабе СС [157].

Туркестанский легион в соответствии с планами Третьего рейха, наряду с Русской Освободительной Армией Власова, СС-овской дивизией украинских националистов, армянским, грузинским, азербайджанским, северокавказским, волго-татарским и другими подобными военными формированиями, входил в общий блок, предназначавшийся главным образом для того, чтобы "сберечь немецкую кровь" на фронтах [158].

Период, предшествовавший созданию Туркестанского легиона, можно разделить на три этапа.

Этап первый, начавшийся задолго до нападения Германии на Советский Союз, заключался в выявлении степени идейно-социальной спаянности народов советских республик, в частности, отношения национальных республик к "первой среди равных" - к РСФСР. С этой целью внимание немецкого руководства было сосредоточено на трех вопросах, касающихся советских тюрков:

- насколько сильна среди них общетюркская идея;
- степень распространенности идей пантуранизма;
- масштабы влияния ислама.

В вопросе об общетюркской идее приоритет был отдан положениям диссертационного исследования Герхарда фон Менде "Национальная борьба российских тюрок. Исследование национального вопроса в СССР". Сам автор в последующем вошел в число ведущих экспертов рейха по тюрко-мусульманским вопросам в СССР. Помощниками фон Менде в сборе материалов были Ахмет Темир и Вели Каюм.

Наряду с научной проработкой вопроса шла проработка практическая. Она велась посольствами Германии в СССР (посол Шуленбург) и в Турции (посол фон Папен), которые зондировали мнения видных культурных и политических деятелей на местах для определения потенциала возможного общетюркского национального движения. Такой возросший интерес Германии к вышеперечисленным вопросам в период её подготовки к войне и в первые месяцы войны был вызван не только желанием привлечь многочисленные тюркские народы СССР к борьбе против большевизма, но и стремлением Германии вовлечь Турцию в войну на стороне немцев [159].

25 июля 1941 года посол Германии в Турции фон Папен обращает внимание МИД на то, что с немецкими успехами в войне против СССР автоматически растёт пантуранистское

движение. Спустя 10 дней он в дополнение к предыдущему материалу направляет из Турции в МИД справку о пантуранизме и его лидерах. Среди прочих имён фигурирует имя Нури-паши. Личность Нури-паши вызывает интерес у германского МИДа, и в сентябре того же 1941 года госсекретарь МИД Эрнст Вёрманн ведёт с ним обстоятельные переговоры. В протокольной записи бесед Э.Вёрманна с Нури-пашой излагается следующее: "11, 18 и 25 сентября 1941 года я имел беседы с Нури-пашой, борцом пантуранистского движения. Вторая беседа состоялась за обедом в присутствии посла фон Папена и советника посольства Хильгера.

Нури-паша провёл свои молодые годы под сильным влиянием своего брата, тоже борца пантуранистского движения, Энвера-паши, погибшего в 1921 году в Туркестане в ходе боёв с большевиками. Пятидесятилетний Нури-паша – один из богатых фабрикантов Турции.

Ход мыслей Нури-паши, в основном, известен из отчёта посольства в Анкаре. Их можно обобщить следующим образом.

Пантуранистское движение ставит задачу создания для проживающих за пределами Турции тюркских народов самостоятельного государства. Регионы проживания тюркских народов, если не учитывать определённых пограничных поправок, не должны быть аннексированы Турцией, но их политическую ориентацию на Турцию следует сохранить.

…Нури-паша выдвинул ряд предложений, которые, по его мнению, должны быть осуществлены немедленно.

Тюркоязычных военнопленных и военнопленных магометанской веры следует поместить в отдельные лагеря по образцу лагеря в Вюнсдорфе, существовавшего в период Первой мировой войны.

Затем он предложил рассмотреть возможность их использования в качестве боевых формирований пантуранистского сопротивления. Управление тюркскими и мусульманскими народами на оккупированных Германией территориях должно осуществляться самими тюрками…" [160].

В октябре 1941 года при содействии и поддержке посла фон Папена два турецких генерала предпринимают поездку на советско-германский фронт в районе Крымского полуострова. Этими генералами были Али Фуад Эрден, начальник Военной академии Турции, и Хосню Эмир Эркилет, находившийся к этому времени на пенсии. Их визит стал, по мнению фон Менде, одним из толчков к созданию легионов [161].

В ноябре 1941 года посольство Германии в Анкаре указывает на то, что официальное турецкое правительство стоит в стороне от пантуранизма, но существуют все же определенные националистически настроенные круги, группирующиеся вокруг Нури-паши, среди которых были выделены следующие личности:

- Абдул Хамит, занимавшийся сбором материала внутри страны среди эмигрантов, в особенности в азербайджанской части Ирана, для реализации идеи создания так называемой "новой Турции", восточные границы которой проходили бы по тем областям, где проживают тюрки, включая регион Каспия;
- татарский эмигрант в Турции Шюкрю Йени Бахче;
- башкир Зеки Велиди Тоган, бывший профессор Стамбульского университета, покинувший Турцию из-за неприятия идей Ататюрка;
- крымский тюрок, известный тюрколог Ахмед Чавер;
- турецкий посол в Кабуле Мемду Шевкет;
- основатель партии "Мусават" Мехмет Эмин Ресулзаде, долгое время общавшийся со Сталиным. Их пути разошлись, когда Сталин примкнул к большевикам, а Ресулзаде – к меньшевикам. Однако Ресулзаде продолжал пользоваться покровительством Сталина: был однажды освобожден им из-под ареста и смог выехать в Берлин, а оттуда – в Варшаву [162].

Вопрос о пантуранизме рассматривался в двух плоскостях. С одной стороны, поддержав сторонников пантуранистской идеи в их устремлениях создать новое азербайджанское государство на юге России, Германия могла бы всегда иметь возможность влиять на ее политику. С другой стороны, предполагалось, что для Германии гораздо безопаснее оказать поддержку панисламистскому движению, а не пантюркистскому.

В материалах, представленных Вели Каюмом немецкому руководству, указывается на необходимость не только не поддерживать, но даже бороться против пантуранизма, ставившего задачу объединения тюркских народов под протекторатом Турции. Это могло привести, по убеждению Каюма, к усилению турецкого влияния, что было бы нежелательно для Германии. Напротив, Германии было бы выгоднее, в пику Англии, представить себя защитницей ислама [163].

Таким образом, общетюркская идея интересовала Германию как одно из средств, могущих вдохновить тюркоязычные

народы СССР и противопоставить их верховенству диктатуры русского пролетариата. Это, по ее замыслу, могло также способствовать вовлечению Турции в орбиту интересов Германии. Пантуранистская же идея вызывала у Германии некоторые опасения: немцы избегали создавать большие государственные объединения, которые могли бы превзойти её по своей мощи.

И, наконец, Германия предпочитает сделать ставку на ислам и проявляет заинтересованность в том, чтобы выдать себя за защитницу ислама в противовес своей политической сопернице Англии, от которой она ревниво оберегает свои гипотетические колонии.

Этап второй касался предварительного "проигрывания" ситуации расчленения СССР, при котором необходимо было предусмотреть отделение от СССР Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана. В этом случае они могли бы оказаться предоставленными самим себе. Допускалось также, что каждая из этих республик будет стремиться к созданию собственного самоуправляемого образования. В случае такого развития событий не исключалась опасность прихода англичан со стороны Индии, Афганистана, Ирана под предлогом оказания помощи СССР. Для предотвращения этого Вели Каюм предлагает Германии взять названные республики под свое покровительство и предусмотреть их политическое оформление, а именно – скорейшее образование Туркестанского Совета (гремиума), который при необходимости мог бы быть экстренно переброшен в Туркестан. Совет этот должен будет заранее разработать мероприятия с участием военнопленных и эмигрантов по своей передислокации в заданную точку СССР [164].

Этап третий касался принятия решений с опорой на проделанный научно-практический анализ.

В конце августа 1941 года была начата работа специальной комиссии Восточного министерства (Остминистериума), которая отделила тюркских военнопленных (представителей народов Поволжья, Средней Азии, Кавказа) от других. Отобранные военнопленные были размещены в специальных лагерях на оккупированных территориях Польши, Прибалтики, Белоруссии и Украины. Один из первых экспериментов по созданию военных формирований был проведён с тюркскими мусульманскими народами, которые, по мнению немецкой стороны, были наиболее оппозиционно настроены к советской

власти. OKH (Oberkommando des Heeres - Верховное командование сухопутными войсками) отдаёт 15 ноября 1941 года приказ создать при каждой дивизии группы армии "Юг" по одной сотне "из военнопленных туркестанской и кавказской принадлежности", которые позже были объединены при 444-й дивизии под Запорожьем в Туркестанский полк. Впоследствии на базе полка был сформирован 444-й тюркский батальон. Полк использовался на охранной службе. Однако ни этот полк, ни образованные почти в этот же период 450-й туркестанский пехотный батальон под командованием майора Андреаса Майер-Мадера и батальон "Бергман" ("Горец") под командованием Теодора Оберлендера не были включены в состав сформированных в начале 1942 года Восточных легионов и действовали автономно [165].

Приказ OKW (Oberkommando der Wehrmacht – Верховное главнокомандование вооружёнными силами Германии) о создании Туркестанского легиона из числа туркмен, узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков и таджиков и кавказско-магометанского легиона из азербайджанцев, дагестанцев, ингушей, лезгинов и чеченцев датирован 22 декабря 1941 года [166].

Оформление легионов, происходившее на территории Польши, было завершено летом-осенью 1942 года [167].

В этот же период, точнее в январе 1942 года, узбекский эмигрант Вели Каюм назначается Восточным министерством президентом Туркестанского Национального Комитета и приступает к его формированию. По данным немецкого исследователя Патрика фон цур Мюлена, в рядах Туркестанского легиона было от 110 до 180 тысяч туркестанцев [168]. Эта цифра близка к той, что указывается Баймырзой Хаитом, занимавшим в составе Туркестанского Национального Комитета пост военного министра, – 181 402 туркестанца [169].

Первого января 1944 года были предприняты структурные изменения, связанные с введением новых должностей в легионе и ликвидацией некоторых прежних [170]. Создаётся Институт Арбайтсгемайншафт Туркестан (Arbeitsgemeinschaft Turkestan), который становится органом, контролирующим Туркестанский Национальный Комитет и Туркестанский легион. До создания данного Института его функции выполнялись Ваннзееским институтом при РСХА и другими ведомствами рейха. Таким образом, окончательно формируется структурный комплекс, включавший:

- Институт Арбайтсгемайншафт Туркестан, формально представленный как Центр политики по пантюркизму и поставленный под начало СС [171];

- Туркестанский Национальный Комитет ;

- Туркестанский легион, формально подчинявшийся вермахту.

Все три образования, несмотря на их формальное подчинение разным ведомствам, представляли собой единое целое.

Структурный комплекс "Арбайтсгемайншафт Туркестан – Туркестанский Национальный Комитет – Туркестанский легион" был задуман таким образом, что обеспечивался тотальный контроль за всеми сторонами деятельности туркестанских легионеров. Арбайтсгемайншафт Туркестан как контролирующий орган действовал через Туркестанский Национальный Комитет. Туркестанскому Национальному Комитету отводилась роль временного туркестанского правительства, а Туркестанскому легиону – роль будущей армии Туркестана [172].

В силу этого личность главы Туркестанского Национального Комитета должна была быть удобной режиму. Президентом Туркестанского Национального Комитета нацисты назначили человека не из среды военнопленных, а эмигранта - Вели Каюма.

4.7. Институт Арбайтсгемайншафт Туркестан

В июне 1936 года рейхсфюрер Гиммлер назначает шефом СД (Sicherheitsdienst - нацистская секретная служба безопасности разведывательного управления СС) и ЗИПО (Sicherheitspolizei - полиция безопасности) Рейнхарда Гейдриха. В феврале 1937 года по его указанию библиотека Восточноевропейского института в Бреслау была передислоцирована в берлинский пригород Ваннзее [173]. На базе этой библиотеки был создан Ваннзееский институт, переданный в 1939 году в распоряжение РСХА (Главного управления имперской безопасности). Возглавил институт грузин Михаэль Ахметели. По признанию шефа VI отдела РСХА Вальтера Шелленберга, секретная служба против России подразделялась на три сектора, один из которых возглавлял и направлял работу Ваннзееского института: "Ещё до войны с Россией институт провел важнейшую работу по сбору информации о состоянии

дорог, железнодорожных путей, экономики и политики советского государства, о намерениях и составе Политбюро. Обширный опыт и научный подход сотрудников к поставленным задачам позволяли делать важные выводы по многим вопросам" [174].

Институт Арбайтсгемайншафт Туркестан, организованный в Дрездене [175], был призван выполнять, помимо прочих, функции поставщика разведывательной информации, которую ему следовало добывать в результате опросов военнопленных из Туркестана. Иллюстрируя работу Ваннзеского института, В.Шелленберг отмечает, что для составления объективной и обоснованной характеристики индустриальной и военной мощи Советского Союза ему пришлось поднять все секретные источники и опросить тысячи военнопленных [176]. О характере сотрудничества Института Арбайтсгемайншафт Туркестан и Ваннзеского института свидетельствуют архивные материалы. Это, в частности, служебная переписка обоих институтов, включая секретные донесения агента DI/5k [177]. Руководителем института Арбайтсгемайншафт Туркестан был доктор Райнер Ольцша, гауптштурмфюрер СС.

4.8. Туркестанский Национальный Комитет

В своем письме, адресованном рейхсфюреру Гиммлеру, президент Туркестанского Национального Комитета Вели Каюм склонен считать датой создания ТНК 14 ноября 1942 года, когда Комитет был официально признан руководством Третьего рейха [178]. Однако работать Туркестанский Национальный Комитет начал задолго до этой даты - в начале 1942 года. По данным немецкого историка Патрика фон цур Мюлена, в августе 1942 года вышел в свет первый номер журнала "Милли Туркестан", национального органа Туркестанского Национального Комитета [179].

Формально Туркестанский Национальный Комитет был политическим образованием, на него возлагалась вся ответственность за создание и функционирование Туркестанского легиона. С позиции немецкой стороны, такой орган был необходим: руководство Третьего рейха было заинтересовано в том, чтобы представить самих туркестанцев инициаторами создания военных формирований из числа военнопленных с целью дальнейшей их инкорпорации в состав вермахта. Судя по

документам, немецкая сторона хотела также представить создание Туркестанского легиона как закономерное желание советских тюркских народов покончить с большевизмом. К тому же такой поворот дела давал ей и другую выгоду: в глазах военнопленных нацисты внешне выглядели как поддерживающие и оказывающие действенную помощь национально-освободительной борьбе советских тюркских народов, тогда как на деле нацисты путём обмана вовлекали пленных в легионы, не оставляя им никакого выбора. В поддержку гипотезы о двойной морали нацистов говорят, среди прочих фактов, выступления Гитлера, в которых он излагает свои планы о том, какими он видит будущие восточные владения Германии [180].

Структура Туркестанского Национального Комитета повторяла структуру НСДАП.

Задуманный как прообраз правительства будущего самостоятельного Туркестана, Туркестанский Национальный Комитет мог бы выполнять высокую задачу не только по объединению туркестанцев, оказавшихся в Европе, но и разработать механизмы управления будущей независимой страной и всеми сферами её жизни. Комитет имел в своём подчинении своеобразную мини-модель будущих государственных институтов, представлявших девять направлений деятельности: военное, научное, воспитательное, литературное, издательское, информационное, медицинское, а также руководство восточными рабочими и обслуживание военнопленных. Комитет состоял из 21 человека [181]. Назначенный немецкой стороной президент Туркестанского Национального Комитета Вели Каюм представил министерству по восточным делам свою программу по объединению представителей пяти народов Туркестана. Программа была всеми поддержана.

Вели Каюм пользовался поддержкой немецкой стороны в лице главы министерства по восточным делам Альфреда Розенберга и всех силовых структур рейха [182].

Любая власть предполагает отношение между властным и подвластным. Уникальность ситуации Туркестанского Национального Комитета заключалась в том, что впервые в истории Туркестана ядро будущего правительства независимого Туркестана было сформировано за пределами Туркестана в условиях войны, пусть даже при формальной поддержке сильного государства - союзника. Комитет располагал трудами Мустафы Чокая, в которых была разработана идеология будущего Туркестанского государства. Однако отход от идей

Мустафы Чокая, отсутствие достойного лидера-патриота, авторитетного в профессиональном отношении, имеющего полное моральное право на организаторскую, идеологическую и управленческую роль остальными членами организации, стали препятствием для дальнейшего развития туркестанского национально-освободительного движения.

Вели Каюм не справился (и вряд ли ставил перед собой такую задачу) с практической реализацией этой программы, так как использовал власть как средство повышения в глазах окружающих собственной значимости, превратив материальный статус в атрибут личности, а не должности. Это стало причиной обострения межнациональных отношений в Туркестанском Национальном Комитете и Туркестанском легионе. Любые предложения по осуществлению объединения воспринимались Вели Каюмом враждебно, как посягательство на его диктаторские полномочия. Доносы, взятки и поборы стали основным методом его работы.

В начале 1943 года группа киргизов и казахов обратилась к министру по восточным делам Альфреду Розенбергу с предложением о создании собственного Комитета. Комиссия, назначенная министерством, не только сочла необоснованным такое обращение, но и заставила его авторов письменно признать свою неправоту [183].

Что касается личности президента Туркестанского Национального_Комитета Вели Каюма, то *биографический анализ* показывает следующее. Вели Каюм прибыл в Берлин из Бухарской республики в составе семидесяти студентов, посланных на учебу в Германию. Изучал сельское хозяйство, но до диплома не дотянул. Учился в политической школе [184].

Политическая деятельность. В середине 30-х годов Вели Каюм сближается с Альфредом Розенбергом, автором Ostpolitik Третьего рейха, который и определил Каюму роль и место в рамках своей программы. Начинал Вели Каюм со сбора информации о состоянии сельского хозяйства в Туркестане. Как политический активист Каюм в среде туркестанских эмигрантов был неизвестен. В начале 1942 года был переведен с должности официального представителя от туркестанцев на пост президента Туркестанского Национального Комитета [185].

Первым официальным действием Каюма после его назначения главой Туркестанского Национального Комитета было присоединение к своему имени титула “хан”, которого у

него раньше не было. По признанию немецкой стороны, Каюм пользовался у нацистов большим доверием, и ему была предоставлена полная свобода действий. Нацисты, по всей вероятности, были заинтересованы в поднятии престижа Каюма: он получил квартиру, автомобиль и дипломатический паспорт [186].

Стиль принятия решений. По свидетельству членов Туркестанского Национального Комитета, трайбализм, взяточничество и доносы были основным стилем руководства Вели Каюма [187].

Мотивы и потребности Вели Каюма на посту президента Туркестанского Национального Комитета, как показывают материалы, не выходили за рамки личной выгоды. По существу, Каюм был служителем нацистского режима, мечтавшего о должности главы правительства будущего Туркестана.

Доктор Ольцша был хорошо осведомлён о стиле и методах руководства Вели Каюма, о чём свидетельствует запись его беседы с профессором фон Менде, руководителем отдела в Восточном министерстве, и доктором Арлтом от 29 сентября 1944 года. Ольцша указывает на необходимость устранения личных недостатков президента Туркестанского Национального Комитета с тем, чтобы Комитет перестал быть личной вотчиной Вели Каюма [188].

Немцы признавали, что "Каюм не пригоден для выполнения отведённой ему роли, так как ставит своё тщеславие выше общего дела", страдает "вождизмом" (выражение К.Канатбая), и что отдаление Каюмом от совместной работы туркестанских эмигрантов "нанесло ущерб интересам разведывательных служб" [189].

Исследуя само явление, а также мотивацию власти у личностей, российский исследователь С.Б. Каверин выявляет определенную типологию людей [190]. Согласно этой типологии Вели Каюм мог быть определен как конформист с доминирующей гедонической потребностью.

Поэтому закономерно, что Туркестанский Национальный Комитет и Туркестанский легион до самого конца войны сотрясали постоянные конфликты, вплоть до организации покушения на Вели Каюма [191].

4.9. Отношение немецкой стороны к туркестанским легионерам

Говоря о причинах, побудивших военнопленных идти в легионы, немецкий историк Патрик фон цур Мюлен отмечает, что на первом месте была элементарная человеческая потребность выбраться из лагерей [192]. Так, Зейнел-Габден Темиргалиев, бывший военнопленный, признавался, что многие давали согласие идти в легионы, руководствуясь простой житейской мудростью: "Так или иначе мы обречены на смерть. Для начала надо попытаться выбраться из лагеря, а там будет видно".

Исследователь И.Гилязов на основании изучения немецких архивных материалов описывает весь путь прохождения военнопленных из лагерей в ряды вермахта: "Вербовка в легионы проводилась в специальных переходных лагерях – дулагах - с использованием метода "кнута и пряника". Военнопленным наглядно давалось понять, какие прежде всего материальные "блага" сулит переход на немецкую сторону – лучшее обеспечение, обмундирование, более свободные условия содержания в лагерях. Пропагандисты делали основной упор на национальную самобытность военнопленных, их противоположность русским, те гонения, которым подвергались религия и национальные языки в Советском Союзе. Те, кто дали согласие перейти на немецкую службу, в большинстве своём проходили следующий путь: начальный лагерь – предварительный лагерь – основной лагерь легионов" [193].

В основном лагере военнопленные причислялись к запасным ротам, где они не меньше одного месяца под строгим надзором немцев проходили соответствующую подготовку. Затем наиболее подходящих военнопленных направляли в формирующиеся походные батальоны, а тех, кто казался немцам недостаточно благонадёжным, отправляли обратно в лагеря для военнопленных. Статус военнопленных снимался с них только после их окончательного внедрения в регулярные части [194].

Отношение к пленным советским азиатам, как уже указывалось, было определено нацистами до начала войны в приказе от 16 мая 1941 года и получило также конкретное выражение в программе Ostpolitik. Нацистская идеология объявила их среди прочих "недочеловеками". Поэтому и отношение к бывшим военнопленным, даже с учётом их

перехода в ряды легионеров, было соответствующим. Показательным в этом плане является также отчёт штурмбанфюрера Алиева, где он рассказывает об издевательствах немецкого офицера Биллига, что в итоге ускорило переход легионеров на сторону партизан [195].

При формировании восточных легионов бывшие военнопленные на командные должности не назначались, назначались только немцы. В составе 162-й тюркской пехотной дивизии из 11 тысяч человек 5 тысяч были немецкими военнослужащими, то есть каждый второй "туркестанец" был немцем [196].

Более подробно об отношениях между немцами и легионерами написано в докладной от 15 декабря 1943 года, представленной вермахту штурмбанфюрером Андреасом Майером-Мадером, командиром Первого Восточно-мусульманского полка СС: "...Правильность избранного нами пути подтверждается тем, что со второй половины 1942 года русские убрали с передней линии фронта представителей тюркских народов, которым русские, в сущности, никогда не доверяли.

Поскольку большевики ещё до войны пытались уменьшить ту большую опасность, которая грозила им с флангов (Центральная Азия), они быстро осознали, что она может стать ещё больше. Имея опыт беспощадной борьбы против любой угрозы, большевики срочно предприняли эффективные контрмеры. Они стали формировать национальные соединения с командирами вплоть до дивизионных генералов из числа магометан. Это означает кардинальное изменение курса большевиков в отношении представителей мусульманских республик. Они стали срочно проводить пропагандистскую работу в Центральной Азии и Германии. И если эти контрмеры большевиков дали быстрый эффект, то в первую очередь они обязаны этим немецким инстанциям" [197].

Майер-Мадер отметил в своем рапорте, что немецкая сторона допустила ряд ошибок в работе с тюрками, не учтя, что тюркские народы России являются азиатами, и, соответственно, у них другой менталитет. Он отметил, что немцев, которые должны были направляться на работу в тюркские батальоны, отбирали не тщательно, не по желанию, откомандировывали в приказном порядке, а направляемые немецкие офицеры и командиры не проходили никакой предварительной подготовки и не получали никаких пояснений по истории и культуре тюркских народов.

По мнению Майера-Мадера, немцы видели в тюрках не магометан, а пленных большевиков и строили с ними свои отношения, исходя из этого. Ошибкой является и то, что во всех тюркских батальонах не было и нет офицерского состава из тюрков, соответственно, в батальонах отсутствовал внутренний стержень. Уже одно это делало их беззащитными против любого влияния извне. В ротах в среднем по 150 магометан и от 8 до 15 немцев. Из-за отсутствия взаимопонимания, включая языковой барьер, в ротах складывались два лагеря. К осени 1943 года пропасть между этими двумя лагерями стала такой большой, что тюрки стали выражать своё недовольство открыто. Как уже говорилось, они были беззащитны против вражеской пропаганды. Обобщая свои наблюдения, Майер-Мадер признаёт, что любые недовольства тюрков наказывались самым строжайшим образом, без анализа причин недовольств, и что эти наказания только номинально оправдывались немецким уголовным правом и тем сильнее озлобляли тюрков.

В его рапорте указывается, что тюркские батальоны используются в боях в течение полутора лет, что тысячи тюрков погибли либо получили ранения, тогда как контрмеры противника имели успех только в некоторых случаях. Майер-Мадер напоминает, что большевизм имеет возможность и пользуется этой возможностью заставлять представителей своих колоний проливать кровь за него, поэтому магометанские батальоны, находящиеся на немецкой стороне, должны быть выведены с восточного фронта и преобразованы в рабочие батальоны. Он считает это тем более необходимым, так как цель англичан и русских - как можно больше магометан направить против немцев, и каждый павший немец или магометанин идёт на их счёт.

Майер-Мадер уверен, что интересы ислама и Германии идут параллельно, точно так же как интересы Японии и Германии. Он напомнил, что, за исключением Турции, все исламские страны в большей или меньшей степени являются колониями русских, англичан либо французов и что чем больше магометан, состоящих на службе у врагов Германии, погибнет, тем больше будет крепнуть власть врагов Германии в исламских странах, а одновременно с этим будет изнашиваться сила Германии.

Майер-Мадер отметил в этой связи значимость правильно задействованной пропаганды с тем, чтобы обоих естественных

союзников не отдалять друг от друга: "Масса простых людей судят о нас по тому, что видят и слышат. Неправильное обращение с ними немцев делает из немцев их врагов. Каждый из них по возвращении на родину может стать пропагандистом против Германии и, таким образом, подсознательно или невольно станет пропагандистом за большевизм. Это значит, что пропаганду нужно подкреплять практическими действиями, чтобы показать простому человеку, что Германия видит в них равных себе товарищей по союзу. Единственной эффективной мерой является формирование тюркско-магометанской дивизии с командирами из числа самих магометан, включая батальонных командиров… Простой человек быстро поймёт, что если уважают командира, значит, уважают и его. Создание собственного корпуса командиров послужит каждому стимулом… Эта дивизия должна стать для тюрков-магометан родиной, так как настоящая родина для них закрыта. Каждый поймёт, что есть на земле место, где могут признать его правоту, и он не будет чужим в чужой стране. Тогда он не будет враждебно смотреть на немецкую страну, как раньше, когда он знал, что он бесправен и что единственное его право – проливать за неё кровь. Дивизия должна стать силовым полем, которое должно постепенно охватить всех воюющих тюрков-магометан. Оно должно излучать такую силу, которая сможет воздействовать и на магометан в России. И находящийся по ту сторону человек поймёт, что пока хоть один магометанин проливает кровь в русских рядах за большевизм, он вредит тем самым исламу. Из рядов дивизии должен выходить только человек, борющийся за честь, за свой народ. И он должен быть научен воевать" [198].

Слова майора Майера-Мадера подтверждает и другой немецкий офицер Гарун эль-Рашид, "направленный в восточно-мусульманский полк СС № 1 в связи с тяжёлой атмосферой в результате слияния с дивизией СС "Дирлевангер" и методами воздействия, которые в ходе этого объединения применялись". "Моя проверка показала:

1.Это объединение с чужим кадровым составом было для них (туркестанцев) позорным, и эта мера была действительно нецелесообразной. Она была обидной не только для представителей чужих племён, но и для основного немецкого персонала она была нежелательной.

2.…лица из персонала полка высказывали много жалоб. Они касались гауптштурмфюрера СС Клауса, и я считаю, что

жалобы эти были обоснованными. Гауптштурмфюрер Клаус обзывал тюрков свиньями, применял побои, забрасывал их грязью. И это всё происходило ежедневно…" [199].

Из содержания приведённых докладных можно сделать следующие заключения:

1. Туркестанцам не доверяли ни русские, ни немцы. Русские опасались доверять, зная, что в памяти туркестанцев ещё свежи воспоминания кровавого террора, учинённого большевиками в период установления своей власти в Туркестане. Немцы не доверяли, потому что считали азиатов "недочеловеками". При этом обе стороны использовали их в военных действиях, не жалея пропагандистских приёмов.

2. Ни ту, ни другую сторону не занимал вопрос прав туркестанцев, которые в составе легионов оставались бесправными и беззащитными, "чужими в чужой стране". Не зная ни языка, ни особенностей Германии и немцев, они имели, как отмечает Майер-Мадер, "только одно право – проливать кровь" за интересы других.

3. В составе немецких воинских формирований туркестанцы постоянно находились под наблюдением немцев.

4. Наказание туркестанских легионеров было вполне распространённым явлением и оправдывалось немецким уголовным кодексом.

Таким образом, настроение туркестанских легионеров было таким, что они искали случая при первой же возможности вырваться из-под власти немцев и уйти к партизанам оккупированных стран. Об этом свидетельствуют многочисленные документы из французских и немецких архивов. Эти факты приводятся в следующем разделе.

4.10. Обстановка внутри Туркестанского легиона

Обстановка в среде советских военнопленных в целом также была сложной. Тому был ряд причин. Во-первых, отсутствие должного руководства со стороны Туркестанского Национального Комитета. Были часты случаи необоснованных арестов легионеров, спровоцированных Вели Каюмом, который путём организации ложных доносов избавлялся от неугодных лиц, боясь сужения своих полномочий [200]. Во-вторых, отношение немецкой стороны, которая постоянно держала под контролем через внедрённых агентов всяческие

контакты как между самими туркестанцами, так и между туркестанцами и военнопленными других национальностей, опасаясь их единения.

В-третьих, на советских военнопленных обрушивалась советская пропаганда, сменившая к концу войны угрозы на призыв вернуться на родину. К тому же из-за длительного пребывания на чужой земле, не зная ни языка, ни страны, вдали от родных и близких люди страдали от ностальгии. В-четвёртых, победы, одержанные Красной армией под Москвой и Сталинградом, расшатывали дух и моральное состояние немцев, вызывали у бывших советских военнопленных тревогу за свою участь.

К концу 1943 года огромное число советских военнопленных на территории Германии представляло серьёзную угрозу рейху, который опасался, что их штыки могут быть повёрнуты в сторону немцев. Этот страх сказался на отношении к Власову и организованной им РОА (Русская Освободительная Армия). Не без помощи немецкой стороны организовываются протесты национальных комитетов против идеи объединения, выдвинутой генералом Власовым в своём манифесте. Этот вопрос стал одним из центральных в ходе работы съезда, проходившего в июне 1944 года в Вене с участием около 400 туркестанских легионеров. В адрес съезда Гитлер направил приветственную телеграмму. Был заслушан отчёт президента Туркестанского Национального Комитета Вели Каюма, а также была принята резолюция из 30 пунктов. В своей докладной, адресованной рейхсфюреру Генриху Гиммлеру 13 октября 1944 года, Вели Каюм пишет: "...Мы не против того, чтобы Власов стал лидером русского освободительного движения. Он может выступать от имени русского народа. Однако он не может и не должен выступать как лидер нерусских народов, проживающих на территории СССР, поскольку они, к примеру туркестанцы, видят насквозь теперешнюю конфедеративную политику, причём на немецкой земле... Они возмущены появившимися 4 и 11 ноября на страницах газеты "Новое слово" высказываниями Власова в странной и напыщенной форме... Он играет роль Керенского... Власов должен заниматься только русским вопросом и только от имени русских" [201].

Это обращение было подкреплено письмом уполномоченных представителей военнопленных, выходцев из Идель-Урала, Кавказа, крымских татар, туркестанцев, украинцев, белорусов, направленным рейхсминистру по оккупированным

восточным территориям Альфреду Розенбергу 18 ноября 1944 года [202].

В этот период участились случаи массовых переходов туркестанских легионеров на сторону партизанских движений во Франции, Словакии, Югославии, Польше и других странах Европы. Показательным является случай дезертирства из немецкой армии туркестанского командира полка Гулама Алимова, который в период работы венского съезда вышел на связь с русскими и словаками, находившимися под Братиславой, и перешёл к партизанам вместе с 500 легионерами [203].

Полковник французского Сопротивления Гастон Ларош свидетельствует в своей книге "On les nommait des étrangers" ("Их называли иностранцами"): "В начале августа 1944 года в Кармо располагалось формирование, состоявшее в основном из грузин и туркестанцев, попавших в плен на восточном фронте. Из них были составлены части, предназначавшиеся для оккупации Франции. Многие из этих советских солдат искали случая, чтобы вступить в бой с нацистами. Одна рота полностью и с ней половина другой роты, а также примкнувшие к ним отдельные бойцы решают, наладив связь с отрядами французского Сопротивления, присоединиться к французским макизарам (партизанам).

В ночь перед уходом из Кармо они убивают немецких офицеров, под охраной которых находилась их часть, и забирают с собой семерых заложников из числа охраны. С утра немцами была объявлена тревога. Были подняты и части, дислоцированные в городах Тулуза и Кастр. В Кармо оставшиеся легионеры были немцами разоружены и отправлены в Альби (в концлагерь – Б.С.)…" [204].

В книге описаны совместные военные операции французских партизан и бывших туркестанских военнопленных, дезертировавших из легиона [205].

Туркестанцы, используемые и той, и другой стороной, иногда оказывались против своих же соотечественников. Докладная руководителя партизан (его подпольное имя Фернан) из архивов французского Сопротивления рассказывает об одной из таких ситуаций. Туркестанцы отказались стрелять друг в друга и, в итоге, решили быть вместе, то есть "по одну сторону баррикад" с французскими партизанами [206].

По утверждению французских ветеранов, автор книги Гастон Ларош обращался в ЦК Компартии Казахстана с просьбой об организации встречи с туркестанскими

участниками французского Сопротивления и получил ответ тогдашнего секретаря по идеологическим вопросам Саттара Имашева, что "казахи в движении французского Сопротивления не участвовали".

История массового перехода туркестанских легионеров на сторону французских партизан и их участия в освобождении Франции, засвидетельствованная профессором Клодом Дельпла и ветеранами французского Сопротивления, представлена в документальных фильмах "Ради горсточки земли..." и "Зар, или Отлучённые от Родины".

В деревне Жукевиель департамента Тарн при активной помощи и поддержке французских ветеранов Сопротивления в 1995 году посольством Республики Казахстан открыта мемориальная доска в "честь казахов и всех тех, кто пал за освобождение Франции". Мемориальная доска признана французским правительством и включена в число объектов, охраняемых государством.

4.11. Участие Туркестанского легиона в военных действиях

Согласно И.Гилязову, исследователю истории Татарского легиона в составе Восточных легионов, отдельные батальоны Восточных легионов принимали участие в военных действиях. По меньшей мере шесть туркестанских, три северокавказских, пять азербайджанских, четыре грузинских и два армянских батальона участвовали в наступлении германской армии на Кавказ в 1942–1943 годах [207].

По данным Олафа Каро, три туркестанских батальона принимали участие в боях на Сталинградском направлении, при этом большинство легионеров погибли, а шесть батальонов уже в самом конце войны были задействованы в обороне Берлина [208].

Но далеко не все из задействованных восточных батальонов оправдали надежды германского командования. Поэтому в течение 1943 года их стали чаще применять в тыловых областях: для борьбы против партизан, охраны железных дорог и населённых пунктов, несения таможенной службы и т.п. Такое их применение оказалось более масштабным.

Например, весной – летом 1943 года на Украину прибыло также несколько азербайджанских, волжско-татарских,

грузинских и туркестанских батальонов, которые предполагалось использовать для борьбы против партизанского движения. К середине августа 1943 года общее число восточных легионеров в районе Львова составляло уже 31 тысячу. Падение дисциплины, откровенное нежелание воевать, участившиеся факты перехода легионеров на сторону партизан, усиливающееся влияние "вражеской пропаганды" заставляли командование убирать ненадёжные части, присылая на их место новые. Вновь прибывшие, однако, демонстрировали те же качества..." [209]. 29 сентября 1943 года Гитлер отдал распоряжение о переводе этих формирований с Востока на Запад, и командование Восточных легионов было переведено в г.Мийо на юге Франции [210].

В конце 1943 года Туркестанский легион в составе других формирований Восточных легионов перебрасывается во Францию [211].

По данным французского историка Клода Дельпла, автора работ по истории французского Сопротивления, по меньшей мере шесть батальонов Туркестанского легиона были дислоцированы на юге Франции в районе департамента Тарн, гораздо большее число батальонов находилось в районах Верхней Гаронны, Арьежа, Альби. На территории Франции оказались не только туркестанские легионеры, но, по нашим предположениям, и туркестанцы, воевавшие в составе Интернациональных бригад в Испании [212].

Известны случаи перехода туркестанских легионеров на сторону партизанских движений не только во Франции, но и во всех остальных странах Европы. Такие документы сохранены в архивах этих стран, это требует масштабных и обстоятельных поисков. В настоящей работе приведены архивные материалы о случаях, имевших место во Франции и Словакии.

4.12. Судьба туркестанских легионеров, вернувшихся на Родину

После победы СССР над фашистской Германией в странах Европы советское правительство направляет в страны Европы военных из высших чинов, которые заверяют бывших военнопленных, что никаких наказаний к ним не будет применено. Люди хотели верить и поверили, что их ждут на Родине. Советские эмиссары организуют специальные службы,

где используют бывших военнопленных, перешедших на сторону партизанских движений в Европе. Эти службы занимаются репатриацией бывших советских граждан [213].

ЦК КПСС посылает письма в центральные комитеты братских коммунистических партий в европейских странах с просьбой предоставить самые полные списки бывших советских красноармейцев, участвовавших в партизанских движениях их стран.

Однако именно теперь в СССР наиболее активно начинает реализовываться постановление Государственного Комитета Обороны от 27 декабря 1941 года, предусматривавшее создание в пределах армейского тыла сборно-пересыльных пунктов. В эти пункты следовало направлять всех находившихся в плену и окружении противника бывших красноармейцев для выявления среди них шпионов и диверсантов. Они квалифицировались как пленные солдаты вражеской армии и подпадали под действие "Временной инструкции о порядке содержания в специальных лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника", утверждённой 13 января 1942 года Наркомом внутренних дел Л.П.Берия. Создаётся сеть специальных лагерей. Поток возвращающихся в Советский Союз военнопленных и репатриированных резко увеличивается начиная с 1944 года, в связи с чем перед органами НКВД, НКГБ и военной контрразведывательной службой "СМЕРШ" (сокращённое от "Смерть шпионам!") была поставлена задача проверки каждого прибывающего. Речь шла уже не о десятках, а сотнях тысяч, миллионах граждан. Как отмечается в документе уже упомянутой Комиссии Российской Федерации, "жестокое, бесчеловечное отношение к военнопленным сохранялось и многие годы после победы" [214].

Ещё за год до окончания войны, летом 1944 года, была разработана, затем введена в действие новая система фильтрации и проверки органами государственной безопасности всех возвращающихся военнопленных и репатриированных лиц. После войны режим проверки и фильтрации был резко ужесточён. На пограничной линии создавалась сеть контрольно-пропускных пунктов, а в приграничной полосе на советской территории – сеть проверочно-фильтрационных пунктов (ПФП). Специальным постановлением устанавливалось, что питание лиц, содержавшихся на ПФП, осуществлялось по нормам ГУЛАГа. Доставка граждан в ПФП

осуществлялась под конвоем войск НКВД, НКГБ и "СМЕРШ" под руководством представителя НКВД [215].

Согласно ноябрьскому 1944 года постановлению ГКО было определено, что все военнослужащие Красной армии, освобождённые из плена, направлялись в запасные части военных округов, где проверка производилась органами контрразведки "СМЕРШ" НКО. По режиму специальные запасные части ничем не отличались от проверочно-фильтрационных лагерей НКВД.

Ожесточённые сражения, развернувшиеся в 1944 году, большие потери Красной армии требовали всё новых пополнений. Поэтому после проверки часть военнопленных направлялась в действующую армию.

Многие военнопленные, находившиеся на службе в немецкой армии, специальных немецких формированиях, а также "власовцы" были задержаны в ходе боёв или после поражения Германии. Были выделены командные кадры "власовской" армии, активные участники карательных операций немецких войск против мирных граждан, партизан, советской и союзнической армий. Дела этих людей рассматривались, как правило, тройками, то есть представителями НКВД, НКГБ и "СМЕРШ" [216].

После окончания войны оставшиеся в живых были взяты на учёт для дальнейшей проверки, большинство из них, если не все, оказались в лагерях…

Направленные на проверку и фильтрацию содержались в зоне за колючей проволокой, были лишены права переписки с родными. Проверяемым, как и заключённым, планировалась определённая выработка в денежном выражении, а значительная часть заработка изымалась в доход государства.

Длительность проверки составляла от нескольких месяцев до нескольких лет.

Примером характера режима в этих лагерях, порядка и методов проверки и фильтрации, как указывается в материалах Комиссии РФ, может служить письмо, автор которого писал из лагеря № 48 города Шахты: "Здесь содержатся люди всех возрастов и национальностей. Все они были в плену в Румынии, Германии, Финляндии… Люди, заключённые в эти туберкулёзные питомники, годами и месяцами ожидают решения своей судьбы… Сидит, скажем, человек в лагере шесть месяцев, на седьмой вызывают на допрос. Допрос сняли, опять проходит полгода, вызывают снова, допрашивают. Когда же он

начинает негодовать, то ему отвечают так: "Ваше дело сидеть и не рыпаться, проверим, там видно будет".

В особенности достаётся людям других национальностей. Здесь уже – виноват ты или нет – сиди и больше никаких гвоздей.

Интересно снимают допрос: "Где попал в плен?" – ответ "Там-то"; "Как?"- ответ "Так-то". "Ты почему сдался в плен, а не застрелился?" и т.д. "Сгною здесь в лагере" [217].

Судебные процессы над бывшими туркестанскими легионерами длились несколько лет после окончания войны. "Дела" легионеров рассматривались и в союзных республиках. Самым известным делом в Казахстане стал суд над 49 бывшими легионерами, которых пытались обвинить в связях с Мустафой Чокаем и проведении антисоветской деятельности. Об этом было изложено в главе, посвящённой кампании по уничтожению коммунистами так называемых "националистов" и "врагов народа".

Типичным примером стала судьба туркестанца Манаса Нугманова и его соотечественников. О ней рассказано в документальной ленте французских кинематографистов, созданной в 1994 году. Манас Нугманов был в фашистском плену, перешёл в Туркестанский легион, вместе с группой земляков дезертировал из легиона, воевал на стороне французских партизан, где его боевые заслуги были отмечены командованием. Вернувшись на родину, Манас Нугманов провёл 10 лет в лагере в Новокузнецке [218]. Его дочь-француженка Моник-Светлана Легра-Нугманов приложила немало усилий, чтобы восстановить послевоенный период жизни отца, который и был запечатлён в фильме "Pour une poignee de terre" ("Ради горсточки земли").

4.13. Судьба туркестанских легионеров, оставшихся за рубежом

Несмотря на агитационную работу, организованную советскими эмиссарами, многие из туркестанских легионеров, знакомые с идеями Мустафы Чокая о национально-освободительном движении, не поверили пропагандистским речам и предпочли остаться за рубежом. И хотя после Второй мировой войны туркестанское национально-освободительное движение, созданное Мустафой Чокаем, не нашло своего

организованного продолжения, отдельные лица, верные этой идее, продолжали противостояние коммунистической идеологии. Одним из них был Карис Канатбай. В период "холодной войны" идеи Мустафы Чокая стали основой программ редакции радио "Свобода", вещание которой велось на нескольких языках республик советской Центральной Азии.

История жизни и деятельности туркестанцев, продолжающих жить за рубежом, ещё не изучена. Она должна стать темой отдельной книги, которая, по нашему замыслу, станет следующей частью настоящего исследования и будет посвящена туркестанской политической эмиграции.

4.14. Советская пропагандистская политика в отношении Мустафы Чокая и Туркестанского легиона

В советской историографии Мустафа Чокай и Туркестанский легион были неразрывно увязаны друг с другом и вызывали у неискушённого человека чувство страха и нежелание говорить на эту тему. Этому способствовала позиция верховной власти, опасавшейся потери своего влияния на покорённые народы, которые могли бы быть заражены идеей национально-освободительного движения. Поэтому образ Мустафы Чокая, известного за пределами СССР как лидера с демократическим прошлым, должен был быть, по мнению советских идеологов, полностью дискредитирован и даже уничтожен в умах тюркоязычных народов советской Центральной Азии. В этом плане неизвестная широкой общественности история Туркестанского легиона предоставляла центральной власти выгодную для неё возможность изобразить легионеров и Мустафу Чокая как "предателей Родины" и "врагов народа", слив воедино понятия "родина", "государство", "политический строй" и "народ", которому в тоталитарных государствах отводится роль статиста.

Идеология нуждалась в реанимации. Время от времени её реанимировали с помощью служителей режима, которые выполняли идеологический заказ. Исполнителям заказа предоставлялся доступ к недоступным для масс секретным материалам, а рядовой читатель обязан был принимать на веру всё, что выходило из-под их пера.

Классическим образцом такого заказа является повесть-хроника «Падение "Большого Туркестана"», вышедшая в свет в

1972 году [219]. В книге, "построенной на строго документальной основе", впервые перед широкой общественностью зашла речь о Мустафе Чокае и Туркестанском легионе. Автор повести-хроники, офицер органов советской госбезопасности Серик Шакибаев, был удостоен за эту работу членства Союза писателей Казахстана и звания заслуженный деятель культуры. Других произведений у него ни до, ни после не было.

Повесть является художественным изложением содержания досье, названного в терминах ОГПУ как "агентурное дело № 145 на Чокаева Мустафу по окраске "казахский националист-контрреволюционер". "Дело" было заведено в 1926 году Восточным отделом ПП ОГПУ Казахской ССР и положило начало разработке операции под кодовым названием "Франц" [220]. Возможно, что это название происходит от укороченного варианта слова "Франция", а может и от ошибочного прочтения чекистами французского France.

Советская пропагандистская школа пользовалась своими отработанными методами дискредитации неугодных для режима личностей. Как показывает анализ таких заказных работ, обычно в начале книги даётся прямая установка читателю, кто является объектом критики и подлежит преданию анафеме, а кто должен пользоваться симпатией читателя, стать примером для подражания. Затем идёт специальный подбор лексики в описании личности и поступков критикуемого. Факты обыгрываются в зависимости от того, насколько они выгодны режиму с идеологических позиций: они либо замалчиваются, либо раскрываются частично, причём раскрывается только выигрышная для правящей элиты сторона факта.

Идеологическая установка дана в аннотации к книге так: "Главари Третьего рейха, используя кучку белоэмигрантов, изменников Родины, в 1941-1942 гг. создали в фашистской Германии ряд так называемых "национальных комитетов" и "легионов", бывших, по существу, базой германской разведки для вербовки и заброски агентуры в тыл Советской Армии…

Большое внимание уделено советским патриотам, не склонившим головы перед врагом в самых трудных и сложных условиях, чекистам Казахстана, вступившим в борьбу с коварным врагом, простым труженикам республики, проявившим высокую бдительность, благодаря которым

потерпели окончательный крах происки нацистских заправил и их агентов".

Логическая оппозиция "хороший - плохой" (читай: наши - не-наши) выражена особым подбором слов. "*Главари, заправила, кучка белоэмигрантов, коварные враги*" характеризуют политических противников СССР, им противопоставлен лексический блок "*проявить высокую бдительность, простые труженики, чекисты, вступить в борьбу в сложных и трудных условиях*", используемый для характеристики наших советских борцов за правое дело. По замыслу автора повести-хроники, такой приём необходим для воспитания советского патриотизма и выработки иммунитета против "ядовитой пропаганды" (выражение автора повести).

Соответствующая лексика при противопоставлении "наши – не-наши" помогает читателю выбрать "правильный" ориентир: "Враждебная советской власти нечисть – эсеры, националисты, дутовцы – примкнула к мятежу. Но большевистская власть крепка – мятежи быстро подавляются" [221]. И читатель, уже подготовленный, сразу понимает, почему, к примеру, "башкирский народ, руководимый коммунистами, требовал создания Башкирской Автономной Советской Республики, входящей в состав РСФСР" [222].

Из стилистических средств можно выделить использование внутреннего монолога в описании отрицательных, с точки зрения автора повести, персонажей. "Сердце Чокаева упало. Не на это он рассчитывал. В последние дни он ждал ответа на своё письмо, посланное Розенбергу. Сегодня рано утром, когда его взяли из лагеря и привезли в Берлин, он подумал, что наступил, наконец, день, которого он ждал более двадцати лет. Он не сомневался, что вызов – следствие его письма Розенбергу. Он рассчитывал, что в имперском управлении безопасности ему сразу же скажут о его невиновности и освободят. Но поведение нациста ничего хорошего не предвещало. "Что же это? Что будет?" - забеспокоился Чокаев" [223].

Такой приём, по замыслу, вызывает у читателя доверие к написанному, не оставляя сомнений в подлинности поступков персонажа. В данном случае автору повести необходимо было убедить читателя в коллаборационизме Мустафы Чокая с нацистами и сформировать о нём мнение как о двуличном человеке, который думает одно, но делает другое.

При описании поступков персонажей, преданных советской

идеологии, внутренний монолог заменяется высокопарным комментарием о патриотизме. "Кенжалин задумался. Да, он знал, что Каюму и другим, подобным ему, предателям совсем неплохо в американском и английском "плену". Нет сомнения, что англо-американские империалисты попробуют использовать этих недобитков в тайной войне против Советского Союза. Есть сведения, что в английской и американской зонах оккупации бывших советских военнопленных, связанных позже с Туркестанским легионом, собирают в специальных лагерях и подвергают специальной обработке.

Война кончилась победой. Но та война, которую ведут Кенжалин и его товарищи против тайных происков империалистов, продолжается. Он и сейчас на переднем крае невидимого фронта этой войны.

Кенжалин взглянул на грустного Ольцшу и сказал:

- Продолжаем. Ответьте мне… " [224].

Синтезируя содержание повести, цель которой была дискредитация идеи национально-освободительного движения и его лидера, можно вывести наличие, к примеру, следующих постулатов, которые правильно было бы сопроводить союзом "якобы":

1. Мустафа Чокай боролся за установление мусульманского государства [225], был агентом "Интеллидженс сервис" и он сам это признаёт [226], вёл подрывную работу в качестве английского агента. И подписал тайное соглашение о предоставлении Англии концессии в Караганде и Джезказгане в обмен на военную помощь [227].

2. Бежал во Францию ради Марии Яковлевны [228], где после оккупации немцами пробыл год в парижской тюрьме и оттуда напросился на приём к Розенбергу [229].

3. Мустафа Чокай безоглядно верил Германии и полагал, что только она может принести свободу его Родине: "Германия фюрера справедлива! С ней все наши надежды! Выпьем за фюрера!" [230].

4. Мустафа Чокай разделял идеи нацистской партии, поэтому и предложил организовать курсы, где "солдаты будущей армии Туркестана могли бы ознакомиться с теорией и практикой национал-социализма" [231].

5. Журнал "Яш Туркестан", издававшийся Мустафой Чокаем, имел английскую ориентацию [232].

Лживость всех этих утверждений становится явной при знакомстве с содержанием журнала "Яш Туркестан"[233], с

воспоминаниями его супруги Марии Яковлевны, а также при анализе трудов самого Мустафы Чокая и архивов Третьего рейха. Такой анализ проделан в предыдущих главах настоящей работы.

Особого рассмотрения заслуживают следующие два фрагмента повести.

"Сейчас март 42-го, скоро Чокаева провозгласят главой Туркестанского правительства, теперь это ясно. Никто мне не поможет. Я буду трусом, жалким неудачником, если упущу этот случай, - подумал Вели Каюм" [234].

"Мустафа армию, к созданию которой ещё и приступить не успел, уже считал своей и не хотел бросать её в бой до подхода немецких войск к Туркестану; собирался в это время готовить в тылу её командиров и будущих руководителей нового государства" [235].

Логическая разбивка содержания текстов выглядит так:

1). Мустафа Чокай армию не создавал, даже не успел приступить к её созданию. Действие происходит до кончины Мустафы Чокая, то есть, согласно дате, указанной автором повести, – до марта 1942 года.

2). Мустафа Чокай считал, что туркестанская армия должна вступить в бой только при подходе к границам Туркестана.

3). До момента подхода к границам Туркестана следует воспользоваться возможностью обучения в Германии туркестанцев военным и гражданским специальностям; грамотные и высококвалифицированные специалисты нужны при самостоятельном управлении государством.

Данный пассаж иллюстрирует метод полуправды. Информации 2 и 3 правдивы, а информация 1 – правдива наполовину: ложна она в отношении даты кончины, правдива – в отношении того, что Мустафа Чокай армию не создавал.

Возникает вполне резонный вопрос: "Почему автор повести, "написанной на документальной основе", допустил такой ляпсус?" Ведь он писал, опираясь на закрытые источники. Невозможно поверить, что советские спецслужбы не были информированы о конкретной дате кончины человека, за которым следили с 1926 года, заведя в ОГПУ специальное досье. Невозможно, учитывая также и то, что, по утверждению ведущего эксперта британской военной разведки Л.Дейтона, Сталин имел своих агентов в высших правительственных кругах практически всех европейских стран. (См. раздел 3.1).

Напрашивается следующее предположение. Руководителям советских спецслужб по каким-то соображениям было выгодно скрыть истинную дату кончины Мустафы Чокая, желательно было оттянуть её на более поздний срок. Разница между истинной и вымышленной датами кончины составляет примерно три месяца. Возможно, что эти три месяца нужны были для выполнения какого-то специального задания двойником Мустафы Чокая?

Президентом Туркестанского Национального Комитета Вели Каюм был назначен в начале 1942 года. Можно допустить, что в этом случае советскую сторону устраивает март 1942 года, так как позволяет в определенной мере приписать Мустафе Чокаю формирование Туркестанского Национального Комитета, который, как утверждается в аннотации, был "базой германской разведки". Тогда почему же автор повести не "подыгрывает" своему "заказчику" и не выставляет Мустафу Чокая создателем легиона?

Ответ может быть следующим. Огромное письменное наследие Мустафы Чокая рано или поздно могло дойти до его Родины. Из опасения, что ложь и наветы, которыми советская пропаганда опутала имя туркестанского лидера, будут раскрыты, советские спецслужбы осмелились пойти только на то, чтобы представить Мустафу Чокая "крёстным отцом" легиона, своего рода советником по его созданию, а не участником. В этом аспекте март 1942 года как дата кончины Мустафы Чокая вполне их устраивал.

Спустя 20 лет автором повести-хроники была опубликована статья-вызов под названием **"Құрғақ долбар дәлел емес"** ("Доводы без доказательств ничего не стоят") [236], в которой "довод" о сотрудничестве Мустафы Чокая с нацистами подкреплён фальшивкой: грубо сделанным фотоколлажем, изображавшим человека в штатском среди солдат вермахта, который даже отдалённо не напоминает Мустафу Чокая. Расчёт был сделан на факт отсутствия в Казахстане оригинальных фотоснимков Мустафы Чокая, которые были полностью уничтожены родственниками, боявшимися обысков НКВД.

В 1991 году в научном сборнике "История Казахстана: белые пятна" вышла статья кандидата исторических наук П.С.Белана с тенденциозным названием "Правда о "Гросстуркестане" и "Туркестанском легионе" [237], которая мало напоминает научную публикацию. Основание для такого

утверждения даёт прежде всего довольно вольная (если не сказать фамильярная) манера в оценке исторических событий и личностей. Автору статьи свойственны некорректность, оперирование непроверенными фактами, манипулирование ненаучной лексикой, использование оскорбительных и даже бранных слов и выражений в адрес идеологических оппонентов.

После прочтения статьи остаётся только констатировать, что в лице кандидата исторических наук П.С.Белана советская пропагандистская школа имела не лучшего специалиста.

Приложения*

---

* При перепечатке материалов в оригинальной либо переводной версии ссылка на настоящую книгу обязательна.

Приложение 1. Из секретных донесений французской военной миссии в Персии (Service Historique de]' Armée de Terre)

Французская миссия в Персии

Военный атташе военному министру
3 октября 1919 года

Секретно

ДОКЛАДНАЯ О ПОЛОЖЕНИИ В ТУРКЕСТАНЕ И ЗАКАСПИЕ

I. Коротко о революции в Туркестане

Смещение генерала Куропаткина

Первые революционные события в Туркестане зародились в Ашхабаде и Ташкенте, где зачинщиками были русские рабочие и железнодорожники. Генерал-губернатор Куропаткин был смещен с должности кучкой демагогов, возглавляемых молодым евреем из Одессы по имени Бройдо, который находился на военной службе всего несколько недель. Главным обвинением, выдвинутым против Куропаткина, было, по словам его противников, то, что он якобы отдал всем начальникам структур возглавляемого им региона приказ вооружить местное население и направить против революционных элементов.

Куропаткин такой приказ не отдавал. В этом нас убеждает его досье, содержащее материалы о его смещении. Куропаткин и не думал вступать в борьбу с демократическим движением, но

Мустафа Чокай. Париж. 26.01.1937.

Мария Горина-Чокай. Париж. 1924.

Тифлис. 1919.

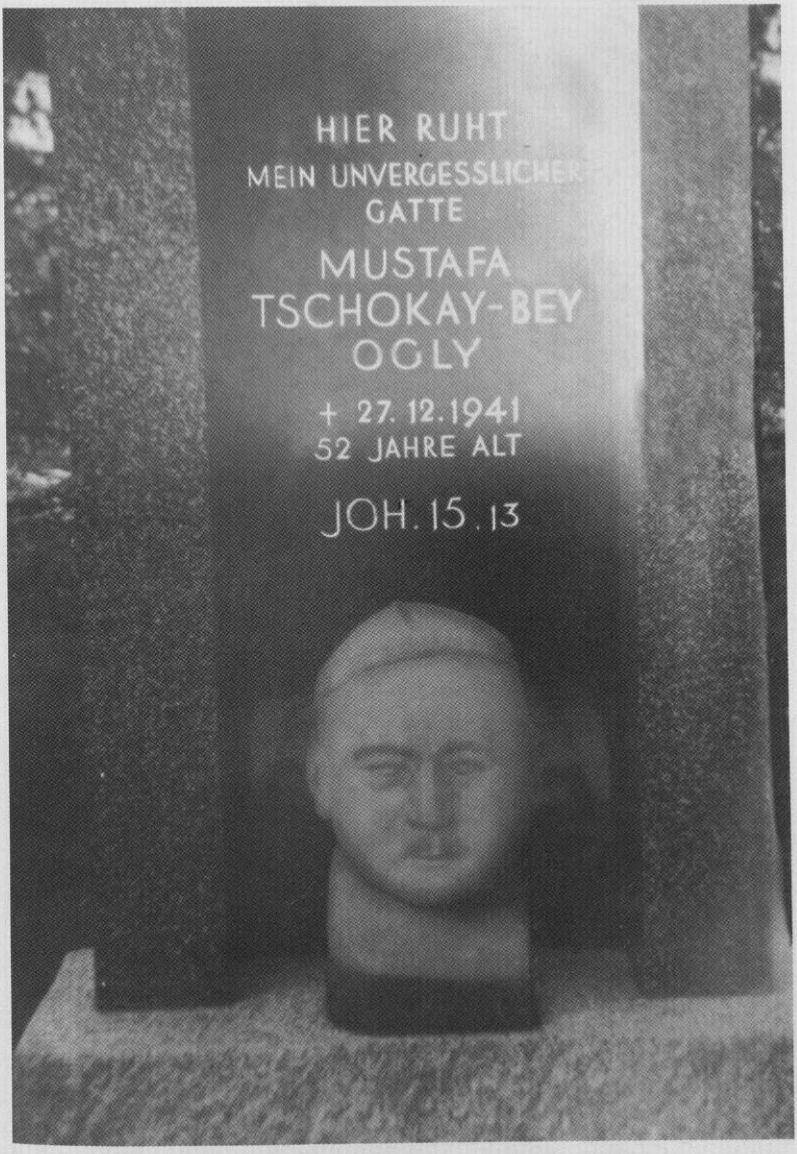
1927.

Советский павильон в Париже.
Снимок сделан
Мустафой Чокаем.
1925.

Париж. 1940.

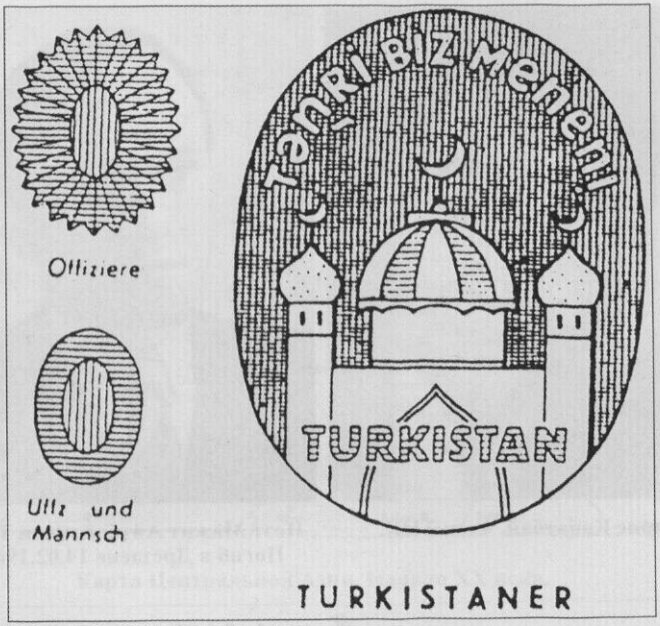

Могила М. Чокая в Берлине.
«Здесь покоится мой незабвенный супруг Мустафа Чокай-бей оглы.
27.12.1941. 52-х лет»
Иоанн, 15, 13 (Нет больше той любви,
как если кто положит душу за друзей своих).

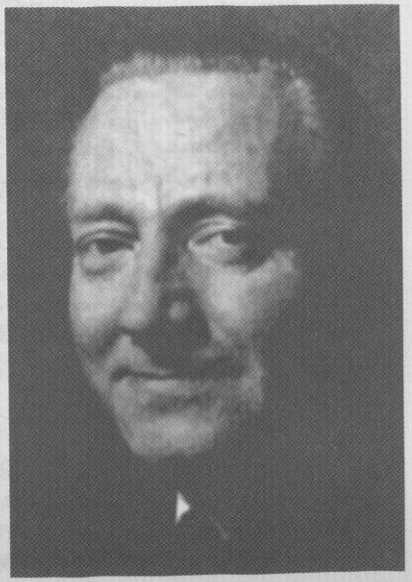
Солдаты 2-го батальона Туркестанского легиона в лагере Сент-Антуан под Альби. 1943-44.

Намаз на земле Франции. 1943.

Офицерская и солдатская кокарды, нарукавная нашивка бойца Туркестанского легиона.

Профессор Герхард фон Менде, глава отдела Остминистериума.

Карис Канатбай, член ТНК.

Поэт Мажит Айтбай, член ТНК.
Погиб в Дрездене 14.02.1945.

Weinheim, den 2.6.48 г.

Любимая Мамин!

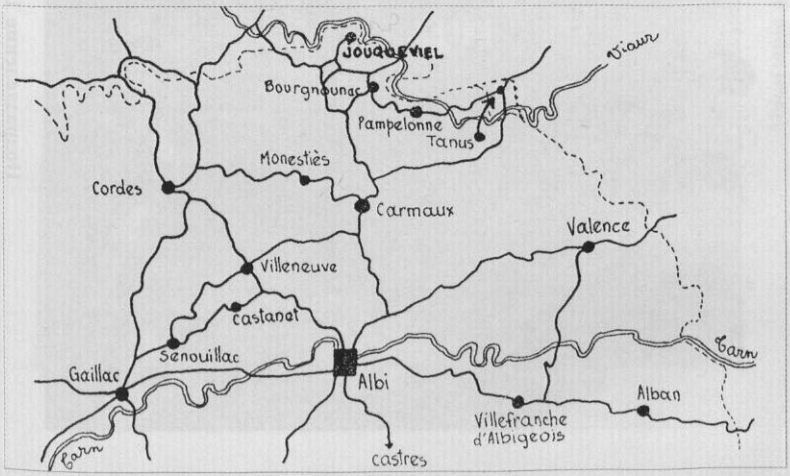
Ваше я изложил мою автобиографию, которую должно
Вам. Когда я в предыдущем письме просил Вас переслать
письмо написанное в Мин. Министерство Иностранных
Дел Принцу, не теперь я думаю надо будет правиль-
нее воздержаться об посылке этого письма об
изложенном, так, как я после долго обдумы-
вания пришел к выводу, что такое обращение
к Министру не приведет ни к какому хорош-
ему результату, и моя личность (возвращение
ли личности или не возвращена) в данный
отрезок времени не будет иметь совсем инте-
реса. И поэтому [redacted] прошу Вас
это письмо не посылать.

Любящая и Уважающая
Вас
Ваш сын Карис

Письмо К. Канатбая М. Гориной-Чокай.

Карта Центральной Азии. Начало XX века.

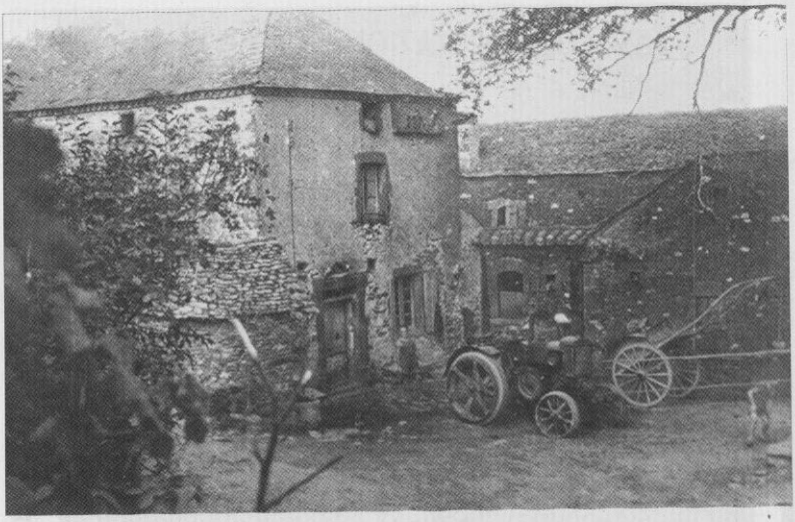

Карта расположения деревни Жукевиель, где 6 августа 1944 года в бою с немецкими оккупантами погибло очень много туркестанцев.

Подразделение Туркестанского легиона. Польша. 1943-44(?).

Макизары департамента Тарн. Туркестанцы и французы.

Деревня Жукевиель. 1943.

Первый батальон Туркестанского легиона.
Снимок сделан 23 августа 1944 года в г. Фуа, во дворе лицея.

ASSOCIATION NATIONALE DES AMIS
DES FRANCS-TIREURS ET PARTISANS FRANÇAIS
(Section du Tarn)

Capitaine Roman PIETROWSKI
« dit MAURICE »
Commandant la 4214e Compagnie
(Compagnie Polonaise)
Mort héroïquement, à Jouqueviel, le 6 août 1944

Роман Петровский («Морис»), командир роты французских партизан 4214, в составе которой были туркестанцы. Сгорел в здании школы, прикрывая отход бойцов.

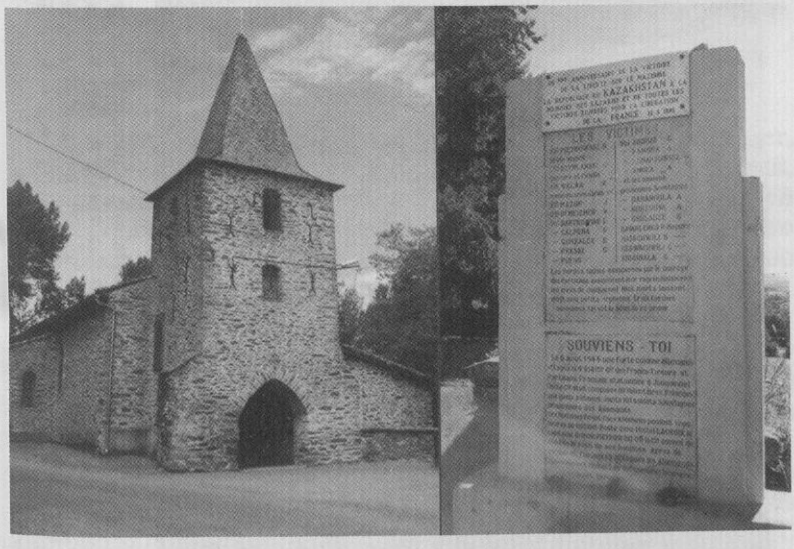
Бойцы французского Сопротивления. В первом ряду (слева направо): неизвестный, Биталов Дюсен. Во втором ряду (слева направо): Жылыспай, Кадем Джуманиязов, испанец, Омаров.

Кадем Жуманиязов в форме бойца Интербригад, воевавших в Испании.

Француз Марсель Бижар (справа) и англичанин Уильям Проберт, принявшие капитуляцию Туркестанского легиона 22 августа 1944 г. в Кастельно-Дюрбан.

Мемориальная доска, открытая в мае 1995 года посольством РК во Франции в деревне Жукевиель при участии и содействии французских ветеранов.

Бывшие туркестанские легионеры, вернувшиеся на Родину (слева направо): Атабек Калдаров, Болат Оразбаев, Нигмат Ильясов, Ахмет Бектаев, Нуранбай Баймуратов, Тауман Кошиев, Сейсенбай Бахриденов, Дуйсен Кобегенов, Бектемир Байжанов, Минажедин Нурмашев, Мухаммеджан Батыргереев. 1991.

он чувствовал, что должен пойти на некоторые уступки и тем самым может удержаться у власти. По этой причине генерал-губернатор направил по телеграфу главам военных ведомств инструкции о необходимости изменить политику как к местному населению, так и к русским и попытаться удовлетворить требования обеих сторон.

Смещение Куропаткина не было результатом спонтанно возникшего движения масс. Оно стало результатом интриг демагогического характера и силового давления. После его изгнания председателем солдатского Совета стал Бройдо. Благодаря усилиям полковника Черкесса в армии был установлен относительный прядок.

Щепкин

Правительство Львова направило в Ташкент члена Думы Щепкина. Он прибыл вместе с несколькими сотрудниками и возглавил исполнительный комитет. Однако большевистские идеи благодаря оголтелой пропаганде и денежной помощи России стали получать все большее распространение в Туркестане. Творцом этой пропаганды был некий Шмидт, ставший позже представителем Советов в Ташкенте и Бухаре. В Доме Свободы после одного из митингов вспыхнул бунт. Члены солдатского совета были убиты. Полковник Черкесс был до полусмерти избит, а Бройдо предусмотрительно сбежал.

Нелифкин

Для управления краем был создан специальный комитет, председателем которого был назначен Нелифкин, ученый, уважаемый человек, знавший языки местных жителей Туркестана. Однако Нелифкин, будучи человеком мягкого характера, оказался неспособен возглавить правительство. Оно просуществовало очень короткое время.

Коровиченко, граф д'Оррер, Шендиков

Узнав о происходивших в Ташкенте волнениях, Керенский направил туда в качестве комиссара с неограниченными полномочиями генерала Коровиченко. Одновременно комиссаром по делам Закаспия был назначен граф д'Оррер. Но Коровиченко попросил графа прибыть в Ташкент и возложил на него функции по гражданскому управлению Туркестаном. С ними был и третий комиссар по фамилии Шендиков. Создавшийся триумвират решил опираться на общественные

организации Туркестана. Населению было предложено самому избрать делегатов в парламент из числа представителей рабочих, солдат, буржуа, офицеров, юристов, интеллигентов.

Большевики же стали убеждать народ в том, что этот парламент преследует реакционные цели, и задача его – свержение власти рабочих.

В начале сентября 1917 года один из митингов, организованный большевиками, завершился бунтом, который был подавлен усилиями Коровиченко. Зачинщики были арестованы.

Восстание большевиков в Ташкенте 26 октября 1917 года

26 октября два сибирских полка подняли мятеж. Воспитанники школы младших лейтенантов, поддерживавшие (Временное – Б.С.) правительство, сумели обезоружить один из полков, однако второй полк успел добраться до пригорода, населенного русскими, и доставить им оружие. В результате школа младших лейтенантов, расположенная в крепости, и близлежащие заводы были обстреляны. При поддержке двух казачьих полков Коровиченко сумел в течение четырех дней благодаря удачно выбранной тактике изолировать мятежников и преградить им путь в город.

В конце концов, была предпринята попытка примирить стороны. Городской Совет Ташкента предложил свои услуги арбитра. Обе стороны дали обещание. Школе младших лейтенантов надо было сохранить свое существование, и Коровиченко пообещал не преследовать виновных. Оба казачьих полка покинули город: один выехал в Семиречье, а другой – в Оренбург. Однако большевики лишь на время приостановили военные действия, так как хотели дождаться помощи из Кушки: артиллерию и офицерский корпус во главе с Шульцем. Сразу же по их прибытии большевики проявили несговорчивость и нарушили свое обещание. Крепость была ими атакована, лейтенанты - обезоружены, а Шендиков спасся бегством.

Убийство Коровиченко

Коровиченко был вначале заточен в крепость, затем расстрелян группой солдат в камере. Что касается графа д'Оррер, то большевики изъявили желание устроить над ним суд с соблюдением всех формальностей. Они обратились в

адвокатуру Ташкента с просьбой прислать председателя суда и защитников. Чтобы спасти невинную жертву, адвокатура удовлетворила эту просьбу, и в отношении графа суд ограничился решением о шестимесячном заключении.

Манифестация коренных жителей Туркестана в Ташкенте 13 декабря 1917 года

13 декабря в Ташкенте прошла крупная манифестация коренных туркестанцев, организованная умеренными в поддержку Автономии Туркестана. Состоялось собрание с участием представителей коренного населения (они составили две трети общего числа представителей) и русских (они составили одну треть). Киргизы прибыли верхом на конях, чтобы присоединить свои голоса к голосам сартов. Это грандиозное шествие с участием нескольких тысяч людей сформировалось в старой части города. Манифестанты, пройдя новую часть города, потребовали освобождения политзаключенных. Граф д'Оррер, взобравшись на автомобиль, поддержал манифестантов. Выступление графа было встречено овацией. Однако Автономию Туркестана признал только представитель Временного правительства. Ему были возданы почести. Когда кортеж повернул назад в старый город, он был встречен вооруженными большевиками. Пулеметные очереди вызвали панику в рядах манифестантов. Автомобиль графа был окружен, а самого графа вместе с генералом Киелечко, губернатором Самарканда, адвокатом Дружкиным, братом комиссара Закаспия, полковником Беком и капитаном Русановым увезли в крепость. Все они были умерщвлены самым жестоким образом: их крики доносились из крепости с раннего вечера до двух часов ночи. Руководили пыткой большевики Тоболин, Перфильев, Колосов, Стасиков. Они же захватили власть в Ташкенте, организовали свой совет. А Колосов стал главным диктатором. Позже Перфильев сбежал в Москву, прихватив с собой деньги из государственного банка.

Восстание в Фергане

Большевистское правительство Ташкента, состоявшее исключительно из русских, настроенных враждебно против Автономии Туркестана и коренного населения, осталось верным этой линии поведения. В тесном контакте с правительством Советов в Москве оно быстро стало централизующим и антисепаратистским органом. Большевики и не думали

считаться с интересами местных жителей, зато они проявили снисходительность к некоторым кругам старых русских консерваторов, так как большевикам не был чужд принцип единения русских по национальному признаку.

Репрессивные акции большевиков против повстанцев Ферганы стали новым проявлением негибкой политики в отношении автономистских тенденций. Когда начались волнения в этой плодородной провинции, по праву называемой туркестанским раем, Колосов при поддержке рабочих и железнодорожников подавил бунт с энергичностью, напоминавшей действия русских генералов в Андижане. Заводы были разрушены, все промышленное богатство Ферганы было уничтожено. Комиссар Осипов принимал самое деятельное участие. Волнения не прекратились, они продолжаются и сейчас. И это вынуждает большевиков поддерживать в Фергане военные действия.

Политика англичан в Фергане

Во всем этом присутствует "рука" Англии. Англичане действуют в революционной Фергане через одного из своих самых активных агентов – полковника Бэйли (Baily). Агент работает подпольно, его считают подстрекателем местного населения к восстанию, поэтому за его голову объявлено вознаграждение. Большевистские комиссары располагают документами, не оставляющими сомнений в том, что полковник Бэйли подбивал сартов к мятежу и что он получал для этой цели от дунганских торговцев в Фергане деньги в сумме двух миллионов рублей, последовав совету кашгарского тао-тай. Последний распорядился, чтобы Бэйли дали все, что он запросит. Данный факт свидетельствует о том, что в настоящий момент Англия имеет влияние на Кашгар и Фергану. Англичане держат под пристальным вниманием эти два региона, которые являются воротами в Китай и открывают также путь к Индии.

II. Ашхабад. Бунт против большевиков

Комиссар Фролов

Комиссар Фролов, бывший военный комиссар Самарканда, известный своей жестокостью, был направлен Колосовым в Ашхабад для защиты власти большевиков. Фролов имел обыкновение после девяти часов вечера прогуливаться в

автомобиле по улицам Ашхабада и стрелять в освещенные окна жителей. За ним ранее числились разного рода убийства и другие преступления. Злоупотребления властью со стороны Фролова в конце концов вызвали недовольство даже у самих рабочих. В Кызыл-Арвате, где располагается железнодорожное депо, готовился бунт. Фролов был об этом предупрежден, и он послал в Ашхабад войска для подавления мятежа. Железнодорожники, поняв, что силы неравные, направили делегацию. Фролов приказал делегацию расстрелять. Затем он организовал серию убийств. Железнодорожники Кызыл-Арвата сообщили о своей горькой участи рабочим Ашхабада. Те решили надавить на большевистского комиссара. Шестьдесят человек, оставшиеся в ашхабадском гарнизоне, были рабочими разоружены. Оружейное депо, находившееся под охраной армян, было разграблено. Отряд туркмен из Теке, на который рассчитывали большевики, присоединился к мятежникам. Все эти силы, объединившись, направились в Кызыл-Арват. Фролова об этом слишком поздно предупредили, и он не смог организовать должное сопротивление. В итоге его войска были оттеснены к церкви и уничтожены. Сам Фролов был уничтожен тоже.

Новое правительство Закаспия

Власть в Закаспие взял в руки исполнительный комитет, сформированный из умеренных социалистов. В составе правительства были в основном русские, но было несколько туркмен. Горас Сардар, туркмен, бывший солдат русской армии, был назначен командующим войсками новой Ашхабадской республики.

Палтровский

Появление Ашхабадской республики стало неприятным сюрпризом для большевиков Ташкента. Они впали в уныние, видя, что рабочие Ашхабада отошли от них. К тому же это было для них потерей выхода на Каспий, связывающий их с Баку, а через него дававший выход на продовольственные поставки и другие ресурсы Закаспия. В Мерв был направлен большой друг Колосова, рабочий завода по фамилии Палтровский, который должен был попытаться вернуть ашхабадцев в лоно большевиков. Палтровский вместе с частным адвокатом города Мерв Калиниченко организовал митинг, желая собрать вместе всех недовольных. Правительство Ашхабада приказало им прекратить всякую пропаганду, но, поскольку те хотели

заставить одно из подразделений ашхабадской армии признать большевиков, правительством был отдан приказ о расстреле организаторов митинга. Это вызвало у большевиков сильное возмущение, и они объявили, что переименуют Ашхабад в тот же день, когда он ими будет взят. Слово свое они сдержали: в августе 1919 года Ашхабад был переименован большевиками в город Палтровский.

Соглашение между правительством Ашхабада и правительством Англии от 19 августа 1918 года

Ситуация в новой Ашхабадской республике оставалась критической. В результате спонтанного мятежа власть перешла в руки умеренных социалистов. Они захватили 47 миллионов рублей, но ни армии, ни организации у них не было. Представители исполкома Зимин и Доков были направлены в Персию просить помощи у находившихся там англичан. В Ашхабад направили эскадрон англичан, и тем самым продвижение большевиков было приостановлено. Ашхабадцы тотчас же вошли в переговоры с командующим британскими войсками в Персии генералом Мэллисоном (Mallison) . 19 августа 1918 года было подписано соглашение, в соответствии с которым Англия обещала поддержку молодой республике. К сентябрю на фронте в Мерве насчитывалось 800 русских, 800 туркмен и 800 англичан. Главнокомандующим был русский, администрация была в руках русских, управление – в руках исполнительного комитета и Советов. Представитель генерала Мэллисона капитан Фигсонс (Feaghsones) устроился вместе с представителем генерала Данстервилля (Dunsterville) полковником Баттсеном (Battsen) в Ашхабаде. В октябре англичане направили новые отряды, при поддержке которых ашхабадцы сумели отбросить противника за пределы Мерва и занять Кушхан. Генерал Мэллисон переместился в Ашхабад и, хотя он не взял на себя откровенным образом функции гражданского губернатора, все же сумел навязать свою волю на всех жизненно важных участках.

Политика генерала Мэллисона

Ранее генерал Мэллисон возглавлял бюро контрразведки в Северной Индии. Как все бывшие политические офицеры, он отличался менталитетом завоевателя, агрессивным темпераментом и культом британской гегемонии. Генерал был настроен антирусски. Силы, которые он задействовал в

Туркестане, были посланы генеральным правительством Индии, с которым была налажена связь через Нуски и Кумаликсижах, расположенные в конечной точке железнодорожной линии. Линия коммуникации и снабжения проходила через Мешхед и Сеистан вдоль афганской границы.

Генерал Мэллисон стал вести в Ашхабаде любопытную политику. Поскольку в его власти была цензура над поступающими депешами, он решил воспрепятствовать прохождению в Заскаспий воодушевляющих сообщений о сопротивлении русских. А сообщения обескураживающего характера им пропускались и публиковались. Генерал Мэллисон написал даже в правительство Ашхабада, что он не советует ему вступать в какие-либо контакты с русской миссией в Тегеране, сформулировав свою мысль буквально следующим образом: "Вам нечего ждать от этой миссии, настроенной против революции". Копия этого документа находится в посольстве России в Париже. Можно было бы допустить, что целью генерала Мэллисона было полностью изолировать правительство Ашхабада и помешать ему связаться с армиями Колчака, Поволжья, Деникина, т.е. со всеми, кто боролся за восстановление прежней России.

Генерал Данстервиль находился в это время в Баку. По указу короля Англии, которого он знал лично, и вопреки неблагоприятному для генерала мнению правительства Месопотамии, имевшего своего кандидата, а именно - генерала Томсона (Thomson) на должность представителя Англии в Закавказье, генерал Данстервиль был послан на Кавказ. Генерал Данстервиль имел в своем подчинении 1200 человек в Баку и 200 человек в Красноводске. Правительство Багдада отказало ему в поставке провизии, военной помощи и техники, запрошенных им , тогда как его преемник, генерал Томсон, получил все это без особого труда. В Закаспие влияние генерала Мэллисона оказалось сильнее влияния генерала Данстервилля.

В октябре 1918 года правительство Закаспия сплотило местные власти вокруг сил Бичеракова, признав его главой объединенных русских войск. Бичераков направил в Ашхабад людей и снаряжение, но когда турки изгнали Бичеракова из Персии, а тот попытался найти убежище для себя и своей армии у союзников в Закаспие, генерал Мэллисон обратился к исполнительному комитету Ашхабада запретить въезд в республику Бичеракову и его армии. Это вызвало самое сильное волнение в Ашхабаде.

Положение меньшевистского правительства в Ашхабаде было нестабильным: причиной волнений стали злоупотребления властью некоторых большевистских комиссаров, однако волнения их не были направлены против большевизма как такового, ибо в Закаспие он имел немало последователей. Железнодорожники в свое время дали согласие на временную мобилизацию, не желая долгой задержки на фронтах. Постепенно они стали один за другим покидать фронт вопреки усилиям правительства Ашхабада по поддержанию и укреплению участия русских в военных действиях. Однако все эти попытки были сведены на нет большевистской пропагандой. Большевики выдвинули в качестве предлога иностранное вмешательство и пригрозили правительству Ашхабада сместить его, если оно будет продолжать идти на поводу у англичан. У населения стало складываться довольно враждебное отношение к англичанам, хотя последние были преисполнены внимания и предупредительности к молодой республике.

Убийство большевистских комиссаров

Такое отношение населения к англичанам не преминуло проявиться в ходе митинга в Ашхабаде 31 декабря 1918 года, который был организован с целью подготовки к всеобщей мобилизации. Выступавшие предлагали покинуть фронт и идти на примирение с большевиками. Англичане, державшие в своих руках почту и телеграф, сумели добиться роспуска враждебно настроенного против них исполнительного комитета. Он был заменен Комитетом Общественного Спасения, состоявшим из трех русских и двух туркменов. Однако событием, больше всего ожесточившим ашхабадцев и настроившим их против англичан и правящего правительства, стало убийство 26-ти большевистских комиссаров в Баку. Они были взяты в плен в ходе антибольшевистской (Февральской – Б.С.) революции в Баку в июне 1918 года, затем освобождены турками и отправлены в Астрахань. Их хитростью привезли в Красноводск, где они были арестованы меньшевиками и убиты по дороге в Ашхабад. Среди убитых были Шаумян, Джапаридзе, Корганов и полковник артиллерийских войск Петров. Подробности этой операции стали известны лишь в марте 1919 года. Член исполнительного комитета Дружкин, работавший в тесном контакте с генералом Мэллисоном, был вынужден покинуть Закаспий.

III.События, происходившие в Ташкенте в 1919 году

Бунт Осипова

Когда граф д'Оррер был вызван генералом Коровиченко в Ташкент, он прибыл в сопровождении бывшего главы канцелярии полковника Цветкова, которого назначил главой канцелярии генерал-губернатора. Эта должность была сохранена большевиками. Полковник Цветков был человеком образованным, автором ряда книг о языках народа Туркестана, имел опыт административной работы.

После прихода к власти в Ташкенте большевиков Цветков хотел уйти в отставку, но рабочий завода Агапов, назначенный комиссаром внутренних дел, на редкость честный и убежденный большевик, попросил его остаться на прежней должности. Агапов использовал в работе опыт полковника Цветкова. Он не принимал никаких решений без согласования с ним. В итоге Цветков приобрел над Агаповым такое влияние, что постепенно большевистские убеждения Агапова были расшатаны. Агапов, осознав свое заблуждение, отказался от должности комиссара внутренних дел и вернулся на завод. Полковник Цветков подал в отставку. Между ними возникла крепкая дружба. Они стали объединять рабочих, недовольных режимом большевиков. В правительстве на них стали смотреть с подозрением. Агапов был известной личностью, он ни о чем не беспокоился. Цветкову пришлось скрываться у друзей. Он занялся распространением антибольшевистских листовок. Агапов и Цветков пришли к выводу, что восстание против большевиков в Ташкенте имеет шансы на успех. Они завязали знакомства в армии и нашли общий язык с Осиповым, бывшим выпускником школы младших лейтенантов, перешедшим на сторону революции и состоявшим в партии левых социалистов-революционеров. Под влиянием Цветкова Осипов занялся антибольшевистской пропагандой. Несмотря на двадцатипятилетний возраст, он командовал большевистскими войсками в Ташкенте и пользовался популярностью. Осипов кичился тем, что сумел привлечь на свою сторону 2-й полк Советов, находившийся в его подчинении. Офицеры этого полка были его однокашниками. Он рассчитывал также на поддержку казанских красных войск, дислоцированных в Самарканде. Однако тактика, избранная заговорщиками, оказалась неудачной. Они не учли силы большевиков, которые могли получить подкрепление, не заручились поддержкой

умеренных социалистов Ашхабада, которые могли бы предпринять атаку на туркестанском фронте в случае, если бы Осипов поднял ташкентский гарнизон, а Агапов – рабочих.

12 января, в день восстания, офицер Колосаев, на которого рассчитывал Осипов, отказался действовать, предпочтя нейтралитет. У Колосаева в подчинении было 200 человек, была артиллерия. Осипов смог удержать город только в течение суток, но он сумел воспользоваться этим коротким временем, чтобы успеть расстрелять с полтора десятка самых жестоких большевистских комиссаров. Цветков, скорее прожектёр, чем реалист, в одной из прокламаций поспешил объявить о свержении власти большевиков. Последние, поначалу застигнутые врасплох развернувшимися событиями, быстро спохватились и успели вооружить свои подразделения. На третью ночь Осипов вместе с 600 сторонниками из школы младших лейтенантов, офицерами, кадетами и просто гражданами покинули Ташкент и направились через Чарнаев в Семиречье. Им перекрыл путь гарнизон большевиков. Тогда они повернули назад и пошли через горный перевал, разделявший Аму-Дарью и Фергану. Во время перехода они сумели выдержать жестокие бои с большевиками, потеряв половину своих людей. В февральские морозы Осипов и его люди преодолели перевал, который, по словам местных жителей, никому еще не удавалось пройти. Людям Осипова приходилось спать, зарывшись в снег и прижавшись друг к другу. Три дня они были без еды и воды. Наконец они добрались да Ферганы, и после нового сложного перехода через горы 62 оставшихся в живых человека прибыли в Бухару. Их там встретили хорошо: эмир назначил Осипова войсковым инструктором.

В Ташкенте большевики предались кровавым репрессиям. Цветкова арестовали и забили в камере ружейным прикладом. Агапов был приговорен к заточению в крепости сроком на шесть лет. У всех жителей были произведены обыски. Те, у кого было найдено оружие, расстреливались на месте. Таким образом было истреблено более семи тысяч человек. Большевики выбирали свои жертвы в среде интеллигенции и офицеров, оставляя в живых тех, кто не мог интересоваться политикой. В целях оперативности людей убивали пулеметными очередями. Девушек убивали в помещении депо либо в замке, превратив их в бойни.

Продвижение большевиков к Оренбургу

Эта кровавая расправа совпала по времени с новым продвижением большевиков на уральском фронте. 21 января они заняли Оренбург, а 24-го – Уральск. Между Оренбургом и Ташкентом была установлена прямая связь. Правительство Ташкента выбивалось из сил: вынужденные бои в Фергане, Семиречье и на ашхабадском фронте вывели из строя всю артиллерийскую технику, кончилось снаряжение. Прорыв к Оренбургу позволил большевикам восстановить на короткое время связь с Москвой. Пушки заводов Круппа, боеприпасы были доставлены инженером путей сообщения комиссаром Кобесевым и агитатором Левиным в Ташкент. С ними прибыл и доктор Каспаринский, назначенный министром образования.

Эта помощь подняла дух большевиков. В особенности то, что несколько представителей интеллигенции, направленные Советами из Москвы, по своему потенциалу значительно превосходили тех, кто был набран на месте из числа железнодорожников.

Мадьяры в составе ташкентской армии

Армия большевиков укрепилась. Она состояла в основном из мадьяров. Ими командовали австро-венгерские офицеры, немцы и турки. Мадьяров охватило волнение, когда они узнали о перемирии. Они запросились домой, организовали митинг в Ташкенте, но Кобесев сам возглавил митинг, предварительно окружив его ротой пулеметчиков На требования мадьярских солдат он ответил, что дорога захвачена врагами и австро-венгерским пленным придется отказаться от этой мысли. На заявление о том, что пленные готовы пойти домой даже пешком, он заявил, что солдаты большевистской армии должны быть репатриированы достойно и иного он не допустит. Мадьяры настаивали. Тогда Кобесев объявил, что он откроет огонь. Митинговавшие разошлись, но один корпус мадьяр в составе 1500 человек все же сумел сбежать на север Ташкента. Его окружили и вынудили сложить оружие.

Большевистская пропаганда среди мусульман

К этому времени ташкентским правительством были разработаны и приняты новые планы относительно пропаганды, которую надо вести среди мусульманского населения. Радиосообщения большевиков, перехваченные нами, свидетельствуют о том, какое большое значение Совет

Ташкента придавал этому мероприятию. Совет рекомендовал своим агентам проявлять самую большую осторожность в изложении доктрины большевиков в мусульманской среде и не идти напролом.

Бравин

Одним из авторов этой пропаганды был Бравин, бывший российский консул в Индии и Персии, бывший представитель правительства большевиков в Тегеране. Это был очень умный и активный мусульманский еврей из Крыма (караим), которого интересы карьеры подвигли к сотрудничеству с большевиками. Сначала он был направлен большевиками в Тегеран, где он проявил большое усердие в организации интриг против прежней русской миссии. Затем его отозвали в Москву и по указанию Троцкого был направлен на работу в Ташкент, Бухару и Афганистан. Задание состояло в том, что он должен был поднять афганцев, доставить им оружие и боеприпасы, а также организовать им инструкторскую помощь через привлечение немецких и турецких специалистов. Непохоже, что он в этом преуспел. Афганские волнения, несомненно, были инспирированы большевиками, но сами большевики не получили от афганцев никакой помощи. Афганский мятеж был подавлен англичанами. В Кабуле Бравин попал в плен к афганцам, а те заподозрили его в чем-то и бросили в зиндан.

Сложное положение правительства Ташкента в апреле 1919 года

В тот самый момент, когда правительство Ташкента лелеяло грандиозные захватнические планы, оно испытывало большие трудности, связанные с продовольственным снабжением. Население страдало от нехватки хлеба и скота. Не хватало горючего для транспорта. Остро ощущался недостаток квалифицированных рабочих. В Ташкенте не хватало рабочих в металлургической промышленности, нужны были механики, шахтеры, рабочие типографий, монетчики. Это также одна из причин, по которой правительство Ташкента ревниво удерживало на своей территории мадьяр. Из-за дефицита бумаги ежедневно задерживался выпуск газет и, особенно, бумажных денег. Число локомотивов, которые ранее заправлялись топливом, привозимым из Баку и Ферганы, сократилось. Приходилось использовать хлопковое масло, которое было в большом количестве в Туркестане и предназначалось в

основном для продовольственного снабжения армии. Вагоны, груженные сухой аральской рыбой (лещом), тоже нуждались в горючем. Топливом служил также саксаул, деревце, произрастающее в Туркестане. Ходили только воинские поезда. Гражданским лицам в поездках отказывалось.

Сказывались на работе правительства Ташкента и внешние трудности. В апреле 1919 года казаки Дутова перерезали путь на Оренбург. Армии Колчака и Деникина шли на сближение. Были взяты Самара и Уральск. Туркестанская армия отступала на всех фронтах. Один из флангов армии Колчака продвигался через Семиречье и угрожал Ташкенту. Эмир Бухары, которому афганский эмир предложил заключить союз и войти в панисламистское движение, колебался. До этого момента бухарский эмир держал нейтралитет, но теперь он мог в любую минуту примкнуть к врагам большевиков.

Резюме

Туркестан, казалось бы, по своему географическому положению находится в стороне от поля сражения большевиков с контрреволюционными войсками. Крупные военные операции происходили в основном в Сибири, на юге и западе России. Туркестан поэтому вроде бы представляет второстепенный интерес. Контрреволюционеры не получили в Туркестане никакой поддержки со стороны союзников. Десяти тысяч человек хватило бы, чтобы разбить большевиков.

Однако Туркестан сыграл в истории большевизма диверсионную роль. И с этим следует считаться. Его атаки становятся угрозой то левому флангу армии Колчака, то правому флангу армии Деникина. Туркестан – это постоянная угроза свободе доступа к Каспию через Ашхабад. В случае европейского краха он может стать убежищем для Москвы. Ленин заявил, что если наступление контрреволюционных сил вынудило бы его покинуть Москву, то он выбрал бы местом пребывания Азию, где принялся бы за создание нового большевистского движения, более грозного, чем настоящее. И, конечно, жить бы он хотел в Туркестане, где мог бы оказывать влияние на местный мусульманский народ и народ Китая.

Большевики Туркестана не раз были отрезаны от остальной части России, не раз они были на грани капитуляции перед противником из-за отсутствия боевой техники и боеприпасов.

Но каждый раз происходило какое-то неожиданное событие, спасавшее их. Совсем недавно они восстановили связь с Оренбургом (сентябрь 1919 года). Они не могут воспользоваться линиями железных дорог Туркестана, так как они разрушены при отходе армии Колчака. Связь между Ташкентом и Оренбургом также ненадежна из-за казачьих налетов.

Однако же, если бы в Туркестан были направлены главные силы большевиков, то он мог бы стать при необходимости серьезной точкой опоры.

Радиограммы большевиков, недавно перехваченные нами, свидетельствуют о том, с каким вниманием правительство Москвы следит за событиями в этой азиатской части России. Ежедневно из Царского Села либо Ташкента идут обращения большевиков к турецкому и персидскому пролетариату, а также пропагандистские новости о различных большевистских движениях, которые могут появиться в Персии, Афганистане и у туркмен.

Интенсивная пропаганда большевиков панисламистского толка пытается ориентировать мусульманские народы Азии в поддержку большевиков, против союзников.

Англия небезразлична к такой активности большевиков, хотя она относится к этому с некоторым высокомерием. Это подтверждают коммюнике военного представительства в Мешхеде, телеграммы агентства Рейтер, опубликованные британской миссией в Тегеране. Совсем недавно не без помощи Англии в Фергане разразились новые события, представляющие опасность для правительства Ташкента. Англия тайно вооружает сартов и киргизов. Ее влияние простирается вплоть до китайского Туркестана. С другой стороны, Англия оказывает влияние и на туркмен, толкая их на создание военных формирований, которые прикрывали бы северную часть Персии.

Афганцы, с которыми Англия совсем недавно вела переговоры, в настоящий момент поворачиваются против большевиков, явившихся подстрекателями их последнего мятежа. Поступают сигналы о том, что афганская делегация пересекла границу Туркестана. Она намерена потребовать от имени афганского правительства у правительства Ташкента возвращения Афганистану Кушки, Пенджаба, а также территорий, захваченных русскими в 1885 году. Если их требования не будут удовлетворены, афганцы готовы объявить войну большевикам. Афганские войска сосредоточены у границы, готовые к вторжению на русскую территорию. Опасаясь, что их делегация

может быть расстреляна большевиками, они держат в заложниках большевистского агитатора Бравина. Если русские посмеют тронуть их эмиссаров, то афганцы им отомстят, убив Бравина.

Новые антибольшевистские акции очень хорошо скоординированы и мало похожи на спонтанный мятеж. Нити мятежа ведут к некоей державе. Англия хотела бы опередить большевиков в завоевании мусульманских народов Азии. Она проводит в отношении сартов, киргизов и туркменов ту же политику, что и в отношении грузин, армян и азербайджанцев. Она берет под опеку все отколовшиеся нации, желая вывести их из-под русских. Англия обеспечивает себе тем самым гласис (*пологая земляная насыпь впереди наружного рва крепости; долговременные сооружения для улучшения обстрела местности, маскировки и защиты укрепления*) для своих владений в Индии и Месопотамии. Она утверждает свой престиж великой исламской державы, ослабляя соперника, представляющего опасность в случае возрождения.

Перевод с французского
Бахыт Садыковой

Французская миссия в Персии

Военный атташе Жорж Дюкрок
3 октября 1919 года
Тегеран, 16 ноября 1919 года
Военный атташе - Председателю Совета,
Военному министру

Секретно

СООБЩЕНИЕ О ПОЛОЖЕНИИ В АФГАНИСТАНЕ

Сведения, поступившие 10 ноября в Тегеран из Мешхеда из русских источников, сообщают о том, что афганские силы, ранее перешедшие туркестанскую границу в Кушке и направляющиеся в Иолотан, достигли Мерва. Шесть офицеров и три десятка солдат вошли в город. Оставшаяся часть людей

(примерно 300 человек) по приказу афганского консула в Мерве остановилась за городом.

В тот же самый момент, когда этот отряд захватил Мерв, английская миссия в Мешхеде объявила о том, что два кавалерийских полка захватили район Герки и Термеза. Там эмиссары Мусульманского Союза проводят агитационную работу среди туркмен, и, похоже, они в этом преуспели. Два пехотных полка афганцев, идущие из Мазари-Шерифа, пересекли Аму-Дарью и направляются в Керки. Их конечный пункт – Самарканд.

Цель этой операции остается загадкой. В штаб-квартире генерала Мэллисона в Мешхеде смотрят на это с оптимизмом и хотели бы представить дело как военно-религиозное движение за освобождение сартов, туркмен, киргизов и персов, всех мусульман от большевистского ига. Афганцы выдают себя за освободителей туркмен. Русские же (русское консульство в Мешхеде и русская миссия в Тегеране), напротив, считают происходящее операцией, проводимой с согласия большевиков и в пользу Советов. Большевики, должно быть, заманили афганцев в Туркестан, пообещав за это вернуть Афганистану ранее оккупированные Россией Кушку, Пяндж, а также пересмотреть границу вдоль Аму-Дарьи в особенности, пообещав перспективу безграничного грабежа.

Эта последняя гипотеза кажется близкой к правде. Отряд афганской армии дошел до Мерва, не встретив никакого сопротивления со стороны большевиков, которые продолжают продвижение в Красноводск к Каспию. Афганская мирная делегация, сделавшая остановку в Москве, а также афганская миссия в Ташкенте, по всей вероятности, уже вели переговоры в Кабуле относительно этой интервенции с делегацией, возглавляемой Бравиным, бывшим русским дипломатом, перешедшим на сторону большевиков. Для большевиков эта интервенция – еще одна акция в их поддержку как в военном, так и пропагандистском плане. Афганцы, как и туркмены, являются суннитами, поэтому опасность не так велика: афганцы, известные своим двурушничеством, могут заявить туркменам и сартам, что они действуют во имя их свободы, скрыв при этом тайный сговор с большевиками.

Пока не похоже, чтобы военная операция имела целью оказание помощи восставшим мусульманам Ферганы, уничтожаемым большевиками Ташкента, как это утверждают в штаб-квартире генерала Мэллисона.

Сообщения, появившиеся в газетах Тегерана 13 ноября, свидетельствуют о том, что правительство Англии начинает осознавать значение афганского движения, его истинные намерения. Англичане готовятся принять энергичные меры в отношении Афганистана. Судя по недавним статьям в газете "Таймс", внешняя политика Афганистана после подписания в начале августа мирного соглашения между Индией и Афганистаном, вопреки утверждениям лорда Карзона (Curzon), ускользает из-под контроля англичан. Это соглашение расценено в официальных кругах Лондона как ослабление английского влияния на Афганистан.

Новый эмир не против поиска моральной и материальной поддержки у большевиков. Из-за присутствия в Кабуле агитатора масштаба Бравина, очень умного крымского еврея, которого Советы назначили специально для ведения большевистской пропаганды среди мусульман Центральной Азии, афганская внешняя политика вызывает тревогу.

И, наконец, афганская армия значительно пополняется и укрепляется австрийскими и венгерскими дезертирами. Представляется, что недавние волнения афганцев управлялись из Москвы по немецкой методике ведения пропаганды.

Тем не менее, не похоже, что торговые отношения между Афганистаном и Туркестаном могут быть восстановлены, как этого хотели бы большевики. Афганцы приводят в качестве доводов против возобновления коммерческих операций трудности с валютным обменом. Они отказываются принимать большевистские рубли в обмен на свои товары.

Что же касается сартов и туркмен, они не проявляют большого энтузиазма к своим освободителям. Афганцы хорошо известны населению пограничной зоны, которое уже успело побывать под их игом и не хочет больше возврата к этому опыту. Афганские войска уже начали грабить жителей занятых ими регионов, а среди населения Мерва и Серекса, в частности среди персов, царит паника.

Жорж Дюкрок

Перевод с французского
Бахыт Садыковой

Приложение 2. **К отчёту № 89 от 25.7.1941 г. за подписью Шаттенфро (Politisches Archiv (далее – PA), R 105173. Pol.XII. Allgemeine Akten)**

Berlin, den 1. August 1941
Zu Inf. 533 g

Inf. II
LR.v.Rantzau

Geheim!

Abschrift

des Berichts Nr. 89 vom 25.7.41 von GK. Schattenfroh, VAA. beim AOK.

Aussagen des gefangenen Sohnes Stalins: Während meiner längeren Abwesenheit im Smolensk vom AOK. wurde der Sohn Stalins gefangengenommen und verhört. Dieses Verhör ist nicht identisch mit den aufgenommenen Schallplatten. Da es ziemlich umfangreich ist, 11 Seiten, kann eine Abschrift kaum angefertit werden. Ich werde trachten zumindestens die wichtigsten Punkte abzuschreiben und sobald als möglich einzusenden, da eine kurze Wiedergabe der Aussagen wenig Sinn hat und es zumeist auf eine wörtliche Wiedergabe ankommt.

Bevölkerung: Stimmung und Verhalten wie in den vorhergegangenen Berichten. **Auf dem Lande** ständige Angst vor Rückkehr der Bolschewiesten, da jeder, der nicht geflüchtet ist und sein Haus nicht wie befohlen in Brand gesteckt hat (und das tat so gut wie niemand), bei Rückkehr der Bolschewiken mit dem Tode rechnet. Überhaupt ist eine ziemliche Verschüchterung allgemein. Meist fangen die Leute, wenn man mit ihnen sprecht, nach einigen Sätzen zum Weinen an. So wird auch die **Ankurbelung der landwirtschaftlichen Arbeit** nicht leicht sein, sondern zumeist eines kräftigeren Anstoßes von unserer Seite bedürfen, weil jeder sich scheut, die Verantwortung, mit der Arbeit begonnen zu haben, auf sich zu nehmen. Eines Teils aus Angst vor den Bolschewiken, andernteils aber auch aus Furcht vor uns, in der Sorge, als Bolschewiken angesehen zu werden, wenn sie aus eigenem nach

dem alten System die Arbeit wieder aufnehmen. Wo Plakate aufklären, ist dieser Zustand leicht überbrückt, daher ist eine intensive Aufklärungs- und Propagandaarbeit sehr wichtig. Der Wunsch von Kolchosenwirtschaft freizukommen und nach eigenem Land ist allgemein. Das sehen die Bauern die technischen Undurchführbarkeit einer Aufteilung der Kolchose im gegenwärtigen Zeitpunkt ein. Sie trösten sich mit der Überzeugung, dass die Deutsche Verwaltung schon die richtige Lösung im richtigen Zeitpunkt finden werde. Im Vordergrund steht überall und in Stadt und Land die Hoffnung auf Arbeit und Brot. ("Wir wollen jede Arbeit leisten, wenn wir nur leben koennen und endlich Sicherheit vor Willkür und Vervolgung haben"). – Der gesamte Verwaltungsapparat, vor allem natürlich in den Städten wie Minsk und Smolensk, aber auch in den kleineren Orten, ist restlos zerstört. Die Beamten sind geflohen oder nicht auffindbar, die Dienststellen verwüstet und geplündert. So wird der Verwaltungsapparat ohne jede Ansatzmöglichkeit neu aufgebaut werden müssen. Dazu kommt, dass der Mangel an einsatzfähigem Personal wohl ausserordentlich gross ist, da bodenständige Intelligenz, die nicht kommunistisch ist, so gut wie kaum mehr vorhanden.

Geistige Betreuung der Truppe:, Feindpropaganda: Beiliegt ein Exemplar der russischen Propagandazeitung "Die Wahrheit", die zahlreich über unseren Linien abgeworfen wird und derzeit die einzige "deutschgeschriebene" Zeitung ist, die unsere Truppen erhalten. Das soll kein sclechter Witz sein, sondern die unleugbare Gefahr herausarbeiten, die sich auf die Dauer aus diesem Zustand heranbilden könnte. Die Stimmung bei manchen unserer Truppen, z.B. der 18. Pz.Division, ist infolge andauernder harter Kämpfe, schwierigster Märsche und Entbehrungen, offen herausgesagt **gedrückt.** Es hat sich ergeben, das deutsche Gefangene bei den Russen aussagten, die Stimmung bei uns sei schlecht, man wolle nicht mehr weiterkämpfen. Im Raume dieser Vorfälle werden Richtlinien über das Verhalten bei Gefangenschaft herausgegeben. Wenn auch hier die Furcht vieler vor der russischen Gefangenschaft und vor den Greueln, die viele selbst gesehen haben, eine grosse Rolle spielt, so darf doch nicht übersehen werden, dass die Stimmung tatsächlich verschiedentlich gelitten hat. Die Freuden, die sonstige Vormärsche dem Soldaten boten, fallen hier vollends fort. (Hie und da ein guter Tropfen, ein Leckerbissen, ein gutes Quartier, eine schöne Gegend gute Strassen, hübsche Mädchen und

Menschen usw.). Statt dessen harte Kämpfe, keine Quartiere, Hitze und Staub und Schmutz und Durst. **Keine Zeitung, keine Nachricht von zuhausen, kein Funk**, da zu weite Entfernung der deutschen Sender und kaum mehr Einpfangsmoeglichkeiten.

Wenn nun irgendwo zäher Widerstand und schlechtes Vorwärtskommen, dann gleich gedrückte Stimmung, weil eigene missliche Lage in den Vordergrund rückt und durch keine gute Nachricht aus anderen Gehieten ausgeglichen wird. Daher **dringendes Erfordernis** der Truppe Zeitungen und Funk zugänglich zu machen. **Die Korps** wären schon froh, **jeden zweiten Tag etwa 1000 Zeitungen** zur Verteilung in ihrem Bereiche zu erhalten, was unbedingt notwendig ist. Ausserdem müsste alles daran gesetzt werden, **möglichst rasch den Sender in Baranowicze oder Minsk zu aktivieren**, damit man wieder deutsche Nachrichten empfangen kann. Heute drehen viele, um ein bischen Musik zu hören, Moskau, das natürlich gut zu empfangen ist, auf und sind dann womöglich russischen Propagandanachrichten ausgesetzt.

Propaganda auf russische Bevölkerung: Selbst zahlreiche russische Gefange ne weisen in ihren Aussagen wiederholt darauf hin, dass es nicht genügt, über ihren Linien Flugblätter abzuwerfen oder Propaganda auf die Bevölkerung in der von uns bereits besetzten Gebieten loszulassen, vielmehr müsse auch das russische Hinterland grosszügig propagandistisch erfasst werden, da dieses völlig uninformiert, und von vorschiedensten Lügen der Sowjets doch bis zu einer gewissen Grade beeindruckt. - Bei allen Divisionen und Korps immer wieder der Ruf nach **grosszügigster, intensiver Propaganda** durch **Flugblätter, Plakate und Lautsprecherwagen mit geschickten Dolmetschern!**

Voelkerechtsbrüche: Beiliegend eine Meldung der 8. Kompanie Schtz.Rgt. 101 mit Zeugenaussagen.

gez. Schattenfroh

3 Beilagen

Приложение 3. Протокол допроса Т.Жангильдина от 27 февраля 1942 года (PA, R 105186)

Armee – Oberkommando 16
Abt. Ic – Do.

A.H.Qu., den 27.2.42

An Oberkommando der Wehrmacht
Abt. N/Pr.

Nachstehend wird die Abschrift eines
Vernehmungsberichtes vom
19.2.42 des Gen.-Kdo XXXVIII. A.X. Überreicht.

Für das Armee – Oberkommando
Der Chef des Generalstabes
I.A.

Abschrift

Nachstehend wird das Ergebnis der Vernehmung eines Offiziers des russ. S.R. 1220 der 366. Schtz. – Div. Zur Kenntnis vorgelegt.

Jangiljin, Tamerlan, Leutnant,
geboren 1923 in Orenburg, Südural.
Vater: Vizepräsident der autonomen Kasakstanschen Republik, von diesem Posten 1939 enthoben.
Stiefvater: Generalmajor und Kommandant der Stadt Alma-Ata, Hauptstadt von Kasakstan.
Eingezogen Herbst 1940 in die Kriegsschule Reval, die im Sommer 1941 nach Tjumen verlegt wurde. Anfang September 1941 im Range eines Ltn. zur Truppe entlassen. Daher Friedensausbildung auf der Kriegsakademie 2 Jahre.
Mitte Sept. 1941 wurde der Ltn. der 7./S.R. 1220 der 366. Schtz.-Div., die damals in Tomsk aufgestellt wurde, zugeteilt.
Die 366. Schtz.-Div., auch „Tomaker Div." genannt, besteht aus den S.R. 1218, 1220, 1222 und einem Div.Art.Regt. Die Div. gehörte bei Aufstellung zur 59. Armee, ursprünglich mit allen ihr unterstellten Teilen eine Resrve-Armee war.

Jedes Regt. besteht aus 3 Batl. zu je 4 Komp., davon 3 Schtz.-Komp. und 1 HGK. Jede Komp. besteht aus 3 Zügen.
Die Numerierung ist folgende:
Zum I. Batl. gehören die 1., 2., 3. Komp. und 1.HGK.
Zum II. Batl. gehören die 4., 5., 6. Komp. und 2.HGK.
Zum III. Batl. gehören die 7., 8., 9. Komp. und 3.HGK.
Ferner gehören zum Regt. bei Aufstellung 1 Gr.W.-Batl., 1 Pi.-Kp., 1 Nachr.-Kp. Je 1 Aufkl.-Kp. und 1 Pak – Kp. wurden an der Front aus Mannschaften des Regt. zusammengestellt. Regt.-Art. ist nicht vorbanden.
Im November wurde die gesamte 366. Schtz.-Div. mit einer Verladezeit von insgesamt 3-4 Tagen nach Wologda im E.B.-Transport verbracht.
Die Div. wurde im Landmarsch über Bjelosersk nach Tscherepowez vorgeführt. Anschliessend wurde sie mit der Bahn nach einer Station ostw. Tichwin transportiert. Etwa Mitte Januar kam die Div. im Landmarsch an die Volchowfront.
Das S.R. 1218 verblieb in Gegend Grusino im Verband 59. Armee. Der Stab der 366. Schtz.-Div. mit den Schtz.-Regt. 1220 und 1222, dem Div.-Art.-Regt. und einer Pi.-Batl. wurde der 2. Stossarmee unterstellt.
Ihre erste Feindberührung hatte die Div. bei Mjassnoi Bor Ende Januar. Nach der Einnahme von Mjassnoi Bor, Semisy und Teremez Kurljandskij wurde im Vormarsch über Kretschno die gegend ostw. der Hahn Gluchaja Krestj, Rogawka erreicht. Die Div. anhm Rogawka, Hlepzy, Ljaga, Tschauni, Gluchaja Kerestj. Bei der Einnahme von Rogawka soll ein Kav.-Regt., wahrscheinlich das K.R. 104. beteiligt gewesen sein.
Die personelle Stärke betrug bei Aufstellung:
Im Zug 1 Zugführer, 5 jüngere Offiziers, 41 Mann, zus. = 47 Mann; in der Kp. = 150 Mann. In der MGK – 90 Mann; im Batl. = 550--600 Mann; im Regt.:

3 Batl.	1800 Mann
1 Gr.W.-Batl.	etwa 300 Mann
1 Pi.-Kp.	Etwa 100 Mann
1 Nachr.-Kp.	etwa 150 Mann
	2350 Mann

Die Gesamtstärke des S.R. 1220 mit Stab und Tross betrug etwa 2600 Mann, in Höchtsfall 3000 Mann.
Die Stärke der an der Front gasammelten Aufkl.-Komp. ist nicht bekannt, etwa 80-100 Mann. Die Stärke der Pak.-Komp. betrug

81 Mann. Die Pak.-Komp. wurde dadurch gebildet, dass aus jedem Schützenzug 3 Mann abkommandiert wurden.
In den schweren und verlustreichen Kämpfen, die besonders bei den Angriffen auf Ljubino Pole und bei der Einnahme Mjassnoj Bor und Klopzy grosse Ausfälle verursachten, waren im einzelnen von der 7. Komp. ausgefallen:
35 Mann gefallen oder erfroren
12 Mann vermisst, und etwa
90 Mann verwundet.
Dabei waren zahlreiche Verwundungen leichter Natur, wie Armschüsse und glatte Durchschüsse an Beinen.
Die MGK. des III. Batl. wurde wegen zu hoher Verluste nach dem ersten Angriff auf Mjassnoj Bor aufgelöst.
Die Stärke der 7. Komp. betrug einschl. Offiziere und Politruks am 14.2. noch 12 Mann. Ihr wurden für den Angriff auf Gusi zugeführt:
1 Offz. und 6 Mann der Pi.-Kp.
7 Mann der Aufkl.-Kp.
5 Mann der Pak.-Kp.
6 Mann aus Rossen
. . . . . .
zusam. 25 Mann
Die Stärke der 7. Kp. betrug demnach am 15.2. = 37 Mann.
Die übrigen Kp. des Batl., das am 14.2. nur noch 3 Mann zählte, wurden in ähnlicher Weise aufgefüllt. Die Gesamtstärke des Batl. schätzt der Gefangene z.Zt. auf 70-80 Mann, die des Regt. auf 220-250 Mann. Das A.R. 1222 soll ähnliche Verluste gehabt haben. Dem S.R. 1220 wurde bis zum 15.2. kein Ersatz zugeführt.
Die Schtz.-Kp. war bei Aufstellung mit 8-9 lei.M.G. bewaffnet. Die Schützen haben 5-Schuss-Gewehre, Offz. meist Pistolen, seltener M.P. M.P. sind normalerweise in der Schtz.-Kp. nicht vorhanden. Zehnschussgewehre sind Ltn. bekannt, das S.R. 1220 ist aber nicht damit ausgestattet.
Die Zehnschussgewehre sind hervorragend und aucg lestungsfähig, wenn sie weniger gut gepflegt werden. Die M.P. mit Trommeln zu 71 Schuss sind dagegen gegen Verschmutzung sehr empfindlich. Am schlechtesten sind die M.G., die besonders bei der Kälte sehr häufig Hemmungen haben. Mangels Petroleum, mit dem sie an sich einzufetten sind, werden sie überhaupt nicht gepflegt.
Handgranaten und Gasmasken waren weder ausgegeben noch wurden sie im Tross mitgeführt. Das ganze S.R. 1220 ist nicht mit Stahlhelmen ausgestattet.
Die Bewaffnung der Pi.-Kp. bestand aus 1 lei.M.G. und etwa 100

Fünfschussgewehren. Jeder eizelne Mann ist ausserdem mit 1 Gerät. Säge, Axt, Brechstange, Schaufel oder Spaten ausgerüstet.
Die Aufkl.-Kp. (von den Russen autom. Kp. genannt) war im wesentlichen mit K.P. ausgerüstet. Die genaue Zahl ist der Ltn. nicht bekannt. Von den am 15.2. der eigenen 7. Schtz.-Komp. zugeteilten 7 Mann, waren 5 im Besitz einer K.P.
Die Pak.-Kp. war mit 27 Panzerbüchsen bewaffnet. Pak.-Geschütze waren nicht vorhanden/
Die Ausrüstung mit Filzstiefeln kann sich bei Einsetzen des Tauwettern im März nachteilig auswirken. In den Stiefeln, die sich bei Tage voll Wasser saugen, bekommen die Soldaten nasse Füsse. Bei den nachts einsetzenden Frösten werden zahlreiche Erfrierungen die unausbleibliche Folge sein. Dieser Gefahr kann nur durch rechtzeitigen Nachschub von Lederschuhen begegnet werden. Der Ltn. glaubt, dass das nur in geringem Umfang erfolgen wird.
Das Durchschnittsalter der Truppe beträgt 25 bis 42 Jahre. Aktive Mannschaften waren gar nicht vorhanden, dagegen ein grösserer Prozentsatz an aktiven Offizieren. Bei Aufstellung befanden sich in der 7. Komp. 4 aktive und 2 Res. Offz. Die aktive Offz. waren teilweise zwanzigjährige ehem. Kriegsschüller, teils aktive Unteroffiziere im Alter von 25 Jahren, die nach einem Schnellkursus als Unterleutnante in das Offz.-Korps übernommen wurden.

Die Ausbildung der Truppe war mangelhaft, da Waffen erst auf dem Weg zur Front ausgegeben wurden. Bis zum ersten Angriff hatte ein grosser Teil der Schützen noch nie einen Schuss mit dem Gewehr abgegeben. Die Bedienung der Panzerbüchsen konnte zu 80 % nicht mit den Waffen umgehen. Die Verpflegung in Tomsk war gut. Die Soldaten erhielten täglich 3 mal warmes Essen, 600 gr Brot and etwas Zucker. In der Feldküche wurde Butter verwendet. Die Verpflegung an der Front war anfänglich beeintrüchtigt, da durch deutsche Luftangriffe verschiedentlich Trosse und Feldküchen zerschlagen wurden. In der letzten Zeit wurde der Nachschubdienst durch die deutsche Luftwaffe nicht mehr gestört. Die Kost war bis zum 15.2. reichlich und betrug bis zu 900 gr Brot und dreimal warmes Essen täglich, das hauptsächlich in Grütze bestand. Ausser-dem wurde pro Kopf täglich ein Salzhering verabfolgt. Butter oder anderes Fett und Schnaps wurden nicht ausgegeben. Auf Märschen erhalten die Soldaten an Stelle des warmen Essens Konzentrat, das sie selbst kochen. Die Stimmung ist unter den Res. Offz. schlecht, unter den aktiven, insbesondere den jüngeren, gut,

zumal sie das ersts Mal an der Front sind und sich zum Kampf drängen.
Im Offz.-Korps herrscht die Ansicht, dass die russ. obere Führung grosse Fehler gemacht hat, denn sonst könnte der russ. Vormarsch nicht so langsam vor sich gehen. Andererseits wundert man sich, dass die Deutschen den Russen die Dörfer Mjassnoa Bor, Rogawka, Klepzy und andere ohne grösseren Widerstand überlassen haben bei der sonst sprichwörtlichen Ueberlegenheit des deutschen Soldaten. Diese Tatsache fiel den Ltn. umso mehr auf, als die Kampfkraft der 366. Schtz.-Div. wegen schlechter Ausbildung und hohen Durchschnittsalters der Mannschaften als höchst mangelhaft angesehen werden muss. Er hat keine hohe Meinung von den Soldaten seines Zuges bzw. seiner später von ihm selbst geführten Kp. Kein Russe greift an, ohne die Pistole im Nacken zu spüren. Erstaunlicherweise vertrat ein Unterltn. des S.R. 1222, der zuletzt der Aufkl.Kp. des S.R. 1220 zugehörte, die gleiche Ansicht betreffe des Räumens der Dörfer/die deutschen Truppen, die er ungefragt zum Ausdruck brachte. Div. 2. Stoss-Armee hat den Auftrag, das Leningrader Gebiet von deutschen Truppen zu säubern. Die 366. Schtz.-Div. hatte den Auftrag, Gusi und Pjatilipi zu nehmen. Die Offz. sind der Meinung, das die Division nach Einnahme dieser Orte zur Auffüllung herausgezogen wird. Dies schliesst er aus der Richtung, in der sie z.Zt. eingesetzt ist, nähere Anhaltspunkte hierfür hat er nicht. Er glaubt fest, dass Nowgorod bereits in russ. Hand ist und dass 2 deutsche Regt. im Gebiet von Nowgorod voll – kommen eingekreist sind.
Politruks kann man im allgemeinen nicht als tapfere Soldaten ansprechen, die meisten sind ungebildet, roh und feige. Dafür haben sie die Fähigkeit bis zur letzten Konsequenz, d.h. bis zum letzten Blutstropfen der ihnen anvertrauten Soldaten ihre Aufträge unter Anwendung aller Mittel durchzuführen. Auserdem haben sie gute Informationen.
Mitte Januar kam aus Moskau ein Politruk zur 7. Kp., der erzählte, dass im rückwährtigen Gebiet Russlands Reserven bereitstehen, um einem deutschen Angriff im Frühjahr zu begegnen. Der Politruk hat auch gehört, dass die 2. Stossarmee zwecks Auffüllung durch eine neu aufgestellte Armee abgelöst werden soll. Näheres und Zeitpunkt war ihm nicht bekannt. In Moskau sollen z.Zt. Politruks bis zum Batl.-Politruk aufwärts zusammengezogen werden, die dann auf die Truppenteile der Reservearmeen verteilt werden sollen. Für die neuen Reservearmeen ständen nur wenig Ausrüstungsgegenstände zur Verfügung, vor allem mangle es an Filzstiefeln, so dass die

Mannschaften sehr unter dem Frost litten und die Ausbildung nur schlecht sein könne. Die Neu-Eingezogen der Reservearmeen seien nicht älter als 42 Jahre, der Prozentsatz an jugen Leuten sei hoch. Die Aktiven seien bisher nur etwa zur Hälfte an der Front eingesetzt worden, während die andere Hälfte bei den Ersatztruppenteilen zur Ausbildung zurückgehalten werde. Der Ltn. hat selbst auf dem Transport über Wologda nach Tichwin gesehen, dass die Dörfer, durch die die Truppe durchmarschierte von der mehrfähigen Bevölkerung vollkommen entblösst waren. In Tomsk war im November bekannt, dass in Ostsibirien 2 Armeen stehen, die als Reserven gegen Japan zurückgahalten werden und von denen noch keine Truppen nach dem Westen gebracht wurden.

Приложение 4. Письмо Кариса Канатбая, адресованное им Марии Чокай 2.06.1948 г. (из личных архивов Алима Алмата)

Для Вашего внимания

Моя автобиография в кратком виде

1. Я, Карис Косай Оглу Kanat-Bay, родился 1 мая 1911 г. в Barsi/Trrkistan-Westkasachstan (Западный Казахстан) в семье крупного землевладельца-бая.

До осени 1926 года учился в сельской школе у себя на родине, и с осени 1926 года учился в городе Оренбург и окончил Оренбургский Рабочий Факультет в 1930 году.

С весны 1931 года по 1936 год учился в Горном Институте в городе Свердловск (Екатеринбург) и 3 июня 1937 года защищал дипломную работу перед Государственной Квалификационной Комиссией на тему "Постройка и разработка Золото-рудного месторождения на Алтае Акжал Золото" и мне было присвоено звание Горного Инженера с Дипломом Второй Степени.

С июля 1937 года до начала Германо-Советской войны в 1941 году работал в Галюшурминском Буроугольном месторождении на реке Кама в качестве главного инженера.

2. Мой отец Kosay Kanatay Ogly за участие в повстанческом движении против Советской власти в 1918-1919 годах подвергался гонениям со стороны Советов и скрывался в Саратовском краю, и поэтому мне пришлось оставить родные

места и поехать на учебу в далекий край Оренбург, где я учился под маской сына батрака.

Однако в 1930 году, когда я уже был на последнем курсе, каким-то образом стало местным властям известно, что:

1) мой отец Косай - сын крупного землевладельца и был активным учатником повстанческого движения против Советской власти;

2) мой дед Канатбай был в свое время очень богатым человеком и носил духовное звание Хаджи;

3) мой прадед (отец моего деда Канатбая) **Бекжан** был военачальником у Джангир-Хана (хан Малой Орды) - и я был исключен из состава студентов Оренбургского Рабочего Факультета как чуждый элемент по социальному происхождению.

Однако я не падал духом и, пользуясь тогдашним Советским лозунгом, что "сын за отца не отвечает", подал касационную жалобу о моем обратном восстановлении на учебу. И после 6-месячного разбирательства и хождения мне удалось, с помощью друзей-знакомых моего отца, окончить Оренбургский Рабочий Факультет в 1930 году - т. е. Сдать экстерный экзамен.

3. Весною 1931 года я поехал в Москву с целью поступить в высшее техническое учебное заведение, однако устроиться мне в высшее учебное заведение было невозможно, так как в моих документах было отмечено мое непролетарское происхождение и мне надо было найти человека, который дал бы мне рекомендацию. А поэтому я обратился к известному Туркестанскому националисту Турару Рыскулову, который тогда занимал пост Первого Заместителя Совнаркома Р.С.Ф.С.Р. и по рекомендации последнего получил путевку в Горный Институт в гор. Свердловск на Урале.

4. Во время моей учебы в Горном Институте в гор. Свердловске я состоял на учете Н.К.В.Д. и подвергался учетным допросам по делу "Казахского Землячества", которое объединяло всех студентов-казахов, обучающихся во всех высших учебных заведениях города Свердловск, и я был секретарем этого Землячества.

Постольку наше Казахское Землячество признавалось Казахским Правительством как студенческая организация, ведущая культурно-воспитательную и экономическую работу, нам не так трудно было отражать нападки со стороны НКВД.

Основной задачей нашего Землячества были: 1) учет всех студентов-казахов и доклад Казахскому Наркомпросу - кто, когда и какое высшее учебное заведение кончает; 2) оказание экономической помощи студентам-казахам - а) в виде стипендии от Казнаркомпроса и оказание единовременной помощи с кассы Землячества.

И на меня, как секретаря Землячества, была возложена особая, секретная задача держать непосредственную - живую связь с господином Искараевым, который тогда был Председателем Петровского Областного Исполнительного Комитета и потом Главным Прокурором Казахской Республики.

Начиная с 1932 года я в году 2 раза встречался с госп. Искараевым в разных местах и давал ему исчерпывающий отчет о работе и составе нашего Казахского Землячества. И последний раз я имел встречу с госп. Искараевым в конце июня 1937 года в гор. Алма-Ата, когда я окончил Институт и стал инженером. Искараев мне говорил, что положение националистов с каждым днем осложняется и имеется опасность разгрома, а поэтому он порекомендовал мне воздержаться от поездки на работу в "Алтай Золото" или в "Караганду", и поехать в другую республику и по возможности в глухой район.

Согласно совета госп. Искараева я поехал на работу вновь открытое буро-угольное месторождение на Каме, которое лежало далеко от железных дорог и этим месторождением были заняты только местные власти, а центральные власти им мало интересовались.

5. Когда в июне 1941 г. вспыхнула война между Германией и Советами я добровольно поехал на фронт, отказавшись от той отсрочки, которая предоставлялась мне как Главному Инженеру и 23 июля 41 года сдался немцам в плен на Калининском (Псков) направлении фронта.

В сентябре 1941 года к нам в военнопленный лагерь р.Сувалки - Восточная Пруссия приехал наш Президент Мустафа Tschokay-ogly, которого я знал на родине, как руководителя национального движения за границей и в течение 12 дней он нас посещал ежедневно. Интересовался нами и в то же время читал нам лекции. И в частных беседах с Мустафа Ага я познакомился с нашим положением и о предстоящих трудностях, которые нам предстояло преодолеть. И действительно, когда Мустафа Чокай Оглу уехал от нас мы

остались в таком же почти положении, как до его приезда. С наступлением зимы положение наше еще ухудшилось, военнопленные начали умирать от холода и голода. И кроме того военнопленные жили почти голые под открытым небом и нас гоняли на работу несмотря на то, что мы кое-как ходили на ногах, и были разутые.

9 ноября 1941 г. нас 80 чел. туркестанцев, согласно списка присланных Чокай Оглу, направили в гор. Люкенвальд (Lukenwald), где за городом был Шталлаг III.A. В этом лагере нас поместили в такие бараки, где немцы не держали бы своих свиней и в этом лагере мы находились до конца апреля 1942 года. Не смотря на то, что среди туркестанских пленных была строгая дисциплина и спаянная дружба все же погибли из 80 чел. около 10 чел., так как вспыхнувшая эпидемия тифа сводили мои и старания моих друзей по спасении туркестанских пленных почти на нет. Однако же благодаря нашей спаянности и дисциплинированности нам 70 человекам удалось себя спасти от неимоверной голодной смерти.

Только в начале апреля 1942 г. мы узнали о смерти нами всеми любимого и уважаемого человека Мустафа Чокай Оглу.

29 апреля 1942 г. нас 70 чел. перевезли в особый лагерь Wustrau, где были более-менее устроены в жилищных отношениях, однако питание было недостаточное. Благодаря тому, что наши туркестанцы хорошо освоили "немецкую дисциплину" нам было в этом лагере, и я как руководитель Туркестанской гр-пы быстро вошел в дружеские отношения с начальником лагеря, легче.

До марта м-ца 1943 года я работал руководителем Туркестанской гр-пы и за проявленную мною неосторожность в части недемократического поведения некоторых руководителей в Туркестанской организации в Берлине, во главе которого стоял Vili Kajum я начиная с сентября 42 г. подвергался гонениям со стороны последнего, и 12 марта 43 г. я был арестован гестапо и посажен в Потсдамовскую тюрьму. Только упорная защита начальника лагеря госп. Францелем, мою сторону дала мне возможность с рук Gestapo. Но я был лишен права заниматься национальной работой среди туркестанцев и мне было предложено поехать на работу в город Позен (Posen) к одному фабриканту. Однако я не поехал в Позен, а по совету моих друзей поступил в Институт по изучению иностранных языков при Берлинском Государственном

Институте. И до 15 января 1944 г. посещая Институт по изучению иностранных и в то же время проводил работу через моих единомышленников против вождизма в Туркестанском деле.

Мое пребывание в Берлине не было выгодно ни Veli Kajum и ни Ostministerium, так как я своей деятельностью, хотя бы со стороны мешал им, и поэтому они добились моей отправки в Туркестанский легион и 12 января 1944 г. я получил извещение от OKW (Верховное командование вооруженными силами Германии - прим. Состав.), что согласно письма Ostministerium-а от 1.11.43 г. и еще на основании каких-то законов я призывался в Немецкую Армию т. е. в Туркестанский легион. И 17 января 44 г. меня в сопровождении унтерофицера направили в Легион. Когда 20 января 1944 г. я прибыл в Штаб Восточного Легиона, мне стало из доклада моего сопроводителя известно, что Штабу была известна моя личность, конечно только с плохой стороны. И я вынужден в моих докладных на имя генерала Heigendorff подробно описать о моих разногласиях с Veli Kajum, и подробно обосновал, что Туркестанскому вождизм совсем не подходит. Кроме того я категорически отказался поехать в Туркестанский легион так, как меня ожидала репрессия и конечно подставленники Kajum-а сумели со мной легко справиться.

После моих 3х докладных записок на имя генерала Heigendorff по Туркестанскому вопросу я был зачислен в состав Штаба Остлегиона и 14 февраля с этим Штабом обратно прибыл в Берлин и до 3 июня 1944 года находился в Штабе в качестве солдата-горнорабочего (мыл пол, чистил окна и уборные) иначе говоря надо мной издевались т. к. мой непосредственный начальник Oberbeutnant Zill, который заведывал особым отделом - I C, был личным другом Veli Kajum.

Так, как я в мое свободное время уходил к моим друзьям и там занимался Туркестанскими делами и это стало Kajum; и последний через своего друга ст. лейтенанта Zill добился моей отправки опять таки в Туркестанский легион.

3 июня 1944 г. я в 12 ч. дня получил приказ в течение 2х часов оставить Берлин поехать в город Лион. Но когда я прибыл в Штаб дивизии в гор. Лион, категорически отказался поехать в Туркестанский легион и я был оставлен временно при Штабе дивизии в качестве переводчика и оттуда я перешел во вновь

организованное учреждение - Zentnalnachweisstelle fur и 12 сентября 1944 года служил в этом учреждении в качестве солдата-легионера.

12 сентября, при обратной поездке с Лиона в Германию, в гор. Karlsbade во время воздушной бомбардировки я был тяжело ранен в голову и до 30 октября 1944 г. находился в больнице в городе Карлсбад.

VI. В начале ноября 1944 года я прибыл в Берлин и зная, что Kajum опасался моего присоединения к движению генерала Власова я договорился с Kajum остаться в Берлине в качестве его главного советника по всем вопросам касающимся Туркестану и в начале декабря 1944 г. я был назначен Генеральным Секретарем Туркестанского Комитета в Берлине. И начиная с того момента я перевел секретные переговоры лично с генералом Власовым и в феврале 1945 года я с 80% членами Турк. Комитета присоединился к Власовскому движению, и переехал в Карлсбад. Там мы организовали Туркестанский Национальный Совет, где я был избран председателем этого Национального Совета и в данный момент являюсь председателем Национального Совета при Антибольшевистском центре в гор. Мюнхен.

Weinheim,den 2.6.48 г.

Любимая Маман!

Выше я изложил мою автобиографию, конечно только для вас. Хотя я в предыдущем письме просил Вас переслать письмо написанное в Adr. Министерства Иностранных Дел Франции, но теперь я думаю надо будет правильнее воздержаться от посылки этого письма по назначению, так как я после долгого обдумывания пришел к выводу, что такое обращение к Министру не приведет ни к какому хорошему результату, и моя личность (выбранная ли эта личность или не выбранная) в данный отрезок времени не будет его совсем интересовать. И поэтому прошу Вас это письмо не посылать.

Любящий и Уважающий Вас Ваш сын Карис

Приложение 5. Из дневниковых записей Зубайдуллы Жора (Шора) от 12 января 1945 года (BA, R 58/931)

В связи с тем, что некоторые буквы нам неизвестны и не имеют аналогов в современном алфавите, приводим лишь фрагмент дневника.

Maniŋ ismim Zubajdulla. Atamniŋ ismi Çora. Anamniŋ ismi Erika. Akamniŋ ismi Mirzaumit. Ukamniŋ ismi Qurban. Basqa hickimim joqdir. Atam 1937 jili atilgan. Anam 1935 jili oldi. Akam 1941 jili urusta oldi. Ukamni bilmajman. Qizil askerga 1942 jili caqirilgan. Şundaj qilib j e k k e bir ozum bu tamauda jasamaqtamin. Şundaj qilib man oz haqima soz boslamaqciman…

Bu sakkiz oj icindai 20 tadan xjat Islam dunija si haqida jazilgan ktablarim oqub eşittim ktab sozi manga çuda jaqa boçladi ktablar juzasidan hammadan kopraq otkan sinsiz ejjarlani xizmati jollari sirlari çuda jada boçladi.

Sonsiz soraq çavablar mani janada ukamni asirtirdi e jjarlik jani "РАЗВЕДКА".

Va 1933-ci jildan coçlub ozim ucun abadj jolim maqsatim dib e jjarlik isimi ozim ucun idija …

Приложение 6. Протокол заседания от 17 июля 194... года за подписью Гросскопфа (PA, R 105173. Pol.XIII. Allgemeine Akten)

G - R. B a u m

Berlin, den 17. Juli 194?(нет цифры)
?

Sitzungsbericht. - Propagandapolitische Besprechung vom 17.7.4?

1.) Es wird der Entwurf eines Plakats gegen Stalins Zerstörungsbefehl gezeigt: ein - jüdisch charakterisierter - Kommissar in Uniform als Brandstifter wird von einer Riesenfaust an der Gurgel gepackt. Überschrift : Bauern! Verhindert die Vernichtung

Eures Gutes (oder ähnlich). Das Plakat findet sowohl in der Idee wie in der Ausfürhung Zustimmung.

2.) Major Crantz berichtet über den - durch den Moskauer Rundfunk verbreiteten - Erlass der Sowjetregierung betreffend die Wiedereinsetzung von Kriegskommissaren in der Roten Armee.

In der Aussprache wird bemerkt, dass wenn die seinerzeitige Abschaffung der Kommissare auch im grossen und ganzen nur eine Scheinmassregel gewesen war, die so auffällig in Scene gesetzte Wiederein führung dieser Parteikontrolleure ein ernstzunehmendes Symptom darstellt. Der Kreml gibt damit zu, dass ihn sowohl die militärische Situation wie die Zuverlässigkeit der Truppe mit Besorgnis erfüllt; zugleich liegt es auf der Hand, dass das den Militärs erteilte Misstrauenvotum deren Stimmung gegenüber der Parteibürokratie nur verschlechtern kann. - Die Presse wird den Erlass der Sowjetregierun in diesem Sinne kommentieren.

3.) Es wird über einen Besuch in dem Lager für russische Kriegsgefangene in Hammerstein berichtet.

Die äusseren Bedinungen für die Gefangenen, die unter freiem Himmel im Sande kampieren, sind nicht günstig. Die Ernährung besteht pro Tag aus 200 g. Brot, Kaffee-Ersatz und einer Gemüsesuppe. Die Gefangenen sind jedoch geduldig und betrachten ihre gegenwärtige Lage al vorübergehend; sie hoffen, Arbeit zu erhalten und dann besser verpflegt zu werden. Sie beschweren sich dagegen über die Behandlung durch das Wachpersonal, das mit Stockschlägen gegen sie vorgehe, ohne dass, wie die Gefangenen versichern, etwa durch Ungehorsam oder derg Grund gegeben worden wäre. Dabei kommt gelegentlich in den Aussagen der Gefangenen zum Ausdruck, dass sie sich noch nicht einmal so viel aus den ihnen durch Prügel zugefügten Schmerzen machten, sondern sie hauptsächlich durch die ihnen, wie sie sagen: ungerechterweise, zuge-(*далее – неразборчиво – Б.С.*)

Die Begriffe "gerecht" und "ungerecht" spielen in den Äusserungen der Gefangenen überhaupt eine bemerkenswerte Rolle. So wird z.B. auf die deutschen Flugblätter verwiesen, deren Inhalt durchweg genau bekannt ist, und deren Zusage guter Behandlung, wie die Gefangenen sagen, nunmehr "ungerechterweise" nicht eingehalten werden.

Die vaterländische Einstellung ist verschieden. Manche Gefangene, die auf dem Bahntransport einige Eindrücke von der deutschen Landschaft gewonnen haben, lobten die gute Ordnung, die in Deutschland zu herrschen scheine; sie seien bereit, erklärten

sie, auch dauernd hierzubleiben, um hier zu arbeiten. Andere Gefangene sagten, dass sie nach Hause zurückzugehen und dort als Bauern zu leben wünschten, jedoch ohne zaristisches Regime, ohne Gutsbesitzer und Kapitalisten wie ohne Kollektivwirtschaften.

Der Glaube an die UdSSR ist nur zum Teil erschüttert. Viele Gefangene halten ihr Schicksal blos für ein individuelles Missgeschick; sie selber und eine Anzahl ihrer Kameraden seien eben gefangen genommen worden, aber wie der Krieg ausgeht, sei noch eine andere Frage. Die "Sowjetmacht" steht für sie als Autorität weiterhin im Hintergrunde. Dafür sorgt vor allem das "Aktiv", von dem die Gefangenenmasse noch immer durchsetzt ist. Man merkt, dass gewisse Personen eine überwachende und einschüchterne Rolle spielen. Diese versuchten, ihre agitatorische Redegewandtheit auch gegenüber den deutschen Besuchern an den Mann zu bringen und, nach alter Propagandistenmethode, Gegenfragen zu stellen usw. Eine Ausschaltung dieser sowjetisch-aktiven Elemente, die in allen Dienstgraden vertreten sind, - u.a. suchte sie ein Sowjetmajor dialektisch hervorzutun - konnte dazubeitragen, die Kriegsgefangenen innerlich vom Sowjetismus loszulösen und ein brauchbares, materiall bedürfnisloses, geistig lenksames Arbeitsinstrument aus ihnen zu machen. Dabei müsste freilich, ausser einigermassen genügender Verpflegung, bei aller notwendigen Straffheit, eine Behandlung hinzukommen, die als gerecht und als die Menschenwürde achtend empfunden wird.

In der Aussprache wird vor allem die propagandistische Bedeutung einer befriedigenden Regelung des Gefangeneneinsatzes und der Gefangenenbehandlung betont, und zwar sowohl im Hinblick auf das Kriegsgebiet, da gewisse Nachrichten immer durchsickern, wie im Hinblick auf die öffentliche Meinung des nichtkriegführenden Auslands.

Hiermit Herrn VLR Grosskopf

Приложение 7. Запись беседы профессора фон Менде, доктора Арлта и доктора Ольцши от 29 сентября 1944 года (Bundesarchiv (далее – BA), NS 31/27)

Der Reichsführer-SS
SS-Hauptamt-Amtsgruppe D
Freiwilligen-Leitstelle
D I/4 k u. 5 k - Dr.O./S.

Berlin-Grünewald, den 29. Sept. 1944
Erdenerstrasse 7

Besprechungsnotiz zwischen Professor v. Mende, Dr. Arlt und Dr. Olzscha.

Zur Verhandlung gelangten die grundsätzlichen Fragen der künftigen Zusammenarbeit zwischen Ostministerium und SS-Hauptamt in fremdvölkischen (osttürkischen und kaukasischen) Angelegenheiten.

Professor v. Mende hatte eine Besprechungsunterlage mitgebracht, die in den einzelnen Punkten zu folgenden Ergebnissen führte:

1.) Der Begriff "Osttürken" schafft keine neue politische Zielsetzung, sondern soll lediglich eine Anlehnung der verschiedenen Turkgruppen im Kampf gegen den Bolschewismus anstreben. Ihre politische Ausrichtung erfolgt weiterhin im Rahmen der bisherigen von der deutschen Politik vorgeschriebenen nationalen Aufgliederung, entsprechend den Komitees. Es wurde übereinstimmend festgestellt, das die Aserbaidschaner zu den kaukasischen Völkern gehören und ihre Einbeziehung in den Osttürkischen Verband lediglich im Rahmen der gemeinsamen Erfassung der wehrfähigen Turkstämmigen erfolgen könne. Es bestand andererseits Übereinstimmung darüber, dass das gleichseitige Vorhandensein von Aserbaidschanern sowohl im Osttürkischen Verband wie im Kaukasischen Korps zu Unzuträglichkeiten führen müsste. Da die Aserbaidschaner bisher jedoch stark an der Beteiligung im Rahmen des Osttürkischen Verbandes interessiert waren, muss noch eine diesbezügliche endgültige Klärung erzielt werden. Wenn der Kaukasische Verband nicht aufgestellt werden sollte, besteht keinerlei Hinderungsgrund die Aserbaidschaner dem Osttürkischen Verband anzugliedern, da ihre politische Ausrichtung eindeutig auf den Kaukasus erfolgt. Wird jedoch der Kaukasische Verband aufgestellt, so müssen die

Aserbaidschaner in diesem verankert werden. Eine letzte Besprechung hierüber muss mit Major Dudaginski in SS-Hauptamt erfolgen, sobald eine Klärung über die Aufstellung des Kaukasischen Verbandes erfolgt ist.

2.) Die Werbung für die Freiwilligen sowohl der Wehrmacht wie SS erfolgt ausschliesslich über die Leitstellen, soweit es sich um Kriegsgefangene handelt. Entsprechend der mit General der Freiwilligen-Verbände getroffenen Regelung wird nach einem bestimmten Schlüssel eine gleichmässige Verteilung auf Wehrmacht und SS erfolgen. Sollten zu einem bestimmten Zeitpunkt die zur Zeit bei der Wehrmacht befindlichen Freiwilligeneinheiten in die SS übernommen werden, so kann eine letzte Mobilisierung der Kriegsgefangenen durch besondere SS-Werbe-Komisissionen ins Auge gefasst werden. Entsprechend der mit dem G.B.A. und das SS-Hauptamt erzielten Vereinbarung werden die im Ostarbeiter-Verhältnis befindlichen Freiwilligen unmittelbar durch das SS-Hauptamt erfasst.

3.) Es wurde übereinstimmend festgestellt, dass die propagandistische Ausrichtung der Freiwilligen sowohl in der Wehrmacht wie in der SS nach einheitlichen Richtlinien erfolgen soll, wobei die bisherige grundsätzliche politische Linie massgeblich ist. Die in der Aufstellung des Osttürkischen Verbandes und des Kaukasischen Verbandes beabsichtigte starke politische Zusammenfassung durch Herausstellen des Osttürkischen Gedankens und das kaukasischen Gemeinschaftsgedankens ändert diese Linie nicht, sondern ergänzt sie durch Anwendung einer neuen Taktik und Methodik.

Die vom SS-Hauptamt für die SS-Verbände geplanten Zeitungen sollen keine eigene SS-Zeitung darstellen, sondern sind ... für die Versendung an die übrigen Gruppen (Wehrmacht, Kriegsgefangene, Arbeiter) gedacht. Bevor eine grundsätzliche Kla... erfolgt, soll zumindesten die Herausgabe der neuen Zeitung vom SS-Hauptamt weiter betrieben werden, damit zu einem geeigneten Zeitpunkt evtl. eine Verschmelzung mit den bisherigen Organen erfolgen kann. Grundsätzlich sollen die Zeitungen von den Mitarbeitern der Leitstellen erstellt und nach Möglichkeit auch durch die Leitstellen herausgebracht werden.

4.) Es wurde übereinstimmend festgestellt, dass an den vom Ostministerium geschaffenen Komitees und Verbindungsstäben festgehalten wird. Es besteht weiterhin Übereinstimmung darüber, dass gewisse Veränderungen in der Zusammensetzung der einzelnen

Komitees erfolgen sollen, wobei folgende Klarstellung erzielt wurde:

a) Das Turkestanische National-Komitees wird durch langsame Heranziehung geeigneter Vertreter der bisher nicht genügend berücksichtigten Volksgruppen verstärkt und auf eine solide Basis mit besserer Resonanz gestellt wobei der Vertreter des National-Komitees Kajum in seiner Funktion als "Primus unter Pares" anzusehen wäre. Durch verständnisolle. Unterstützung von Kajum müssen gewisse Auswüchse allmäh-lich unterdrückt werden, so dass das Komitees als tatsächliche Vertretung des turkestanischen Volkes und nicht einer Einzelperson funktioniert;

b) Das Komitee von Idel-Ural muss durch besondere intensive Arbeit aktiviert werden und durch Beteiligung aller in Frage kommenden Gruppen zu einer gesunden Arbeitsgemeinschaft kommen, wobei die Führung der Tataren zweckmässig weise beibehalten wird. Es bestand Übereinstimmung daran dass der derseitige Chef des tatarischen Kampfbundes all mälich kaltgestellt und durch die Kompetenzen des Komitees verdrängt wird.

5.) Im Hinblick auf die grundsätzliche Einigung in allen die Türkstämmigen und kaukasischen Völker betreffenden Fragen wurde eine gegenseitige inoffizielle Vertretung von SS-Hauptamt ... Ostministerium abgesprochen. Es wurde vereinbart, dass nach aussen hin stets die gemeinsame Übereinstimmung zwischen SS Hauptamt und Ostministerium hervorgehoben wird, wobei in einzelnen Fallen kameradschaftliche Rückfrage für zweckmüssig gehalten wird. Es wurde in Aussicht genommen, dass zu einem geeigneten Zeitpunkt eine offizielle Vertretung des Zeiter..... von P 3 durch den zuständigen Abteilungsleiter des SS-Hauptamtes erfolgen kann. Bis zu einer derartigen, vom Reichsminister noch einzuholenden Genehmigung, soll in Praxis bereit entsprechend verfahren werden. Im weiteren Verlauf der Besprechung wurde noch folgendes festgestellt:

a) Im Hinblick auf die Schaffung eines russischen Komitees und das dadurch zu erwartende Übergewicht des russischen Volkstums gegenüber den anderen Verhandlungspartnern aus dem Sowjetraum wurde die Notwendigkeit hervorgehoben, baldigst gleichberechtigte Komitees auch für die Volksgruppen herauszustellen, die bisher lediglich Verbindungstäbe besitzen. Ausser der Schaffung eines krim-tatarischen Komitees müssen die kaukasichen Verbindungs-stäbe zu Komitees umgestaltet und "letztere" zweckmässigerweise in einen "Kaukasischen Rat" zusammengefasst werden. Eine ähnliche Regelung könnte unter Umständen auch für die 3

Turk-Komitees vorgesehen werden, damit dem Sprecher des russischen Komitees nicht eine Unzahl von Vertretern kleinerer Gruppen sondern die Repräsentanten von Blocks gegenüberstehen.

b) Die Mullah-Schule in Dresden wird sich auf der Basis der erzielten Übereinstimmung in ihrer Arbeit auch der Unterstützung des Ostministeriums erfreuen, wobei die geplante Eröffnung im Einvernehmen zwischen Ostministerium, SS-Hauptamt und Reichssicherheitshauptamt erfolgen wird.

Es wurde übereinstimmend festgestellt, dass der Islam im Osten derzeit keine tragfähige politische Plattform mehr darstellt, dass jedoch eine sorgfältige und allmähliche Weckung des Islams unter den Turkstämmen durchaus im deutschen Interesse liegt. Gleichermassen im deutschen Interesse liegt die Verschmelzung der sunnitischen und schiitischen Richtung, da vermutlich im Hinblick auf die seit 25 Jahren betriebene religöse Erziehung eine künstliche Belebung von dogmatischen Unterschieden nicht notwendig erscheint.

c) Die Schaffung einer Osttürkischen Literaturspache kann anlässlich der Herausgabe der neuen Zeitungen mit versucht werden, wobei die wissenschaftliche Arbeit in Händen von Vertretern (Linquisten) der einzelnen Turkgruppen liegt und lediglich von Dr. Benzing als Fachwissenschaftler gesteuert wird.

Eine Osttürkische Literatursprache ist nicht als staatsbildendes Element anzusehen und widerspricht demnach auch nicht der offiziellen politischen Linie, die Angleichung der Turkdialekte wäre wohl aber ein erwünschtes Ziel, um das osttürkische Kulturleben etwas zusammenzufassen und gegenüber dem bedrohlichen russischen Kultureinfluss zu festigen.

d) Es wurde vereinbart, dass die Verhandlungen mit den einzelnen Verbindungsstäben und Komitees hinsichtlich der von ihnen vorgetragenen Wünsche so erfolgt, dass das SS-Hauptamt die Verhandlungen einleitet und die Vertreter der einzelnen Gruppen auf diesbezügliche interne Absprache des SS-Hauptamtes mit den Ostministerium hinweist.

2) Die Frage der Einberufung von Herrn Unglaube wurde gestreift, wobei Prof. Mende darauf hinwies, dass die Verwendung von Herrn Unglaube im Rahmen des SS-Hauptamtes durchaus erwünscht wäre.

Приложение 8. Запись беседы госсекретаря Вёрманна с Нури-пашой, датированная 26 сентября 1941 года (PA, U.St.S.Pol.Nr.897)

U.St.S.Pol.Nr.897 *Berlin, den 26.September 1941.*

I.

Die Person Nuris.

Ich hatte am 11., 18. und 25.September Besprechungen. mit Nuri Pascha, dem Vorkämpfer der panturanischen Bewegung. Die zweite dieser Besprechungen fand in Form eines gemeinsamen Mittagessens mit Botschafter von Papen und Botschaftsrat Hilger statt.

Zur Person Nuris ist vorauszuschicken, dass dieser seine Jugend ganz im Banne seines Bruders, Enver-Pascha, verbracht hat. Dieser war selbst ein Vorkämpfer der panturanischen Bewegung. Enver ist, nachdem er nach dem türkischen Zusammenbruch vorübergehen im Dienste Moskaus gestanden hatte, im Kampf gegen die Bolschewisten in Turkestan in Jahre 1921 gefallen.

Nuri Pascha hat als Offizier in Tripolis gegen Italien und im Weltkriege im Kaukasus gegen die Russen gekämpft. Er steht im Anfang der fünfziger Jahre und ist ein offensichtlich wohlhabender Fabrikbesitzer in der Türkei. Seine panturanischen Ideen haben einen gewissen romantischen Einschlag in Erinnerung an Enver Pascha.

II.

Die panturanische Idee

Die Gedankengänge, die Nuri Pascha entwickelte, sind im allgemeinen aus der Berichterstattung der Botschaft Ankara bekannt und lassen sich folgendermassen zusammenfassen:

1. Die pantursnische Bewegung will für die ausserhalb des Gebiets der heutigen Türkei liegenden Turkvölker selbständige Staatsgebilde schaffen. Diese Gebiete sollen also, von gewissen Grenzkorrekturen abgesehen, nicht von der Türkei annektiert worden, wohl aber ihre politische Ausrichtung von der Türkei erhalten.

2. Es handelt sich dabei nach Nuri Pascha in erster Linie um Völkerschaften, die auf dem Gebiet der bisherigen Sowjetunion wohnen. Von bisher sowjetischen Gebieten werden in erster Linie Aserbeidschan und das nördlich davon gelegene Daghestan

beansprucht, also nicht ganz Transkaukasien, ferner die Krim, sowie im grossen und ganzen das Gebiet zwischen Wolga und Ural, und zwar nördlich hinaufgehend bis zur Sowjetrepublik Tatarien (Hauptstadt Kasan). Dabei wird anerkannt, dass diese Gebiete zum Teil turkvölkische Mehrheiten, zum Teil solche Minderheiten haben. Weiter wird zu dem Gebiete im wesentlichen der ganze alte Turkestan gerechnet, und zwar einschliesslich des westlichen Teils des formell zu China gehörigen, jetzt unter Sowjeteinfluss stehenden früheren Ost-Turkestan, jetzt Sinkiang. Weiter beansprucht Nuri als turkvölkisch den Nordwesteil des Iran bis hinunter nach Hamadan und einen Grenzstreifen des nördlichen Persiens vom Südostzipfel des Kaspischen Meeres entlang der alten Sowjetgrenze. Schliesslich wird von irakischem Gebiet die Gegend von Kirkuk und Mossul sowie ein Streifen Syriens einbezogen.

Eine Kartenskizze 1 über das so umschriebene Gebiet ist hier beigefügt.

Ferner füge ich eine Karte 2 bei, aus der die schrittweise Annektierung Turkestans und Transkaukasiens durch Russland im 19. Jahrhundert anschaulich gemacht ist.

3. Gegenüber dem Einwand, dass die Türkei entsprechend der Politik Atatürks ein reiner Nationalstaat bleiben wolle und, von gewissen Grenzkorrekturen abgesehen, keine Ziele ausserhalb ihres jetzigen Staatsgebietes verfolge, antwortete Nuri, dass dies im Sinne Atatürks nur eine Zweckmässigkeitspolitik gewesen sei, deren Motiv Angst vor der Sowjetunion gewesen sei. Mit Deutschland zusammen und gerade bei der jetzigen Aussicht, die Sowjetunion zu zerschlagen, falle dieses Motiv weg. Ausserdem seien, wie erwähnt; die türkischen Ambitionen nicht territorialer Art.

4. Auf den Einwand, dass für diese Ideen zunächst einmal die Türkische Regierung und das türkische Volk gewonnen werden müssten, sagte Nuri, dass das ganze türkische Volk dafür zu haben sei und dass im geeigneten Augenblick sicher eine Regierung ans Ruder käme, die diese Ideen zu ihren eigenen mache. Im übrigen betonte Nuri auf eine dahingehende Bemerkung, dass er auch jetzt nicht hinter dem Rücken der Türkischen Regierung handele, vielmehr vor seiner Abreise nach Berlin den Ministerpräsidenten unterrichtet habe.

5. Die Frage nach dem in der Türkei beteiligten Personenkreis beantwortete Nuri dahin, dass grosse Teile der Armee für diese Ideen seien, insbesondere nannte er den ihm verwandtschaftlich nahestehenden Komandierenden General an der Kaukasusfront, der im gegebenen Falle eine entscheidende Rolle spielen könne.

III.

Beurteilung

Bei der Beurteilung der Frage, ob eine Förderung der panturanischen Ideen im deutschen Interesse liegt, ist nach meiner Ansicht zu unterscheiden zwischen dem mehr taktischen Interesse im Augenblick und dem Interesse an einer wirklich praktischen Durchführung.

Was das Augenblicksinteresse betrifft, so ist es offensichtlich, dass die Türkei die panturanischen Ideen nur im Bundesverhältnis mit Deutschland verwirklichen kann, sodass eine panturanisch orientierte Türkei zwangsläufig eine pro-deutsch orientierte Türkei sein müsste. Die panturanischen Ideen bedeuten gleichzeitig einen türkischen Imperialismus auf Kosten der Sowjetunion, sodass auch insofern unser Spiel gespielt würde. Dies alles spricht dafür, die panturanischen Ideen mit der gebotenen Rücksicht auf die abweichende Haltung der gegenwärtigen Türkischen Regierung jedenfalls in Augenblick pfleglich zu behandeln.

Nach anderen Gesichtspunkten ist die Schaffung neuer turkvölkischer Gefolgsstaaten der Türkei zu beurteilen. Ich lasse dabei die bei den panturanischen Ideen mitspielenden Pläne einer tatsachlichen Vergrösserung türkischen Gebiets, etwa durch das Erdölgebiet von Mossul oder durch das transkaukasische Gebiet mit Batum und Baku ausser Betracht, wobei eine Rückgewinnung des Mossulgebiets vom Standpunkt unserer Erdölinteressen sicher nicht zu fördern, aber vielleicht doch erträglich wäre, während es überhaupt nicht in Frage kommen wird, das Gebiet von Batum und Baku in türkische Hände zu geben.

Im übrigen besteht nach meiner Ansicht ein entscheidender Unterschied zwischen den mit Turkvölkorn gemischten Gebiet am Kaukasus und zwischen Wolga und Ural einerseits und dem turkestanischen Gebiet östlich des Kaspischen Meers. Nach der Zerschlagung der Sowjetunion müssten weite Gebiete des alten russischen Reichs unter deutschen und nicht unter fremden Einfluss kommen. Es läge nicht in unserem Interesse, wenn in Transkaukasien und zwischen Wolga und Ural Staatsgebilde geschaffen würden, die sich politisch nach der Türkei ausrichteten und damit in ihrer Haltung von den Wechselfällen der Politik der sicher auch weiterhin von allen Mächten umworbenen Türkei abhängen würden. Anders steht es mit Turkestan. Ist Russland entscheidend geschwächt, aber England nicht aus Indien vertrieben, so wird sich der englische Imperialismus sicher dieser auch wirtschaftlich (Baumwolle) zukunftsreichen und auch durch die

Turk-Sib-Bahn erst teilweise erschlossenen Gebiete zu bemächtigen trachten. Zum eigentlichen Machtbereich Deutschlands gehören diese Länder schon nach ihrer geographischen Lage auch in Zukunft nicht. Infolgedessen wäre hier die Schaffung turkvölkischer und an die Türkei angelehnter Staatengebilde nach meiner Ansicht zu fördern.

IV.

Nuri Pascha hat inige Wünsche vorgebracht, die nach seiner Ansicht sofort verwirklicht werden könnten:

a) Es sollen die turkstämmigen und darüber hinaus alle mohammedanischen russischen Kriegsgefangenen ausgesondert und nach dem Muster des Lagers bei Wünstorf im letzten Weltkrieg in einem besonderen Lager zusammengefasst werden. Es wäre dann später zu prüfen, ob aus diesen Kriegsgefangenen eine eigene Kampftruppe für die panturanische Bewegung geschaffen werden könne.

Nach Auskunft des Leiters der Kriegsgefangenen-Abteilung des OKW hat Reichsleiter Rosenberg bereits einen entsprechenden Wunsch an das OKW herangetragen. Das OKW kann zurzeit eine solche Aussonderung noch nicht durchführen. Sobald aber seine Hände etwas freier geworden sind, beabsichtigt es, an die Trennung der russischen Kriegsgefangenen nach Volks- und Rassenzugehörigkeit heranzugehen. Es ist zu erwarten, dass das OKW einem Ersuchen des Auswärtigen Amts auf Trennung der turkstämmigen und mohammedanischen russischen Kriegsgefangenen im Rahmen des Möglichen entsprechen wird.

Es wird um Ermächtigung gebeten, die Angelegenheit mit dem OKW offiziell aufzunehmen. Bis zur Verwirklichung werden zweifellos mehrere Monate vergehen.

b) Nuri Pascha wünscht, dass die Verwaltung der von Turkvölkern bewohnten Gebiete der eingeborenen turkstämigen und mohammedanischen Bevölkerung gegeben werde, wobei als erstes derartiges Gebiet nach der jetzigen Lage die Krim in Frage komme.

Es wird vorgeschlagen, diesen Wunsch an das OKW in der Form weiter zu geben, dass bei der Heranziehung der örtlichen Bevölkerung zur Verwaltung der militärisch besetzten Gebiete die turkstämmige und mohammedanische Bevölkerung gebührend berücksichtig wird, und um Entscheidung gebeten, ob über diese Angelegenheit durch Vermittlung des VLR Grosskopf auch mit Reichsminister Rosenberg die Fühlung aufgenommen werden soll.

Durch eine Entscheidung im Sinne der Punkte a) und b) würde keine Festlegung auf die panturanischen Ideen Nuri Paschas erfolgen. Die Ausscheidung der mohammedanischen Kriegsgefangenen und die Heranziehung der mohammedanischen Bevölkerung in den besetzten Ostgebieten ist für unsere islamistische und Orientpolitik ganz allgemein empfehlenswert.

c) Nuri Pascha möchte selbst eine aktive Rolle in der panturanischen Bewegung spielen. Dabei schwebt ihm vor, dass er nach Einrichtung der mohammedanischeturkvölkischen Kriegsgefangenenlager dort an der Sichtung des Menschenmaterials und an Organisation irgendwie beteiligt wird. Er nimmt an dass er dies mit stillschweigender Duldung der Türkischen Regierung tun könne. Es wird um Ermächtigung gebeten, auch in dieser Hinsicht zunächst in einen unverbindlichen Gedankenaustausch mit dem OKW zu treten.

Ferner denkt Nuri Pascha an die Gründung einen panturanischen Propagandazentrale in Berlin, an der er und seine Freunde beteiligt werden sollen. Diese Frage wäre zunächst zurückzustellen.

Nuri Pascha, der etwas enttäuscht ist, dass wir nicht mit fliegenden Fahnen in sein Lager gehen wird voraussichtlich noch etwa eine Woche in Berlin bleiben und dann in der Türkei die weiteren Entscheidungen abwarten.

Die Karten sind zunächst nur den Exemplaren für den Herrn Reichsaussenminister und Pol.VII beigefügt.

Hiermit über den Herrn Staatssekretär
dem Herrn Reichsaussenminister
(gez.) Woermann

Durchschlag an:
St.S.
Dg.Pol.
Pol.VII
Botschafter von Papen (Therapia)
BR Hilger (im Zuge)

Приложение 9. Политическое письмо о пантуранистском движении за подписью посла Германии в Турции фон Папена от 5 августа 1941 года (PA, R 105 174)

Abschrift Pol VII 800
Deutsche Botschaft *Therapia, den 5. August 1941.*
A 5018/41

Inhalt: Die panturanische Bewegung.

Ein gut unterrichteter Gewährsmann teilt mit: Angesichts der deutschen Erfolge in Rußland beginnen türkische Regierungskreise sich immer mehr mit dem Schicksal ihrer Stammesgenossen jenseits der türkisch-russischen Grenze, insbesondere der Azerbeidschan-Türken, zu beschäftigen.

Man scheint in diesen Kreisen geneigt, auf die Vorgänge des Jahr 1918 zurückzugreifen und dieses Gebiet, insbesondere die wertvollen Ölvorkommen, in Baku sich eingliedern zu wollen. Zu diesem Zweck ist auch gewissen Personen, die zum Teil schon zurzeit Abdal Hamids ähnlische Dienste geleistet haben, eine Art sachverständiger Ausschuß gebildet word der den Auftrag hat, alles einschlägige Material zu sammeln, und sowohl im Inlande unter den Emigranten von jenseits der Grenze, wie auch im Auslande, insbesondere im azerbeidschanischen Teil vom Iran, für den Zusammenschluß der neuen Türkei mit den östlich an sie angrenzenden, von den Türken bewohnten Gebieten, bis ans Kaspische Meer zu werben.

Führer dieser Gruppe ist der Abgeordnete von Istanbul:

S ü k r ü Y e n i b a g ç e, (der sich selber als tartarischer Herkunft bezeichnet, obschon die Familie seit mehrerer Generationen in der Türkei ansässig ist).

Ferner gehören dazu:

Nuri Pasa (der Bruder Enver Pasas, der seinerzeit eine frühre Stelle im sogenannten Islam Orlu einnahm, und dem man daher ein besonderes Verständnis für die panturanischen Pläne seines Bruders nachsagen)

Professor Z e k i V a l i d i (Baskire), war früher bereits Professor an der Istambuler Universität, die er wegen eines Zwistes mit Atatürk verlassen mußte, um sich vorübergehend in Wien, Halle und Bonn zu habilitieren.

Ahmed Caver, (auch Ahmet Sait Caver genannt, Krimtürke, gilt als besonders unzuverlassen, versieht auch sonst Spitzeldienste für die Regierung, soll heute noch der Organisation "Prometheus" des Generals Sikorsky in London nahestehen. Bekannter Turkologe unter dem Namen Ahmed Caferoglu).

Zu dieser Gruppe dürfte auch der Türkische Botschafter in Kabul, Memduh Sefket zu rechnen sein, der unlängst zu Besprechungen in Ankara weilte. In seiner Beamteneigenschaft dürfte er kaum andere Wege gehen können, als die Regierung; obschon er mit den Vorgenannten nicht zusammengeworfen werden darf, sondern als aufrechter Freund des Osttürkentums gilt. Soweit dieses Osttürkentums in Frage kommt - angesehen von Azerbeidschan - also Wolgatürken, Tataren, Turkmenen usw., gehen die jetzigen Pläne der türkischen Regierungskreise Ankara dahin, diese Türken in einen eigenen, nach außen hin unabhängigen osttürkischen Reich zusammenzufassen, in dem aber das westliche Türkentum politisch und kulturell als "Berater" eine ausschlaggebende Rolle spielt.Diese Pläne decken sich aber keineswegs mit den Wünschen der östlichen Türken selber. Nach ihnen sind die in der neuen Türkei zusammengefaßten Türken dem eigentlichen wahren Türkentum überhaupt vorloren, und zwar nicht erst neuerdings, sondern sehen seit Jahren. Sie sind von Baku aus gesehen nichts anderes als türkisch redende Levantiner, mit denen man möglichts wenig gemeinsam haben möchte. Diese Entwicklung blickt auf eine heute schon jahrhundertsalte Geschichte zurück. Bereits in den letzten Jahrhunderten der osmanischen Geschichte setzte sich die höhere Beamtenschaft des Hofes und des Reiches nur zum geringsten Teile aus Türken zusammen. Sie war nacheinander ungarischer Herkunft, waren Albaner und zuletzt unter Abdul Hamid Tscherkessen und Arabaer, aber niemals Türken. (Die Geschichtsauffasssung und politische Einstellung wurde oft bei politischen Gesprächen mit interessierten Kreisen in Täbris bestätigt. Gerade dort sind diese Erörterung heute an der Tagesordnung, da die Bewohner von Täbris ebenfalls Azerbeidschan-Türken sind, und sich mit denen in Baku blutsverwandt fühlen. Besonders bemerkenswert ist, daß einer der führender Köpfe dieser Bewegung in Täbris Generalgouverneur selber ist.)

Als Führer der Bewegung, gilt heute nach wie vor:

Mehmet Emin Resulsade (Begründer der Partei Muswalt-Gleichheit) Revolutionär altrussischen Schlages, lange Zeit eng befreundet mit Stalin. Ihre Wege trennten sich erst, als

Stalin sich den Bolschewismus anschloß, während M.E.Resulsade Menschewik blieb, Präsident der unabhängigen Republik Azerbeidschan, nach dem bolschewistischen Umsturz ins Gefängnis gesetzt, von dort aber von Stalin befreit, der ihn in seinem Sonderzuge nach Moskau brachte. Von Moskau ab begab sich Mehmet Emin Resulsade nach Berlin und dann nach Warschau. In Warschau trat er der polnischen "Prometheus"-Bewegung bei, die nichts anderes war als eine Unterabteilung, des polnischem Generalstabes. Aus dem in die Schweiz übertragenen Fonds (dem sogenannten Pilsudski-Fonds) des Generalstabes lebte R. auch noch nach dem polnischen Zusammenbruch 1939, war auch im Jahre 1940 im politischen Auftrag bei Sikorsky in London, zuletzt mit anderen polnischen Flüchtlingen in Bukarest wohnhaft. Politiker von Format, wenn man von der finanzieller Seite absieht. (Da andere türkissche Mitglieder der "Prometheus"-Organisation sich unlänget noch auf türkischem Boden in deutschfeindlichem Sinne geäußert haben, wird auch gegenüber R. Zurückhaltung geboten sein.)

R. ist in der Türkei vertreten durch seinen Adjutanten Mirsa Bala (heute türkischerseits zum Militär eingezogen und als einfacher Soldat in der Nähe von Istanbul tätig. Über ihn ist nichts weiter zu sagen, als daß er der getrue Schüler seines größeres Lehrers ist.) Mit beiden Leuten soll nach Ansicht des Gewährmannes zu arbeiten sein. (Nach Ansicht eines andern osttürkischen Gewährsmannes täte man besser, auf diese ganze alte Garde zu verzichten, die nach ihrer Vorgeschichte und ihren finanziellen Bindungen doch keinerlei Gewähr biete, in einem neuen azerbeidschanischen Staat irgendeine verläßliche Rolle zu spielen) Dieser neue azerbeidschanische Staat will sich nicht mit den übrigen Osttürken belassen, vertritt vielmehr die Meinung, daß sie, Wolgatürken, Tataren, Turkmenen, usw. nach Art der Siedlung, die keineswegs geschlossen ist, und vor allen Dingen auch angesichts ihrer wirtschaftlichen Rückständigkeit durchaus noch nicht den Anspruch auf staatliche Selbständigkeit haben, sondern noch eine lange Wartezeit durchmachen müssen. Sie zu staatlichen Wesen zu entwickeln, betrachtet die azerbeidschanische Revolutionsbewegung nicht als ihre Aufgabe.

Dennoch empfiehlt der Gewährsmann, diese Aufgabe nicht etwa den Russen zu überlassen, sondern Sorge zu tragen, daß deutsche Organisation und Erfahrung bei der weiteren Entwicklung ausschlaggebend bleiben.

Deutschland müsse auf die Bildung eines möglichst starken Staates im Südosten besonderen Wert legen, um in der Lage zu sein, auf diesen Umwege die Russen jederzeit in Schach za halten. Die

Ukraine erfülle diese Aufgabe in unzulänglichem Maße. Die Ukrainer seien Slaven und könnten auch jedezeit wie die Bulgaren und Serben auf ihre gemeinsame Vergangenheit mit Rußland basinen. Bei den Türken sei dieses ausgeschlossen! Auf meinen Vorhalt, daß sich auch die iranische Regierung außerordentlich für die azerbeidschan-Türken interessiere, bezeichnete das mein Gewährmann als etwas durchaus Verständliches. Im heutigen Iran wohnten ebensoviel Türken wie Perser. Der Schah selbst entstamme einer türkischen Familie. Es sei ihm daher ein Leichtes, aus seinem iranisch-arabischen Staate mit einem Federzug ein gemischtvölkisches Staatswesen aufzubauen, wenn ihm die Vorteile einer solchen Wendung klargemacht würden, und er sähe, daß er auf diesem Wege seine politische Unabhängigkeit bewahren könne. So erkläre sich auch die Rolle, die der Generalgeuverneur von Täbris in der Bewegung spiele.

gez. von Papen

In Anschluß an Seite 1: Zu den Vertrauensleuten der Regierung in Ankara für osttürkische Fragen gehört auch der General Hüseyin Hüsnü Emir Erkilet, der tartarischer Abkunft ist.

Das Auswärtige Amt, Berlin.

Приложение 10. Служебная записка о Туркестане, подготовленная Вели Каюмом, от 24 октября 1941 года (BA, NS 43/40)

Berlin, den 24.Oktober 1941

Aktennotiz

Betr.: Turkestan
Islamische Länder

Nach Mitteilung von unserem Vertrauensmann wird Gesandter von Hentig, der z.Zt. Soldat ist, vom Auswärtigen Amt zurückberufen, um eine Sonderaufgabe in Vorderasien zu übernehmen, und zwar;

1. als Begleiter von Nuri Pascha,
2. um die Propaganda in den turanischen Ländern vorzubereiten.

Letzterer Auftrag wird jedoch möglicherweise aus noch

aufzuführenden Gründen Staatssekretär Kepler übertragen werden. Gesandter von Heutig wird täglich in Berlin zurückerwartet.

Nuri Pascha

Vor einigen Wochen fand auf Veranlassung eines uns seit langem bekannten türkischen Vermittlers ein Treffen zwischen Nuri Pascha, Pg. Malletke und Pg. von Harder statt. Bei dieser Gelegenheit erklärte Nuri Pascha, dass er im Gegensatz zu Atatürk stets großtürkisch gewesen sei. Er wies darauf hin, dass Iran ein Drittel türkisch sei. Ferner wies er auf Aserbeidshan und die gesamten türkischen Gebiete als von den Türkenvölkernm besiedelt hin. Er habe schon unter seinem Bruder, Enver Pascha, im Kaukasus für den groß türkischen Gedanken gekämpft. Seit dem Weltkriege sei er Munitionsfabrikant gewesen, jetzt wolle er sich aber wieder ganz der Politik zuwenden. Wie seine Regierung zu diesen Plänen stehe, wisse er nicht. Pg. Malletke gab Nuri Pascha zu verstehen, dass er sich wegen dieser Probleme am besten mit seiner türkischen Regierung zuerst auseinandersetze.

Am 21.Oktober d.Js. suchte uns der türkische Vermittler dieser Besprechung, Herr Kumbaracilar, auf, um im Auftrage von Nuri Pascha mitzuteilen, dass nach Ansicht von Nuri Pascha Pg.Malletke und Pg. Von Harder ihn völlig mißverstanden hätten. Herr Kumbaracilar wies dann im Auftrage von Nuri Pascha aufverschiedenste Punkte hin, die Deutschland anscheinend vergessen habe. Darunter wurde erwähnt, dass die Türkei nach dem Weltkrieg die Auslieferung der Deutschen nicht akzeptiert sondern sogar erklärt habe, weiterkämpfen zu wollen, wenn die Bedingungen aufrechterhalten blieben. Ich wies Herrn Kumbaracilar darauf hin, dass ich mit derartigen alten Argumenten im Interesse der früher vom A.P.A. stets geförderten deutsch-türkischen Zusammenarbeit wirklich nicht beim Auswärtigen Amt vorstellig werden könnte. Da ihm bekannt sei, dass ich ein ständiger Freund einer solchen Zusammenarbeit gewesen sei, könnte ich heute nur hoffen, dass die Türkei ihre Schicksalsstunde nicht verpasse. Interessant sei meines Erachtens allein, wie sich das türkische Volk durch seine Regierung verhalte. Es sei für mich deshalb unverständlich, dass Excellenz Nuri Pascha seine Aktivität hier in Berlin beginnen wolle, anstatt bei seiner eigenen türkischen Regierung, um diese zu veranlassen, ihn mit bestimmten Aufträgen zu versehen. Herr Kumbaracilar erklärte daraufhin, dass Nuri Pascha streng vertraulich ganz andere Wünsche verfolge, nämlich, wenn Deutschland die Gebiete Turkestan besetzt

haben sollte, dann von den Deutschen als Generalgouverneur eingesetzt zu werden.

Anscheinend hat Nuri Pascha beim Auswärtigen Amt mehr Erfolg gehabt als beim A.P.A. Wie unser Vertrauensmann mitteilt, werden vom Auswärtigen Amt (Konsul Melchers) wie anscheinend auch von Botschafter von Papen persönlich die großtürkischen Bestrebungen Nuri Paschas gefördert und als so wichtig angesehen, dass Gesandter von Hentig als ständiger Begleiter von Nuri Pascha von der Front zurückgerufen werden soll. Ich machte dann die Bemerkung, dass es doch ungefährlicher sei, die panislamische Bewegung - da diese doch nicht politisch realisierbar erscheine - anstatt die großtürkische Idee zu fördern. Unser Vertrauensmann war derselben Ansicht, wies aber darauf hin, dass anscheinend das Auswärtige Amt eine andere Ansicht habe.

Staatssekretär Kepler hat vom Außenminister die Propagandafragen in Britisch-Indien übertragen erhalten. Unter seiner Leitung findet deshalb auch die Betreuung von Bose statt, der sich unter dem Decknamen "Mazotta" in Deutschland aufhalte. Staatssekretär Kepler hat nunmehr den Außenminister gebeten, ihm die gesamten islamischen Fragen zu übertragen. Anlaß sei wohl auch die Forderung von Alsdorf gewesen, jetzige mohammedanisch-indische Aktionen von Parteien, die von den Engländern einstmals gefördert worden seien, deutscherseits abzulehnen. Unser Vertrauensmann vertritt aber berechtigterweise den Standpunkt, dass eine solche Maßnahme die indischen Mohammedaner als gegen sich gerichtet betrachten würden und damit entsprechende Rückwirkungen bis nach Arabien erfolgen könnten. Sollte der Außenminister Staatssekretär Kepler auch mit der islamischen Frage beauftragen, so müßte folgerichtig der vorgesehene Auftrag für den Gesandten Hentig zum Teil überholt sein.

Irak

Der Großmufti ist mit Hilfe der italienischen Gesandtschaft in Teheran mit einem italienischen Paß nach Italien geschmuggelt worden. Das Auswärtige Amt (Konsul Melchers) habe gleichgerichtete Anregungen seinerzeit für Deutschland mit der Begründung abgelehnt, dass der Rücktransport der deutschen Frauen und Kinder dadurch gefährdet werden könne.

Der irakische Ministerpräsident el Gailani sei immer noch in der Türkei. Die türkische Regierung habe el Gailani erklärt, dass sie ihm keine offizielle Ausreiseerlaubnis geben könne, aber zu verstehen

gegeben, dass sie nichts dagegen habe, wenn er unerlaubt reise. Unsere Botschaft in Ankara bringe es aber seit Wochen nicht fertig, ihn nach Deutschland zu bringen. Unser Vertrauensmann ist deshalb immer mehr der Überzeugung, dass die Deutsche Botscnaft diese Reise sogar sabotiert. Sie wolle anscheinend irgendeine deutsche Unterstützung in Berlin für die arabische Frage verhindern, um später auch der Türkei irakische Gebiete zuschanzen zu können. Die Stimmung unter den Arabern sowie die Stimmung des Ministerpräsidenten el Gailani sei deshalb denkbar ungünstig. Gailani wisse nicht mehr, was er von Deutschland halten solle.

Deutsche Botschaft in Ankara

Botschaftsrat Kroll hätte bei seinem kürzlichen Besuch in Berlin als Ansicht der Botschaft erklärt, dass die Türkei sich sicherlich so lange abwartend verhalten würde, bis deutsche Truppen im Iran ständen. In dem Falle sei jedoch anzunehmen, dass die Türkei freien Durchmarsch deutscher Truppen durch die Türkei aber auch nicht mehr gestatten würde. Bei dieser Einstellung ist es nicht recht zu verstehen, weshalb die Deutsche Botschaft in Ankara die Bestrebungen von Nuri-Pascha unterstützen will.

Berlin, den 4. November 1941

Aktennotiz

Betr.: Turkestan.

Von unserem Vertrauensmann wurde mir am 3. Nov. mitgeteilt:

Gesandter von Hentig ist inzwischen in Berlin eingetroffen, der bisher Verbindungsoffizier beim A.O.K im Süden war. Gesandter Hentig ist nunmehr mit dem Studium der panturanischen Fragen beauftragt worden.

Genaue Pläne über das Vorgehen liegen noch nicht vor. Gesandter Hentig sei z.Zt. damit beschäftigt, Vorschläge auszuarbeiten.

Auf meine Frage, welche Zielsetzung diese deutsche Arbeit haben soll, wurde mir erklärt, dass man durch die Interessierung der Türken an der panturanischen Frage eine Stärkung der deutsch-türkischen Beziehungen zu erreichen hoffe.

Auf meine weitere Frage, ob irgendwelche Zusagen an die Türkei beabsichtigt seien, wurde mir erklärt, dass Nuri Pascha

keinerlei Zusagen bisher gemacht seien, dieser deshalb inzwischen enttäuscht nach der Türkei zurückgefahren sei.

Die Türkei selbst würde zweifellos jede territoriale türkische Forderung in turkmenischen Gebieten als absurd ansehen. Die Wünsche der Türkei wären etwa auf Mossul und Aleppo, evtl. auch Baku begrenzt.

Es käme also mehr darauf hinaus, den Türken kulturelle und propagandistische Einflüsse zur Wiedererweckung ihres Nationalgefühls in den turanischen Gebieten einzuräumen. Nach den Mitteilungen des Gesandten Hentig hätten die Bolschewiken sehr weitgehend bei den turanischen Völkern jedes Gefühl der Zugehörigkeit zu den Turkvölkern wie zum islamischen Glauben erstickt. Dieses Volkszugehörigkeitsgefühl müsse also erst wieder geweckt werden. Gesandter Hentig stehe auf dem Standpunkt, dass man eine derartige Propaganda ohne die Türkei direkt machen solle. Unser Vertrauensmann fügte dabei hinzu, dass in dem Falle jedoch der politische Zweck des Auftrages, nämlich die Türkei hierdurch stärker zu fesseln, nicht erreicht würde.

Zur Durchführung dieser Pläne soll, wie schon berichtet, der Gesandte Hentig der ständige Verbindungsmann zu Excellenz Nuri Pascha sein. Exc. Nuri Pascha und der türkische General Erkeles seien die beiden führenden Persönlichkeiten in der panturanischen Frage in der Türkei. General Erkeles sei bekanntlich einer der beiden türkischen Generale, die jetzt im Führerhauptquartier und an der Ostfront waren. Erkeles schiene die massgebendere Persönlichkeit von Beiden zu sein. Er habe unserem Vertrauensmann gegenüber behauptet, dass sich schon verschiedene Volksgruppen der einzelnen turanischen Völker in der Türkei gebildet hätten. Diese Gruppen seien zu einem Komitté zusammengefasst, das von General Erkeles und Exc. Nuri Pascha geleitet wird. Die gesamte Mitgliederzahl würde von General Erkeles auf etwa 100.000 Mann angegeben.

Als Verbindungsoffizier bei der Südarmee habe Gesandter Hentig festgestellt, dass die Wehrmacht schon sehr weitgehend die aus Turkmenistan stammenden Sowjetgefangenen in Sondergefangenenlagern zusammengefasst habe. Darüberhinaus seien schon von den einzelnen Volksgruppen, wie Usbeken, Tadschiken usw. Kompanien aufgestellt worden. Unser Vertrauensmann glaubt jedoch, dass das Schwergewicht jeder deutschen Aktivität in dem panturanischen Problem im wesentlichen über die in der Türkei sich aufhaltenden aktiven Emigranten gehen werde.

Es bleibt also abzuwarten, welche Vorschläge der Gesandte Hentig ausarbeitet. Dabei scheint man also tatsächlich davon auszugehen, dass man deutscherseits die gefährliche Frage der Aktivierung der großtürkischen Idee selbst direkt oder indirekt in die Hand nehmen will.

Dipl. Ing. Walter H. Schweitzer

Turkestan

Betr.: Englands Interesse an Turkestan.

Grossbritannien war seit der Errichtung des Indischen Kaiserreiches stets bestrebt, das Glacis zur Verteidigung dieser wertvollsten Kolonie zu vergrössern. Es war gezwungen, das Vorfeld gegen jeden auftauchenden grossen Gegner zu schützen, sogar zu erweitern. So kam es zur Annexion von Belutschistan, zu den drei afghanischen Kriegen, zur Unterstützung Sinkiangs in seinem Freiheitskampfe gegen China und zeitweise Russland, zur Botmässigmachung von Tibet, ja, im vergangenen Jahrhundert zur Einmischung in die zentralasiatiscnen Eroberungspläne Russlands. Nach dem Zusammenbruch des Zarenreiches sah England es als seine Gelegenheit an, die turkestanischen Aufständischen (Basmatschi) in ihren Selbstständigkeitbestrebungen zu unterstützen, und liess sich auf Unterhandlungen mit den Führern der einzelnen Aufständischen ein. Diese selbst rechneten mit einer Unterstützung ihrer Bestrebungen durch England, da sie wohl wussten, wieviel Grossbritannien an der Erweiterung des Glacis um Indien gelegen war.

Gegenwärtig hat Grossbritannien sein Vorfeld um Indien, durch den deutschen Druck von Westen, bis an den Kaukasus erweitert, wobei die Besetzung Nordirans durch die Sowijets sicher als unvermeidliches Übel und nur als vorübergehend in Kauf genommen wurde.

Ein Zeichen der englischen Sorge um dieses Vorfeld ist, dass den Deutscnen in Afghanistan der freie Abzug gewährleistet wurde, da man damit den Russen jede Handhabe nehmen will, sich auch in Afghanistan einzudrängen. Man kann den Russen eben nicht vor den Toren Indiens dulden.

England erwartet ebenfalls den russischen Zusammenbruch, wird dem aber nicnt tatenlos zusehen, sondern zu handeln wissen.

Die Verbindung über Iran nach der UdSSR geht zugleich über Turkestan, den Teil, der bis in die jüngste Zeit die Loslösung von Russland anstrebte. Es ist mit grösster Wahrscheinlichkeit anzunehmen, dass England bestrebt sein wird, Turkestan zu besetzen, um sein Vorfeld um Indien abzurunden. Dabei wird es, das Chaos in der UdSSR als Vorwand benutzend, auftretende Freiheitsbestrebungen unterstützen.

Der einzige Weg, - nach Abzug der Deutschen aus Afghanistan - den Briten wirksam entgegenzuarbeiten, bleibt allein die aktivste Vorantreibung der Schaffung einer Freiheitspartei unter dem Kriegsgefangenen. Nur in und durch Deutschland hervorgerufener Fanatismus der Turkestaner, einen eigenen freien Staat zu begründen, verspricht den notwendigen Einsatz und die Erweckung der Treue zum Reiche, zugleich schärfste Gegnerschaft gegen England. Man kann mit Sicherheit annehmen, dass beim Zusammenbruch der militärischen Widerstandskraft der Sowjets die verschiedensten Gruppen vorsuchen werden, eine neue politische Meinungsbildung in Turkestan zu erreichen. Dabei ist zu erwarten, dass es Bestrebungen geben wird, deren politische Ziele zwischen den Extremen des reinen Nationalismus und des Kommunismus schwanken werden. In dem einsetzenden Kampfe unter- und gegeneinander kann sich nur eine solche Gruppe durchsetzen, die die Belange Gesamt-Turkestans wahrnimmt und über eine grosse Schlagkraft ihrer Aktivisten, sowie vollkommen einheitliche Führung verfügt.

Es ist daher notwendig, mit Nachdruck an der Aktivierung der Gefangenen zu arbeiten.

14.11.41

Abschrift

Oberkommando der Wehrmacht *F.HI.Qu., den 17.11.1941*

W.F.St./Abt.L. (IV/Qu)
Nr. 002738/41 g.Kdos.

Betr.: Aufstellung einer türkischen Legion

An den Reichsministcr für die besetzten Ostgebiete
zu Hd. Herrn Gauleiter Meyer

Durch anliegendes Gesuch eines sowjetischen Kriegsgefangenen und auch durch die Anregung des türkischen Generals Erkilet, der kürzlich die Ostfront besuchte, veranlasst, hat der Führer die Aufstellung einer türkischen Legion aus sowjetischen Kriesgsgefangenen türkischer Abstammung angeordnet.

Hierzu werden die Kriegsgefangenen türkischer Abstammung von den übrigen Kriegsgefangenen abgesondert und sorgfältig ausgewählt werden. Die Legion soll die deutsche Uniform mit Anzeichen ihrer Volkstumszugehoririgkeit tragen. Sie soll später ausschliesslich im Kaukasusgebiet eingesetzt werden.

Die zuständigen Dienststellen des Oberkommandos der Wehrmachtund des Heeres haben Anweisung für Aufstellung der Legion erhalten.

Der Chef des Oberkommandos der Wehrmacht
I.A.
gez. Warlimont

1 Anlage

Abschrift /T
der Abschrift

Übersetzung

Gesuch des früheren Kommandeurs der Abteilung fur Autostrassen des baltischen Wehrkreises Kriegsingenieur Abo-Ali-Oglu Dudangincky-Fatalibeile, z.Zt. im Gefangenenlager Molwotizy.

An den Führer des Grossdeutschen Reiches, Adolf Hitler

Ich bin auf die Seite der deutschen Armee als Vertreter der türkischen Volksgruppe übergegangen, um für die Befreiung meines Volkes vom Bolschewisten-Joch zu kampfen. +) Die Okkupation des uns werwandten Iran durch englisch-sowjetische Truppen haben meinen Haas gegen die Engländler und Bolschewisten noch verstärkt. Ich bin stets Verehrer Ihrer heiligen Theorie gewesen, die dem brudermörderischen Marxismus ein Ende bereitet hat.

Ich bitte Sie um Genehmigung, aus den Reihen der Gefangenen eine Legion der türkischen Volksgruppe aufstellen zu dürfen. Falls diesem Gesuch nicht stattgegeben werden kann, bitte ich um Erlaubnis, als einfacher Soldat in den Reihen der deutschen Wehrmacht kämpfen zu dürfen. Ich will mich dafür einsetzen, dass meine Heimat Baku und das gesamte Aserbaidshan-Gebiet nie mehr bolschewistisch wird und nie in die Finger der von der ganzen Moslim-Welt gehassten Engländer, die ihre schmutzigen Hände auf Ölvorkommen von Baku legen wollen, gerät.

Ich bin fest davon überzeugt, dass nach dem Krieg meine Heimat Aserbaidshan unter der Führung des deutschen Volkes sich bald erholt und mein teures Volk den Weg der Zivilisation und Kultur beschreiten wird.

Möge der grosse Allah den deutschen Truppen, die den Völkern Freiheit und Kultur bringen, den Weg ewig offen halten.

Abo-Ali-Oglu Dudanginsky-Fatalibeile ++)

+) Die türkische Volksgruppe bewohnt das Gebiet des autonomen Sowjetrepublik Aserbaidshan, ca. 1,3 Mill. Einw.

++) D. ist prodeutsch gesinnt, worüber seine einige Tage vor dem Kriege beendeten Entwürfe zeugen. Diese Entwürfe, 2 dicke Hefte, sind D. bei seinem Übertritt abgenommen und an A.O.K. 16 (Ende September) gesandt worden.

Dipl.Ing. Walter H. Schweitzer

T u r k e s t a n

Betr.: Verbreitung des Islams unter den Kriegsgefangenen

In Turkestan ist, wie in den anderen Teilen der UdSSR, die Ausübung des Glaubens so sehr unterbunden worden, dass der Glaube an Gott bei den Mohammedanern kaum noch zu finden war.

Ein grosser Teil der jungen Generation hat demnach keinen Unterricht in den Glaubenssätzen des Koran erfahren. Bei dem an sich vorhandenen Fanatismus der Mohammedaner ist aber zu erwarten, dass sich die jüngeren Leute vom Lande, im Gegensatz zu den Stadtbevölkerungen Turkestans, noch zum Islam bekennen.

Die Aussendung von mohammedanischen Predigern (Imams) zu den Kriegsgefangenenlagern sollte daher unternommen werden. Ein zweifacher Effekt kann damit erreicht werden.

1.) Es ist möglich, die sich zum Islam bekennenden Gefangenen von den ablehnenden zu unterscheiden, eventuell zu erfassen, vielleicht sogar abzusondern. Die Gläubigen stellen in erster Linie die für die deutsche Sache brauchbaren Elemente dar.

2.) Durch hinreissende Aufklärung und Bekehrung zum Islam können die noch ungläubigen Turkestaner nicht nur für den Islam, sondern als Folge für die nationale Freiheitsidee gewonnen werden.

In Iran fand nach dem Weltkriege durch den Schah eine Trennung von Kirche und Staat statt. Die Schwächung der Kirche wurde von England insgeheim unterstützt, da gerade das religiöse Empfinden der Bevölkerung dem britischen Einfluss im Weltkriege geschadet hatte. Die Aufgabe des Reiches ist es daher, alle Bestrebungen zur Stärkung des Islams zu unterstützen. Der Weg, dies zu tun, kann folgender sein:

Es ist unter Leitung eines bekannten und angesehenen Imams eine.

Schule zu begründen, an der auch Kriegsgefangene zu beteiligen sind. Ziel des Unterrichts muss sein, eine Anzahl von Priestern oder Laienpredigern heranzubilden, die den Gefangenen geistlichen Unterricht geben. Die Schule hat die Zustimmung und Weihe des gegenwärtig im Reich weilenden Gross-mufti von Jerusalem zu erlangen, sich also unter das Protektorat dieses Kirchenfürsten zu begeben.

Es wäre sogar an die Gründung einer rein religiösen Gemeinschart zu denken, die ihre Mitglieder, um den Grossmufti geschart, in Erbauungsstunden versammelt und im Geiste einer Wiederbelebung des Islasm beeinflusst. Daran sollten ausser Turkestanern auch andere Mohammedaner teilhaben.

Die religiöse Betreuung und Bekehrung der Gefangenen hat getrennt von der nationalen Meinungsbildung zu geschehen, um sie noch aussen hin von allen politischen Momenten unbeeinflusst erscheinen zu lassen. Zudem kommt, dass die sogenannten Aufgeklärten sich wohl zu der politischen Idee, nicht aber ohne

weiteres zur religiösen bekennen. Das an sich nötige Aufleben des Bekenntnisses zum Islam soll möglichst unbeschwert bleiben.

Die Heranziehung des Grossmufti zu einer reinen Angelegenheit des muselmanischen Glaubens gewahrt die Möglichkeit, das Reich ins Licht eines Beschützers des Islam zu setzen. Die Wirkung liegt auf politischem Gebiete.

Die Errichtung einer islamischen geistlichen Schule wäre in des Programm der Arbeiten für Turkestan aufzunehmen. Die Einzelheiten aber sind auszuarbeiten, sobald die Personen gefunden sind.

18. November 1941

Abschrift

Auf Zeichnung.
Politik.

Politische Richtlinien hinsichtlich Turkestan.

Im Zuge der Aufteilung der Sowjetunion besw. des alten Russischen Reiches in seine völkischen Bestandteile ist anzustreben, daß auch die zentralasiatischen Gebiete der Turkvölker, das heißt in erster Linie die bisherigen Sowjetrepubliken Turkmenien, Usbekistan, Tadshikistan, Kazachstan und Kirgisien abgetrennt werden. Diese Gebiete nehmen insofern eine Sonderstellung ein, als bisher ein Reichskommissariat für die Verwaltung und Betreuung dieser Gebiete nicht vorgesehen ist. Es besteht also die Gefahr, daß bei einem Zusammenbruch der Sowjetunion diese Gebiete auf sich selbst gestellt sind. Es ist fraglich, ob es dann möglich ist, die oben genannten Gebiete zusammenzufassen. Es muß auch mit der Möglichkeit gerechnet werden, daß jedes der genannten Gebiete eine eigene, selbständige Verwaltung einrichtet. Im Falle einer solchen Abschüttelung des bolschewistischen und russischen Jochs steht zu befürchten, da die Engländer von Indien, Afghanistan und den Iran aus in diese Gebiete eindringen unter dem Vorwand, der verbundeten Sowjetunion zur Niederwerfung des Aufstandes zu Hilfe zu kommen.

Wenn auch ein Reichskommissariat bisher dort nicht vorgesehen ist, so erscheint es Joch unbedingt erforderlich, daß Deutschland die politische Gestaltung dieser Gebiete und die

Wehrmacht notfalls den militärischen Schutz gegenüber England übernimmt. Es läge daher nicht im deutschen Interesse, daß dort irgendwelche Aufstände gegen die Sowjetunion losbrächen ehe Deutschland nicht diesen Schutz übernehmen kann.

Zur Durchführung unserer politischen Absichten sind folgende Maßnahmen erforderlich:

1. Es muß möglichst unauffältig ein turkestanisches Gremium in Detschland gebildet werden, das, falls erforderlich, von heute auf morgen nach Turkestan abgesandt werden kann. Die Möglichkeit hierzu ist mit Hilfe

der Kriegsgefangenen und turkestanischen Emigranten durchaus gegeben, entsprechende vorbereitende Maßnahmen sind bereits getroffen.

2. Bei der feindlichen Einstellung des Islam gegenüber England ist da die Aufgabe des Reiches, alle Bestrebungen zur Stärkung des Islam zu unterstützen. Die Aussendung von mohammedanischen Predigern (Imams) zu den Kriegsgefangenenlagern muß daher unternommen werden. Das Bekenntnis zum Islam deckt sich fast durchweg mit dem Bekenntnis zum Nationalismus. Ablehnung des Islam bedeutet vielfach Hinneigung zum Bolschewismus.

Zur Erreichung dieses Zieles muß unter Leitung eines bekannten und angesehenen Imams eine Schule gegründet werden, an der auch Kriegsgefangene zu beteiligen sind. Ziel des Unterrichts muß sein, eine Anzahl von Predigern oder Laienpredigern heranzubilden, die den Gefangenen geistlichen Unterricht erteilen. Die Schule hat die Zustimmung, und Weihe des gegenwärtig im Reich weilenden Groß-Mufti von Jerusalem zu erlangen, sich also unter das Protektorat dieses Kirchenfürsten zu begeben. Die Heranziehung des Croß-Mufti gewährt die Möglichkeit, das Reich ins Licht des perschützers des Islam zu setzen. Große politische Erfolge könnten hiermit er zielt werden.

3. Die sogenannte Panturanische Idee ist mit allen Mitteln zu bekämpfen. Trager dieser Idee ist nicht die gegenwärtige türkische Regierung, wohl aber ein nationalistischer türkischer Kreis, der sich um Nuri Pascha, den Bruder von Enver Pascha schart. Die Panturanische Bewegung erstrebt eine Zusammenfassung aller Turkvölker unter dem Protektorat der Türkei. Sie führt zwangsläufig dazu, daß nicht nur die zentralasiatischen Staatsgebilde, sondern auch Azerbeidschan mit Baku in die bestrebungen einbezogen wird, ebenfalls Batum, für dessen Besitz auch historische Gründe (bis 1878 türkisch) ins Feld geführt werden können. Der Besitz von Batum und Baku würde ohne weiteres zu der Forderung führen, daß

auch die Verbindung zwischen den beiden Stadten mit der wirtschaft lich so überaus nichtigen transkaukasischen Bahn und Naphtarohrleitung, in türkischen Besitz kommen müssen. Damit wäre die Brücke zwischen, der Türkei und Zentralasien herbestellt, ganz Transkaukasien mit seinen wertvollsten Volk, den Georgiern, aber für Deutschland verloren gegangen.

Es liegt keineswegs im deutschen Interesse, in der Flanke der Reichskommissariate Ukraine und Kaukasien eine derartige Großmacht entstehen zu lassen.

Nach einer Mitteilung des OKW vom 17. November hat der Führer angeordnet, eine türkische Legion aus sowjetischen Kriegssgefangenen türkischer Abstammung aufzustellen. Die Anregung hierzu ist von dem türkischen General Erkilet ausgegangen, der kürzlich im Führerhauptquartier zu Besuch war. Es mußs genauestens darauf geachtet werden, daß diese Legion aus Aserbaidschanern und Krimtataren aufgestellt wird. Es würden zwar keine Bedenken dagegen bestehen, auch aus den zentralasiatischen Turkvölkern solche Formationen zu bilden, jedoch wären diese von der türkischen Legion schärfstens getrennt zu halten, damit nicht der Panturanischen Bewegung ungewollt Vorschus geleistet wird.

In diesem Zusammenhang darf nur nebenbei erwähnt werden, daß es zweckmäßig sein wird, die türkische Legion auch nur in Azerbaidschan zu vorwenden. Eine Vorwendung in Georgien wurde von den kulturell erheblich höher stehenden Georgiern als tiefe Kränkung aufgefaßt werden. Eine Verwendung in Armenien müßte bei den abgrundtiefen Haß beider Völker gegeneinander zu großen Schwierigkeiten und wahrscheinlich nach altbekannter Art zu Metzeleien führen.

Nachdem man sich entschlossen hat, aus den Azerbeidschanern eine Hilfstruppe aufzustellen, müßte das Gleiche aus Georgiern und Armeniern geschehen. Ich beabsichtige, diesbezüglich mit dem OKW zunächst unverbindlich in Fühlung zu treten.

Berlin, den 25.11.1941
Dr. Br./Kr.

Приложение 11. Первый экземпляр приказа ОКВ относительно состава Туркестанского и кавказско-магометанского легионов из числа советских военнопленных (PA, 965)

Geheime Reichsfache

Ref.: LR. Kramarz
Pol 1 M 3713 gRs.

11 Ausfertigungen Dies ist Nr. 1

Betrifft: Aufstellung von Freiwilligenverbänden aus sowjetischen Kriegsgefangenen.
-W.F.St.Abt.L (IV/Qu) Nr. 003113/41 gKdos.-

Das OKW. hat am 22.12.41 in Abänderung der bisher erlassenen Bestimmungen hinsichtlich der Aufstellung von Freiwilligenverbänden aus sowjetischen Kriegsgefangenen einen neuen Befehl erlassen und dem Auswärtigen Amt zur Kenntnis zugesandt. Von den Inhalt dieses Befehls ist politisch interessant:

I. Das OKH. hat aufzustellen:

1) Eine "Turkestanische Legion", bestehend aus Angehörigen folgender Volksstämme:

Turkmenen, Usbeken, Kasachen, Kirgisen, Karakalpaken und Tatschiken.

2) Eine "Kaukasisch-mohamedanische Legion", bestehend aus Angehörigen folgender Volksstämme:

Aserbaidschaner, Dagestaner, Inguschen, Leskier und Tschetschen.

Verteiler:
Büro RAM
Botschafter Ritter
U.St.S. Pol.
Dg. Pol.
Gesandter Eisenlohr
Botschaftsrat Hilger
Pol. V
Pol. VII
R.

Rf.: LR Kramarz

Berlin, den 17. Dezember 1941

Pol.I.M.3597 gRs
Hergestellt in 7 Ausfertigungen
Dies ist Nr.1

Geheime Reichsfache

A u f z e i c h n u n g.

In der Anlage lege ich eine Anordnung des Wehrmachtsführungsstabs, betreffend Aufstellung einer kaukasischen Legion aus sowjetischen Kriegsgefangenen, vor.

In dem Zusammenhang darf darauf hingewiesen werden, dass nach den Berichten der V.A.A.'s bei den einzelnen AOK's sowjetische Kriegsgefangene der verschiedensten Volkszugehörigkeit mit besten Erfolg als Hilfskräfte (Fahrer, Burschen usw.), teilweise sogar in geschlossenen und bewaffneten Formationen (Kosakenschwadrohen) zur Partisanenbekämpfung eingesetzt werden.

Abschrift zu Pol.I.M. 3597 gRs

Geheime Reichsfache

Die in der Bezugsverfügung angeordneten Vorbereitungen für die Aufstellung einer kaukasischen Legion sind über die bisher vorgesehenen sowjetischen Kriegsgefangenen aus dem Gebiet der Republik Azerbaidschan hinaus auf die übrigen Turkvölker - insbesondere Turkestaner, z.B. Kasacken, Turkmenen, Usbeken, Idel-Uraler usw. - und auf die Georgier, Nordkaukasier und Armenier auszudehnen. In Abänderung der Bezugsverfügung sind die Angehörigen dieser Volksstämme zunächst nur zu erfassen und in getrennten Lagern zusammenzuziehen, eine Entlassung aus der Gefangenschaft ist jedoch noch nicht durchzuführen. Sie sind dagegen besonders zu betreuen und verbessert zu verpflegen.

Über die Aufstellung von turkstämmigen und anderen Legionen folgt Sonderbefehl.

OKW/WFSt/Abt.L (IV/Qu)
Nr. 002992 g.Kdww

Приложение 12. Переписка Ваннзееского Института с Институтом Арбайтсгемайншафт Туркестан (BA, R 58/305), а также донесения агента DI/5k, адресованные рейхсфюреру СС, от 8 декабря 1944 года (BA, NS 31/27)

Tgb. Nr. 809/44 *Berlin W 9, den 16. Mai 1944*

1) Tgb.
2) Schreiben.
An die Arbeitsgemeinschaft Turkestan
Dresden A 1
Am Taschenberg 3
Betr. : Arbeiten über Turkestan.
Der Leiter des Wannsee-Institute Professor Achmetali teilt mit Schreiben vom 11.5. mit, dass im Wannsee-Institut bereits während der Arbeit in Berlin eine Ausarbeitung über den geschichtlichen Werdegang Sowjet-Turkestans begonnen worden sei, die bereits recht weit fortgeschritten ist.
I.V.

Berlin w 9, den 17. Mai 1944.
822/44 -
Potsdamerstr. 29/11

1. Tgb. eintr. Telefon: 22 3526
2. Schreibe

An die
Arbeitsgemeinschaft Turkestan
Dresden A 1
Am Taschenberg 3

Betrifft: Arbeiten über Turkestanische Fragen.

Durch die Geschäftsstelle der Volksdeutschen Forschungsgemeinschaften wurde hier ein Bericht über die Tagung der Zentrale für Ostforschung im Januar a.J. bekannt. Daraus ist zu entnehmen, dass bei der Fachgruppe Völkerpsychologie folgende Forschungsarbeiten, die Turkestan betreffen, geplant sind:

1.) "Die seelinche Resonansfähigkeit der Turkvölker der Sowjetunion auf das großrussische Volk und die Sowjetordnung".

2.) "Die seeliche Resonansfähigkeit der mittelasiatischen Völker der Sowjetunion auf das großrussische Volk und die Sowjetordnung".

Bearbeiter für diese Themen sind noch nicht genannt. Näheres über dieses Arbeitsverhaben wäre vielleicht über Professor Dr. Hippins, Prag zu erfahren. Es wird vorgeschlagen, mit diesem Verbindung aufzunehmen, unter ..... Darauf, dass auf der Tagung der Zentrale für Ostforschung in Prag die genausten Forschungsvorhaben erwegen wurden. Über den Ausgang dieser Angelegenheit wird um Mitteilung gebeten.

I.V.

(Dr. v. Hohn)

925/44 *Berlin, den 2. Juni 1944*

1)Tgb.
2) Schreiben

An die Arbeitsgemeinschaft Turkestan
z.Hd.v.SS-Obersturmführer Dr. Olzscha
Dresden A 1
Am Taschenberg 3

Betr.: Wissentschaflische Zusammenarbeit in Turkestan-Fragen mit den einschlügigen Dienststellen des OKH.

Bezug: VI G B.Nr.925 und 925a/44.

Der Gruppenleiter VI G bittet, in Zukunft Durchwehläge derartiger Schreiben nicht ihm persönlich sondern mir zur Kenntnisnahme zu übersenden.

I.V.

Berlin, den 26. August 1944

An die
Universitätbibliothek Krakau

Betr.: Tatarische, turkestanische und aserbaidschanische Literatur.

Diensrbereich der vom Reichführer SS errichteten Reichs.....weg für Länderkunde werden für ein ausserordentlich

legendes Schulungsprogramm die ehemahligen Zeitschriften der osttürkischen Emigration "Milli Yul", "Yasch Turkestan" und "Kurtulug" benötigt. Es wird gebeten, eine komplekte ..... der genannten Zeitschriften den mit der Beschaffung ..... Bibliotheker Jannsen auszuhändigen. In Anbetracht .....-tigkeit des Vorhabens wird um schnellstmögliche .....digung gebeten.

Im Auftrug

SS-Obersturmführer

Berlin, den 2. Sept. 1944

1.) Schreibe:
An die
Arbeitgemeinschaft Turkestan
z.Hd.v. Herrn Medizinalrat Dr. Olzscha

Dresden A 1

Am Taschenberg 3

Betr.: Eröffnung der Mullah-Schule.
Es wird gebeten, der Reichsstiftung für Länderkunde z.Hd. des Unterzeichneten zäglichst frühseitig das genaue Datum der geplanten Eröffnung der Mullah-Schule in Dresden mitzuteilen.
In Vertretung
gez.Leo
2.) s.d.A. VI G.

Berlin, den 9. Nov. 1944

1.) Schreibe:
An VI G 3
z.Hd.v. SS-Sturmbannführer Schubaek
in Hause

Betr.: Spezialschulung einer Gruppe von vier Mann des Amtes VI durch die Forschungsstelle Orient.
Anlg.: - 1 -

Soeben lief hier ein Bericht des Herrn Dr. Lerch aus Tübingen ein, in welchen er Einselkeiten über eine Spezialschulung einer

Gruppe von 4 Mann des Amtes VI bei der Forschungsstelle Orient in Tübingen mitteilt. Über diese Spezielschulung war hier bisher überhaupt nichts bekannt. Es wird um Rückäusserung gebeten, ob dort etwas in der Angelegenheit verliegt. Das Schreiben Lerchs ist beigefügt. Um Rückgabe des Originale wird gebeten.

gez. L e o SS-Obersturmführer
2.) z.d.A. VI G.

Abschrift

Der Reichsführer-SS *Berlin-Grunewald, 9.12.44*
SS-Hauptamt - Amtsgruppe D *Erdenerstr. 7*

Betr.: Abberufung von Kriegsgefangenen für den Osttürkischen und Kaukasischen Waffenverband der SS
Bezug: Besprechung mit Chef Kgf.Ws. (Obltn.v.Welsin) an

I. Vermerk

Mit Chef Kriegsgefangenenwesen wurde nochmals festgelegt, daß alle Werbungen durch die Osttürkischen und Kaukasischen Leitstellen ausschließlich mit der Einschaltung des SS-Hauptamtes erfolgen. Die Komitees bezw. Verbindungsstäbe geben über ihre Leitstellen die Namen der Kommissionsmitglieder bekannt, woraufhin über SS-Hauptamt, Amtsgruppe D, Antrag auf Erteilung von Passierscheinen für Werbung in den Kriegsgefangenenlagern gestellt wird. Werbung erfolgt in Zivil, Begleitung soll nach Möglichkeit durch einen Osttürkischen bezw. kaukasischen Waffenführer zwecks Einführung bei den Kommandanturen der Stalags erfolgen. Die listenmäßig erfassten Freiwilligen werden sodann an Gen.d.Frw.Verb. oder SS-Hauptamt zwecks Abruf für die betreffenden Einheiten abgegeben.

Chef Kgf.Ws. stimmte der Anregung von DI/5k zu, daß bei den osttürkischen und kaukasischen Kriegsgefangenen auf eine Werbung versichtet wird, wenn die Zahl der in einem Stalag befindlichen nicht-russischen Kriegsgefangenen bekannt ist. Chef Kgf.Ws. wird auf Antrag von DI/5k alle in einem genau bezeichneten Stalag befindlichen nicht-russischen Kriegsgefangenen intoto zur Leitstelle des Osttürkischen oder Kaukasischen Waffenverbandes abberufen, wo die Aussonderun der Nichtgeeigneten und ihre erneute Abberufung in ein Zentralstalag

erfolgen soll. Es ist beabsichtigt, daß auf diese Weise kurzfristig samtliche bekanntgewordenen osttürkischen und kaukasischen Kriegsgefangenen abberufen werden und die für den Waffendienst geeigneten Kriegsgefangenen in besonderen Stalag konzentriert werden. Durch diese Regelung wird gleichzeitig erreicht, daß die Umsetzung der zurzeit über sämtliche Stalage verstreuten Kriegsgefangenen vershiedener Volkszugehürigkeit auf einzelne Stalags erfolgte.

Chef Krg.Ws. macht bekannt, daß am 9.12. 3.000 Mann im Rahmen der Wlassow-Aktion aus den Kriegsgefangenenlager geworden werden sollen. Da DI/5k befürchtet, daß die Werbung durch die 6 Wlassow-Kommissionen so erfolgt, daß auch Nicht-Russen registriert werden, wurde um Einbau von Sicherungsmaßnahmen gebeten. Chef Kgf.Ws. sah die vorgebrachten Gründe ein und ließ sofort Fernschreiben an die Kommandeure der Kriegsgefangenenlager in den 6 infragekommenden Wehrkreise ergehen.

Sinngemäßer Inhalt der Fernschreiben

"Die Werber für die Wlassow-Division dürfen ausschließlich Russen werben. Versuch der Registrierung von Nichtrussen ist rücksichtslos zu unterbinden!"

Chef Kgf.Ws. wies darauf hin, daß bis März 1945 alle Werbungen im Rahmen der Wlassow-Aktion verboten worden sind, mit Ausnahme der Werbung durch die 6 Kommissionen in den Wehrkreisen, die durch die oben erwähnten Fernschreiben entsprechend gewarnt worden sind. Die Erfassung von Nichtrussen durch die Wlassow-Werber ist dadurch unmöglich. Es wird angeregt, daß DI/5k gelegentlich Mitteilung von den Plannungen innerhalb der Abteilung Ost der Amtsgruppe D erhält, da die Unterredung mit Chef Kgf.Ws. am 8.12. nur beiläufig den Beginn der Wlassow-Werbung unter Kriegsgefangenen erfuhr und sich nur zufällig im sachlichen Interesse einschalten konnte.

II. DI/5 - SS-Obersturmbannführer Dr. Arlt - m.d.B.u.K.
III. zurück an DI/5k
Zum Umlauf:

Приложение 13. Письмо Президента ТНК Вели Каюма рейхсфюреру СС Гиммлеру от 14 октября 1944 года (BA, NS 31/30)

National-Turkestanisches Einheitskomitee
Der Präsident
Veli Kajum-Chan

Berlin, den 13.Oktober 1944

17.Okt.1944
Sonnabend d. 14. Okt. 1944

An den
Reichsführer SS. Reichsinnenminister
Herrn Heinrich Himmler
Berlin.

Die jahrzehntelangen Bestrebungen und Kämpfe des turkestanischen Volkes verfolgen die Wiedererlangung seiner Unabhängigkeit, seiner historischen Rechte und seiner geschichtlich nationalen Räume. Der Kampf der Freiheit, den wir seit 60 Jahren führen, die vielen Opfer die wir brachten und die vielen Gefallenen verlangen von uns, dass wir das Interesse Turkestans uns unentwegt vor Augen halten. Es sollen heute nicht umsonst tausende Turkestaner an der Seite Deutschlands stehen und ihr jugendliches Leben lassen. Die gefallenen und die heute kämpfenden Turkestaner haben an Deutschland und seinen Führer geglaubt, haben Vertrauen geschenkt und gehofft, wie Freunde behandelt zu werden.

Unser Bestreben, unser Wunsch ist Freiheit und Selbständigkeit Turkestans.

Wie kam es zu diesem Vertrauen an Deutschland und wie entstanden die turkestanischen nationalen Kämpfer auf deutschen Boden?

Seit 18 Jahren, sogar seit 20 Jahren bekenne ich mich zu Deutschland, ich trachte das Schicksal der turk- und islamischen Völker, mit Deutschland zu verbinden, denn Deutschland ist der Freund dieser Völker. Denn Deutschland ist uns gegenüber nie feindlich hervorgetreten oder hat imperialistische Forderungen an uns gestellt. Daher genießt Deutschland in den Augen des turkestanischen Volkes eine besondere Achtung.

Turkestans geopolitische Lage bildet das Zentrum und so auch

eine Brücke zwischen Osten und Westen. Die Geschehnisse und Ereignisse in Turkestan wirken sich auf seine islamischen Völker besonders aus. Turkestan, die Wiege der Türken, Stätte der islamischen Kultur, spielt mit seinen 20 bis 25 Millionen Einwohnern, die alle Antirussen sind, eine Rolle. Man sah Deutschland, als Feind des Moskowitischen Imperialismus und das turkastanische Volk glaubt an seine Verbundenheit mit Deutschland. Nur Deutschland so glauben die Turkestaner Sonnen bei der Erkämpfung und Erlangung der Freiheit Turkestans behilflich sein. Wir wissen dass mit dem Hervortreten des Führers Adolf Hitler eine neue politische Epoche in der ganzen Welt begonnen hat. Die Idea von Blut, Boden von Rasse und Freiheit der Völker sind von Deutschland ausgegangen, um vom Führer Adolf Hitler geschaffen worden. Hier lohnt sich, dass man Vertrauen schenkt wie wir dem Führer des deutschen Volkes vertraut haben und unser Schicksal in seine Hände gelegt haben.

In meinem gesamten politischen Kampf, den ich seit 1925 führe, habe ich die Notwendigkeit einer Zusammenarbeit der turkestanischen und türkischen und islamischen Völker mit Deutschland festgestellt und bin in diesem Sinne aufgetreten, besonders seit 1932/1933. Die gesamten türkischen und islamischen Völker müssen mit Deutschland zusammengehen und mit Deutschland zusammenhalten. Denn in Deutschland ist eine neue Idee geboren und die Probleme können nur von Deutschland gelost werden.

Als im Jahre 1941 Tausende und Abertausende Turkestaner auf die deutsche Seite übergingen, versuchte ich sofort alle diese jungen Menschen für unsere gemeinsame Sache zu gewinnen und sie in diesem Sinne zu erziehen. Diese hunderttausende Turkestaner zu charakterfesten zielbewussten, treuen und kampferischen Soldaten gemacht werden, um sie gegen unseren gemeinsamen Feind entgegentreten zu lassen.

Bereits 3 Monate nach Kriegsausbruch zwischen Deutschland und Russland bestanden turkestanische Legionäre und nach 5 Monaten zogen die ersten turkestanischen Bataillone Feld. Batl. 1/450, gegen den Feind, sie trugen das Emblem „Gott mit uns" auf dem rechten Arm und hatten bereits ihre nationale turkestanische Fahne bekommen. Durch die Bildung der turkestanischen Legion brach in Deutschland ein in der Geschichte Turkestans nie dagewesenes Ereignis ein, begann eine neue historische Epoche. Seit 1941 konnten turkestanische Nationalisten den Kampf um ihre Freiheit fortsetzen, den Kampf der Väter, den sie seit 60 Jahren

kompromisslos gegen die Moskowitischen Imperialisten führten. Diese Soldaten kämpften mit voller Überzeugung, dass das Recht auf ihrer Seite ist.

In der Geschichte und im Leben Turkestans traten die Rus- sen immer als Imperialistische Eroberer und Unterdrücker auf, daher wird niemals ein Verständnis mit Russland möglich sein, denn Russen sind uns gesiinnungsgemäss, ideemässig, rassemässig fremd und abstossend. Mit Russland bindet uns nichts. Das Blut der Väter, dass durch russische Säbel und Dolche vergossen wurde, steht mahnend vor unseren Augen.

Ein neuer Abschnitt des Lebens der Turkestaner begann am 14. November 1942, als das National-Turkestanische Einheitskomitee seitens Deutschland als oberste Instanz In turkestanischen Belangen anerkannt wurde. Das Komitee hat es verstanden, alle Turkestaner an sich zu reissen und stehen heute geschlossen alle Turkestaner für dieses Komitee ein. Diese Geschlossenheit wurde besonders anlässlich des l. Turkestanischen Nationalkongresses im Juli 1944 zum Ausdruck gebracht und durch das Führertelegramm, welches direkt an den Präsidenten des National-Turkestanischen Einheitskomitees gerichtet war, band uns aneinander noch fester, und wuchs die Kampffreudigkeit. Mit großer Begeisterung kehrten die Delegierten, die von allen Fronten kamen, zurück und teilten die Beschlüsse des Komitees und den Inhalt des Führertelegramms ihren Kameraden mit.

Seit 3 Jahren kämpfen turkestahische Bataillone, Regimenter und Divisionen an allen Fronten, in Stalingrad, in der Kalmückensteppe, in den Wäldern Mittelrusslands und im Kaukasus. Viele dieser Bataillone sind von Feinde vernichtet worden. Die 162. Turk.Inf.Div. kämpft in Italien und ist ihre Tapferkeit im Wehrmachtsbericht rühmend bekanntgegeben worden. In Frankreich stand während der Invasion eine turkestanische Legion und 8 Bataillone. Wir kennen noch nicht ihr Schicksal, wir haben keine Meldungen was aus innen geworden ist und ist auch die Zahl der Verluste uns nicht bekannt. Turkestanische Bataillone stehen in Griechenland und in den Niederlanden, weitere kämpfen auf den Balkan, turkestanisches SS. Regiment schlug sich tapfer im Osten.

Das Fundament dieser Kampffreudigkeit ist die Befreiung Turkestans von russischen Imperialisten. Diese kämpfenden Turkestaner wurden von Russen gequält, geschlagen, ihre Väter kamen in den kalten Zonen Russisch-Sibirien um. Tausende und Abertausende starben in den Kellern NKWD,

Millionen Turkestanern starben durch Hungersnot, unzählige wurden erschossen, weil sie Nationalisten, waren d.h. gegen Russland waren. Die Geschichte Turkestans gab dem turkestanischen Volke den nationalen Charakter und sie verlangt Treue zu unserer Idee. Wir bitten daher Deutschland auf Grund unserer Anschauungen und unseres Glaubens an Deutschland die Erfüllung unserer Wünsche.

1.) Bekanntgabe der Selbständigkeit Turkestans und die Zusicherung von Hilfe auf militärischen, politischen Gebiet, sowie bei der Schöpfung eines nationalen sozialistischen, traditionsgebundenen Staates bei der Festlegung der alten, historischen ererbten Grenzen.

2.) Anerkennung der turkestanischen Volksarmee als selbständige Armee des turkestanischen Volkes seitens der Reichsregierung.

3.) Die Interessen des turkestanischen Volkes und seiner Armee werden weiterhin offiziell von dem National-Turkestanischen Einheitskomitee vertreten.

4.) Offizielle Anerkennung und Publikation des National-Türkestanischen Einheitskomitee als diplomatische Vertretung Turkestans seitens der Reichsregierung.

Die Stellung der Turkestaner zur russischen Frage ist eindeutig und klar umrissen. Die Turkestaner sind nicht Feinde Russlands, solange Russland sich nicht in turkestanische Angelegenheiten einmischt und an Turkestan terrotiale Forderungen stellt. Die Versprechungen, die aus den Munde eines Russen kommen, welcher Partei und Farbe er auch angehört, haben im Auge der Turkestaner keinen Wert, man glaubt ihnen nicht, denn zuviele schöne Parolen hörten wir 1917 aus dem Munde Lenins, Radeks und Lunatscharsckis und schon vorher vernahmen wir aus dem Munde Kerenskis ähnliche in demokratische Farbe getünchte Parolen, zuletzt versprach 1940/43 Stalin dieselben Freiheiten, jetzt kommt Herr Wlassov an die Reihe. Er spielt die Rolle Kerenskis. Das National-Turkestanische Einheitskomitee weiss und begrüsst dass eine rein russische Armee gebildet wurde, Vlassov soll auch die Führung übernehmen, damit er sich endlich für die Befreiung seines Landes einsetzt. Wir sind nicht dagegen, wenn Vlassow als Führer der russischen Frelheitsbewegung herausgestellt wird. Er kam aufgrund der Tatsachen im Namen des russischen Volkes auftreten. Es kann möglicherweise auf den Russen eine Wirkung ausüben, aber niemals soll er

als Führer der in der Sowjet lebenden nichtrussischen Völker

auftreten, denn alle nicht russischen Völker wie z.B. die Turkestaner durchschauen Vlassovs jetzige Konföderationspolitik. Sie wissen genau, dass Vlassov nur eine getarnte russische imperailistische Politik treibt und das sogar auf deutschen Boden. Die turkestanischen Soldaten von der Front schrieben und schickten Delegationen und wollen wissen was hier geschieht. Eis jetzt haben 20 - 25000 Turkestanern im Laufe von 7 Tagen Anfragen über das turkestanische Schicksal an mich gerichtet. Sie sind empört über die am 4. und II. Oktober in Nowoje Slowo erschienenen in merkwürdiger und überschwenglicher Form/

gemachten Äusserungen Vlassovs. Es entstand eine Unruhe in der kämpfenden Truppe.

Was ist heute wichtiger, als an der Stabilisierung unserer Kräfte zu arbeiten und die Kampffreudigkeit unserer Soldaten zu stärken? Oder soll der Glaube unserer Soldaten an Deutschland zertrümmert und vernichtet und unser nationales Bestreben verlacht werden?

Alle turkestanischen Soldaten seien sie aus Feldbataillonen, Baubataillonen, Arbeitsbataillonen oder muselmanischen SS. Regimentent, können nicht verstehen, dass Vlassov im Namen Turkestans spricht.

Die kämfenden turkestanischen Soldaten bitten die Reichsregierung uns nicht dem Russen auszuliefern.

Die Soldaten meinen, wenn man durch diese Aktion bezweckt die Bote Armee zu zersetzen und die Russen zu besiegen , indem man Vlassov als Führer und Fürsprecher aller Volker auftreten lässt, so schweisst man die Rote Armee nur fester zusammen, denn er proklamiert die „Freiheit", der nicht russischen Völker und die Zerstückelung Russlands. Diese Proklamation muss den Russen abstossen, denn das Denken des RUSS n ist imperialistisch.

Vlassovs Aktion scheint uns darauf auszugehen, als ob er noch fanatische Bolschewiken und Feinde Deutschlands erziehen möchte.

Ich bitte den Reichsführer SS und Herrn Reichsinnenminister unsere Nationalen Belange zu berücksichtigen und den Kampfgeist der turkestanischen Soldaten , die an allen Fronten kämpfen zu achten und seine Entscheidung von diesen Gesichtspunkt aus zu treffen. Sobald Vlassov in irgendwelcher Form über uns Vollmachten bekommt, verlieren Sie das

Vertrauen aller Turkestaner und weiterer 80 - 90 Millionen nichtrussischer Völker.

An allen Fronten, wo nichtrussische Völker wie Turkestaner, Kaukasier, Idel- Ural, Türken kämpfen, fühlen diese sich dann in

ihrem nationalen Belangen beleidigt und die Rückwirkung wäre ungünstig.

Im Kongress des National-Turkestanischen Einheitskomitee im Juni 1944 habe ich mich klar und deutlich zu den russischen Fragen geäussert. Wir begreifen die deutschen Bestrebungen in der russischen Angelegenheit jedoch sollen die russischen Angelegenheiten nicht auf Kosten von Türkestanern gelögst, sondern muss ein anderer Ausweg gefunden werden.

Wir sind bereit, nachdem alle unsere Rechte von Ihrer Seite anerkannt sind, auf Einladung der Vertreter der Reichsreglerung und derem Vorsitz mit gleichen Rechten und Pflichten mit Vlassov stattfindenden Konferenzen, die von Zeit zu Zeit stattfinden, teilzunehmen.

Der Kampfgeist des turkestanischen Soldaten kann nur dann gewahrt werden, wenn turkestanische Angelegenheiten auf bisheriger Easis geführt werden. Vlassov sollte nur die Leitung der russischen Fragen haben und nur im Namecn von Bussen auftreten.

Veli Kajum-Chan

Der Präsident
des National-Turkestanischen Einheitskomitees.

Приложение 14. **Выдержки из стенографической записи высказываний Гитлера о завоевательных планах фашистской Германии** (в части, касающейся советской Центральной Азии)

Из книги В.И.Дашичева "Банкротство стратегии германского фашизма". М., 1973. С.62 – 63, 66 – 67.

8 – 9.9.1941 г.

Когда мы будем осваивать русское пространство, то "имперские крестьяне" должны будут жить в селениях выдающейся красоты. Немецкие административные и прочие учреждения должны размещаться в прекрасных зданиях, а губернаторы – во дворцах. Вокруг учреждений будет построено всё то, что необходимо для жизни. А вокруг каждого города, в

радиусе 30-40 км, будут кольцом располагаться красивые деревни, соединённые первоклассными дорогами. Всё, что лежит за пределами этого кольца, - иной мир, где мы разрешим русским жить так, как они хотят. Лишь бы мы господствовали над ними. В случае какой-то революции нам будет достаточно сбросить на их города пару-другую бомб – и вопрос решён. Раз в год мы будем провозить через столицу империи партию киргизов, чтобы в их сознании запечатлелись мощь и величие каменных памятников этого города.

11.4.1942 г.

Если русские, украинцы, киргизы и т.д. научатся читать и писать, то это может нам лишь повредить. Ибо подобные навыки дали бы возможность самым способным из них получить определённые знания в области истории и, следовательно, прийти к размышлениям политического свойства, остриё которых было бы неизбежно направлено против нас.

С точки зрения шефа, было бы разумнее установить в каждой деревне громкоговоритель, чтобы таким путём информировать людей о новостях и дать им пищу для разговоров; это лучше, чем допустить их к самостоятельному изучению политических, научных и т.п. сведений. И пусть никому не приходит в голову передавать покорённым народам по радио сведения из их прежней истории. Передавать следует музыку и ещё раз музыку! Ибо весёлая музыка способствует прилежной работе…

…Самая большая глупость, которую можно допустить в оккупированных восточных областях, добавил шеф, - это дать в руки покорённым народам оружие. История учит, что все господствующие народы погибли, разрешив покорённым народам доступ к оружию.

Можно даже сказать, заключил шеф, что передача оружия покорённым народам есть необходимое и достаточное условие для гибели господствующих народов. Поэтому мы должны обеспечивать безопасность и порядок на всём оккупированном русском пространстве собственными силами. Следовательно, оккупированные восточные области должны быть пронизаны сетью военных баз. Все немцы, живущие на этих территориях, должны будут иметь контакт с базами, т.е. ощущать свою персональную связь с ними. Кроме того, базы нужно строить с таким расчётом, чтобы, опираясь на них, немецкая

колонизационная политика могла в соответствии с перспективными планами обеспечить образование всё более мощного национального немецкого клина в покорённом нами пространстве.

Приложение 15. Относительно Вели Каюма. Характеристика, данная немцами (BA, NS 31/43)

Berlin, den 26.1.45.

Betr.: K a j u m

1. Zur Person:

K. kam 1922 mit einer Gruppe Turkestaner unter Führung von Prof. Idris nach Deutschland. Studierte hier Landwirtschaft, ohne jedoch ein Diplom zu erwerben. Als politischer Aktivist ist K. nicht hervorgetreten, in der nationalistischen turkestanischen Emigration ist, er unbekannt. Er ist mit einer Deutschen verheiratet, was ihn aus rassischen und religiösen Gründen sehr in seiner Eigenschaft als Sprecher der Turkestaner behindert.

2. Politische Laufbahn:

Der führende turkestanische Nationalist Tschokay organisierte in Deutschland erstmalig zusammen mit dem Ostministerium die turkstämmigen Kriegsgefangenen. Tschokay hatte Kajum als deutschsprachigen Gehilfen genommen. Als Tschokay in einem Kgf-Lager an Fleckfieber erkrankte und starb, wurde Kajum vom Ostministerium als Sprecher der Turkestaner und später zum Präsidenten des Komitees bestellt.

Kajum schaltete zunächst alle übrigen nationalen turkestanischen Emigranten an der Mitarbeit aus, die sich daraufhin nach der Türkei wandten. Dieser Bruch mit der nationalistischen turkestanischen Emigration hat den deutschen Sympathien Abbruch getan und vor allem den nachrichtendienstlichen Interessen geschadet. Wiederholte Vorstellungen führender turkestanischer Nationalisten beim A.A., Ostministerium usw. wollten aufzeigen, dass Kajum für die ihm zugedachte Rolle nicht geeigent sei und stets seinen persönlichen Ehrgeiz vor die allgemeine Sache stelle. Deutschlands Stellung 1942 war so überlegen, dass man über derartige Warnzeichen hinwegsehen konnte. Der gesamte deutsche

Machtapparat wurde Kajum zur Verfügung gestellt, um seine Position zu festigen. Kajum erhielt volle Handlungsfreiheit und Vertrauen, auf seinen Wunsch wurden ihm unbequeme Personen ausgeschaltet, oder beseitigt. Um seine Stellung auch äusserlich zu heben, erhielt er Diplomatenpass und Wagen.

3. Politiscnes Programm:

Kajum vertritt offiziell das vom Ostministerium für die deutsche Politik verbindlich festgelegte Programm: Einigung der fünf Stämme Turkestans mit dem Ziel der Schaffung eines unabhängigen Turkestans. Es gibt niemand - weder unter Deutschen noch Turkestanern - der dieses Einigungsprogramm nicht betrüsst und unterstützt. Da Kajum jedoch mit dem ihm vorgeschriebenen und von ihm übernommenen Einigungsprogramm keinen Erfolg hatte und die Stammesgegensätze sich unter seiner Führung immer mehr verschärft haben, sind von verschiedener Seite Vorschläge gekommen, um diese Einigung zu verwirklichen.

Kajum fasst alle Versuche, ihm bei seinen Einigungswerk zu helfen, feindselig auf, da er eine Einengung seiner diktatorischen Stellung befürchtet. Es muss festgestellt werden, dass das turkestanische Komitee bereits vor einem Jahr zu zerfallen drohte, und ein Teil der heutigen Mitarbeiter von Kajum nur deshalb noch bei der Stange gehalten werden konnte, weil sie durch die Einschaltung der SS eine Gesundung ihrer nationalen Arbeit und damit des Komitees erhofften.

Wenn man Kajum heute erneut unumschränkt herrschen lassen will, so bedeutet dies die Ausschaltung der Mehrzahl aller Nichtusbeken. Dieses Experiment muss das turkestanische Komitee zum Zerfall bringen.

4. Die Taktik von Kajum:

Kajum ist Emigrant und kennt die veränderte Mentalität seiner Landsleute zu wenig um sicher zu sein, wem er Vertrauen schenken kann. Um sich einen auf seine Person eingeschworenen Mitarbeiterkreis zu schaffen, bedient er sich zweier Methoden:

a) Geldzuwendungen und Bestechungen

b) Heranziehung von Leuten nur seines eigenen Stamms.

Sein Programm der Einigung alter turkestanischer Stämme kann Kajum aber nur erreichen durch Beteiligung auch der Kazachen, Kirgisen, Turkmenen und Tadschiken. Obwohl in das Komitee formal Vertreter dieser Gruppen aufgenommen worden sind, greift Kajum als Usbeke bei seinen verantwortlichen Mitarbeitern nur auf

Usbeken zurück. Wenn sich Nichtusbeken darüber beschweren, so werden sie als

Bolschewiken oder Separatisten denunziert, strafversetzt oder eingesperrt. Kajum spricht vom einigen Turkestan, meint damit aber nur die ihm nahe stehenden Usbeken, da er sich keine Gefolgschaft unter den nichtusbeken (über 3/4 alter Turkestaner) erringen kann. Nur gelegentlich kann er mit grosseren geldlichen Zuwendungen hier nachhelfen.

Diese ungesunde, nur auf den deutschen Vollmachten beruhende Stellung ist offensichtlich. Die Kajum nachgerühmte deutschfreundliche Gesinnung ist nicht ausreichend, wenn er die ihm gestellte Aufgabe der Einigung aller Turkestaner nicht bewältigen kann. (Ein Vergleich aus dem Deutschland des 19. Jahrhunderts: die Preussen würden Deutschland einigen Wollen, würden dabei aber alle Ämter in Bayern, Ostmark, Sachsen usw. mit Berlinern besetzen und verdächtigten alle Nichtpreussen, die sich über eine solche Regie unzufrieden zeigen, als Separatisten.

5. Krisen im turkestanischen Komitee 1943/44:

Da Kajum die Turkestaner unter seinem Namen einigen wollte, als Gehilfen aber nur Usbeken und bezahlte Kreaturen benutzt, die jungen Turkestaner andererseits in der SU. gleichberechtigt unter einander waren und hier nicht unter die Herrschaft der Usbeken geraten wollten, blieben die nationalbewussten und verantwortlich denkenden Turkestaner unbefriedigt. Besonders die nachrichtendienstliche Arbeit mit turkestanischen Aktivisten und Agenten liess erkennen, dass sie nur der allgemeine Hass gegen den Bolschewismus, keineswegs aber die Liebe zu der ihnen aufgezwungenen Führung zu den gefährlichen Einsätzen bewog.

Obwohl Kajum ausser seiner kleinen Clique keinen Anhang hat, musste es ratsam erscneinen, ihn als Präsidenten zu belassen und nur dafür zu sorgen, dass sein Mitarbeiterstab und seine politische Taktik auf die tatsächlichen Verhältnisse bei den Turkestanern Rücksicht nahmen.

Kajum ist niemals auf die Vorschläge eingegangen, die eine Konsolidierung seines Komitees hatten erreichen können. Diese ablehnende Haltung ist nur verstandlich durch seine Sorge, dass die ihm eingeräumte diktatorische (und finanzielle Machtstellung durch ihm ebenbürtige Mitarbeiter beschnitten werden könnte. Beispiele: Kajum liess 1943 einen Kazachen als Bolschewiken verhaften, weil er Vorschlage zur Verbreiterung der nationalen Plattform und Intensivierung der Propaganda eingereicht hatte. Nachdem seine Unschuld erwiesen wurde, machte er ihn zum Generalsekretär des

Komitees, um eine vom SD geplante anderweitige Verwendung zu hintertreiben. - Kajum hat Ende 1944 einem Kirgisen insgesamt 7000 RM. ausgezahlt, damit er einem angesehenen anderen Kirgisen und alten Bekannten von Wlassow (aus dessen Chinazeit) als Bolschewiken denunziert. - Kajum hat dem Turkmenen Kurban, der ihn ständig auf die eigennützige Stammespolitik hinwies, zunächst mit Geldmitteln zum Schweigen gebracht. Nachdem Kurban sich neuerdings in Rahmen der Wlassow-Aktion zur Mitarbeit bereit erklärt hat und mit einigen SS-Führern (nicht etwa Hstuf. Dr. Olzscha) Verbindung hatte, verlangte Kajum neuerdings von Obergruppenführer seine Verhaftung. Dieses Ma-növer ist besonders niederträchtig, weil die Wlassow-Aktion vom Obergruppenführer selbst gesteuert wird und Kurban lediglich in dieser Eingelegenheit mit der SS Verbindung hatte.

6. Stützung von Kajum:

Trotz aller schweren Mangel von Kajum hat sich Hstuf. Dr. Olzscha seit einem Jahr jeder Entwicklung entgegengestemmt, die zum Zerfall des Komitees und zur Erschütterung der Stellung von Kajum zu führen drohte. Die unzufriedenen Elemente wurden durch Intensivierung der Propaganda und durch Rükbe-sinnung auf die gemeisame Wurzel von Sprache, Geschichte, Kasse und Islam aufgefangen. Die Schaffung von eigenen Waffengruppen für die Turkstammigen sollte ein ausseres Zeichen für diesen Gesündungsprozess darstellen.

Alle drei Turk-Komitees waren bereits vor drei Monaten bereit gewesen, mit Wlassow zusammen zu arbeiten wenn Hstuf. Dr. Olzscha nicht durch die ihm diktierte Zurückhaltung behin-dert worden wäre. Auch das geplante umorganisierte turkestanische Komitee mit Kajum an der Spitze hatte sofort einen Verbindungsmann zu Wlassow abgestellt, nachdem die Tataren und die Krimtürken schon dazu bereit waren.

Da Dr. Arlt im engen Einvernehmen mit Prof. von Mende an dieser Entwicklung kein Interesse hatte, blieb die Planung von Hstuf. Dr. Olzscha auf dem Papier, Kajum blieb Wlassow-feindlich und die letzte Entwicklung zeigt, dass sogar die in Gang gekommene Einigung der turkestanischen Stimme durch systematische Denunzierung des Sachbearbeiters hintertrieben werden konnte. Durch saubere Kleinarbeit war es im Rahmen des SS-Hauptamtes gelungen, die vier kaukasichen und die drei turkvolkischen Komitees soweit zu beeinflussen, dass nach Befehl von Obergruppenführer Berger jede Richtung hatte eingeschlagen werden können, zumal eine gleichlaufende Entwicklung auch bei

General Breiw. Verbände und WPr sicher-gestellt worden war. Infolge von Missverständnissen auf einen winzigen Sektor des Gesamtgebietes, zu denen der Sachbearbeiter überhaupt nicht gehört worden ist, erfolgte nun die Zerschlagung dieses Apparates. Die Frage "cui bono" dürfte die an dieser Entwicklung Interessierten und Schuldigen schnell entlarven.

7. Der Fall Alimow:

a) Alimow ist nie Offizier gewesen, sondern - ebenso wie Nazarow - ein Günstling von Hauptmann Willig. Nach eigener Angabe soll er seinen Weg zum Waffenführer mittels § 175 gemacht haben.

b) Alimow soll zusammen mit Nazarow bereits vor Warschau Überlaufabsichten geaussert haben. Beim Wiener Kongress hat Nazarow ebenfalls davon gesprochen. Zeugenaussagen liegen darüber vor.

c) Alimow hat nur Usbeken um sich geduldet und alle anderen Turkestaner (über 3/4) ausgeschaltet. Er war deshalb kein geeigneter Führer einer alle Stämme umfassenden Waffengruppe Turkestan. Alle hinweise hierauf sind unbeachtet geblieben. Waren nicht alle Führer des Regiments Usbeken gewesen, ware kein Überlauf zustande gekommen.

d) Alimow beschwert sich, dass in Berlin unbewahrte Führer befordert worden seien. Das ist eine Lüge. In Berlin sind lediglich eine Reihe vom Komitee vorgeschlagener ehemaliger Offiziere eingestuft worden, die zum Regiment stossen sollten. Es handelt sich hierbei um insgesamt sieben nichtusbekische Führer. Von den 17 Führern, die mit Alimow übergelaufen sind, waren 15 Usbeken, um ein gerechtes Gleichgewicht zu schaffen, hatten demnach mindestens 50 anderstammige Führer ernannt werden müssen.

e) Kajum hat sich noch kurz vor dem Überlauf warm für Alimow eingesetzt. Die Erklärung ist einfach: Kajum ist Usbeke, sein engster Mitarbeiter und Sonderbeauftragter Dr. Karimi ist Usbeke, der Leiter seiner Militäranteilung Hait ist Usbeke, seine Propagandachefs Scharki und Schermat sind Usbeken, sein Pressechef Achmed-jan ist Usbeke - sein engster Mitarbeiter bei der SS war Alimow mit seinen 15 usbekischen Offizieren (darunter ein Jude), der Verbindungsmann von Alimow zu Kajum war der Usbeke Nazarow.

f) Kajum stellt das Überlaufen von Alimow im Ostministerium als Protest gegen die Wlassow-Aktion hin. Dies ist eine üble Provakation und soll das SS-Hauptamt belasten. Bei Obergruppenführer Berger

stellt Kajum dagegen den Alimow als sympathischen, tüchtigen, aber in seinem Ehrgeiz gekränkten jungen Mann hin. Auch dieser Entlastungsversuch ist leicht zu durchschauen, da Kajua sich mit seinem Schützling bisher ja immer identifiziert hat und ihn samt seinen Spiessgesellen noch in der Dezembernummer seiner Zeitung grossartig herausgebracht hat. Die Unzuverlässigkeit von

(Текст существует в архивах в незавершённом виде. – Б.С.)

Приложение 16. Докладная майора Андреаса Майер-Мадера о магометанских легионах (BA, NS 31/43)

Major Maier-Mader

Berlin, den 15.12.43

Von September 1941 an wurden die ersten Teile (Turkestaner, Aserbeidschaner) der mohamedanischen Legionen in Zielonka bei Warschau aufgestellt. Bis Herbst 1942 waren gegen 50 mohamedanische Batl. aufgestellt und weitere waren in Aufstellung.

Seit Anfang Mai standen die ersten Batl. in Einsatz gegen die Partisanen im besetzten russischen Gebiet (bei Brijansk).

Die Angehoerigen der turk-mohamedanischen Voelker schlugen sich vorzueglich und es kamen keine Faele vor, dass Leute ueber oder wegliefen.

Dass der von uns bishierher eingeschlagene Wegrichtig war bewiess die Tatsache, dass von der zweiten Haelfte das Jahres 1942 an die Russen die Angenoerigen dieser Voelkerschaften, denen sio ja nie getraut hatten, aus der vordersten Front herauszogen.

Da aber der Bolschewismus diese grosse Gefahr, die ihn aus seiner Flanke (Zentralasien) drohen koenne schon seit Jahren vor dem Kriege zu verringern suchte, war er sich sehr schnell bewusst, dass diese Gefahr nunmehr tatsaechlich akut geworden war. Gewoehnt auch ruecksichtlos gegen sich selbst eine Gefahr zu bannen begann der Bolschewismus sofort mit seinen———leider so schnell erfolgreichen Gegenmassnahmen.

1. Aufstellung eigener nationaler verbaende mit Fuehrern bis zum Divisionsgeneral. Dieses bedeutete eine voellige Umdrehung seines bisherigen Kursus in den mohammedanischen Laendern.

2. Sofortigeg Einsetzen der notwendigen Propaganda in Zentralasien und in Deutschland.

Wenn diese Gegenmassnahmen des Bolschewismus so schnell wirken konnten so hat er es in erster Linie der verstaendnisvollen Mitarbeit der deutschen Dienststellen zu verdanken. Die Turkvoelker Russlands sind Asiaten keine Europaeer also haben sie nach eine andere Mentalitaet.

Die heutigen Turkvoelker sind die Abkoemmlinge zweier uralter Kultur und Eroberernnationen, die natuerlich auch den entsprechenden Kriegerstolz besitzen.

Bei der Aufstellung der Turk-Batl. in grossem Masstabe hat man von Seiten der deutschen Diensstellen auf die oben erwaehnten Tatsachen Keinerlei Ruecksicht genommen, da man sie einfach nicht kannte. Man hat die fuer die Turk-Batl. bestimmten Deutschen nicht sorgfaeltig ausgesucht und vor allen Dingen nicht auf sich freiwillig meldende zurueckgegriffen, sondern einfach Leute kommandiert.

Wer mit Asiaten arbeiten will, muss Liebe zu dieser Arbeit mitbringen. Weiterhin hat man die kommandierten deutschen Offiziere und Mannschaten in keinerlei Weise durch Schulungskurse ueber die Kultur und Geschichte der Turkvoelker aufgeklaert und unterrichtet. Als natuerliche Folge betrachtete der Deutsche die Mohammedaner nicht als solche sondern als Bolschewisten, als ehemalige Kriegsgefangene. und stellte daraufhin auch sein ganzes Benehmen und die Behandlung der Turkvoelker ab, selbst gegen die ernannten Turkoffiziere geschah das Gleiche, so dass man von Offizieren schlechtweg einfach nicht reden kann. Es gab und gibt also in den ganzen Turk-Batl. keine einheimische Fuehrerschicht. Aus dieser Grunde fehlte den Turk-Batl. tatsaechlich jeder innere Halt. Sie waren also schon allein dadurch jedem aeusseren Einfluss schutzlos ausgesetzt worden.

In den Komp. gab es in Durchschnitt 150 Mohammedaner und 8-15 Deutsche, die infolge des gegenseitigen Nichtverstehens, auch sprachlich nicnt verstehens zwei Lager bildeten.

Bis Herbst 1943 war die Kluft zwischen beiden Lagern so gross geworden dass sich die Unzufriedenheit der Turkleute aktiv zu betaetigen begann, da sie wie oben erwaehnt schutzlos den Einfluessen der feindlichen Propaganda ausgesetzt waren. Infolge der voelligen Unkenntnis der deutschen Stellen und weil kein Kontakt zwischen den beiden Lagern vorhanden war standen die Deutschen untaetig beiseite. Nur die Auswirkungen dieser Unzufriedenheit wurden auf das schaerfste bestraft ohne dass man in

der Lage war resp. sich die Muehe machte die inneren Gruende zu erforschen. Dass die nominnel durch die deutschen Strafgesetze gerechtfertigten Strafen nur die Erbitterung steigern konnten muss jedem Kenner ohne weiteres einleuchten, zumal die eigentlichen

Drathzieher nur in den seltensten Fuellen gefasst werden konnten. Die Turkvoelker stehen nunmehr seit ein und einen halben Jahr im Einsatz, Tausende sind gefallen oder verwundet worden. Trotzdem muss nun-mehr festgestellt werden, dass die gegnerischen Massnahmen gegen die drohende Gefahr wenigstens vorlaeufig vollkommen erfolgreich gewesen sind. Der Bolschewismus ist heute wieder in der Lage Mohammedaner fuer sich bluten zu lassen, waehrend die auf deutscher Seite suchenden mohammedaner aus dem Osten herausgezogen werden mussten und in inner steigen dem Masse in Arbeits-Batl. verwandt werden. Auch dieses muss die Verbitterung der kriegerischem Turkstaemme nur noch mehr vergroessern.

Das Ziel der Englaender und Russen ist natuerlich, und muss es sein, moeglichst viel Mohammedaner gegen die Deutschen zu treiben, da jeder gefallene Deutsche und Mohammedaner fuer sie zaehlt. Unsere Feinde wis-sen genau, dass die Interessen des Islams und Deutschlands paralell laufen (genau so wie augenblicklich die Interessen Japans und Deutsch-lands). Mit Ausnahme der Tuerkei sind alle islamitischen Laender mehr oder weniger Kolonien der Russen, Englaender oder Franzosen. Je mehr Mohammedaner also in Dienste unserer Feinde fallen je groesser wird die Macht unserer Feinde in den islamitischen Laendern und wird die Kraft Deutschland abgenutzt.

Hier muss nun in letzter Stunde die richtige Propaganda einsetzen, um die beiden natuerlichsten Verbuendeten die es ueberhaupt geben kann nicht restlos zu trennen. Wenn es auch noch genug einsichtsvolle Mohamme-daner gibt die trotz aller Miissgriffe der deutschen Dienststellen die einzige Hoffnung des Islams im Zusammengehen mit Deutschland sehen, so genuegt dieses nicht mehr. Die Masse der einfachen Leute urteilt nach dem Augenschein und den Tatsachen. Da sie falsch behandelt werden muessen sie im Deutschen den feind sehen. Nach dem heutigen Stand wird jeder dieser Leute wenn er nach Hause kommen sollte ein hundert Prozentiger Probagandist gegen Deutschland und dadurch unbewusst ein solcher fuer den Bolschewismus werden. Es muss also neben der Probaganda auch praktisch gehandelt werden, um dem einfachen ihn zu zeigen, dass Deutschland im Islam den ebenbuerdigen Freund und Bundesgenossen sieht, gewillt ist zu

sehen. Das einzige zugkraeftige Mittel im praktischen Sinne ist die Aufstellung einer Turk-Mohammedanischen Division, mit mit einheimischen Fuehrern bis vorlaeufig einschl. Batls-Kommandeuren. Fehler muessen ge-macht werden um zu lernen. Es ist fuer das deutsch-islamitische Verhaeltnis jedenfalls besser, dass ein nicht hundert prozentig erfahrener einheimischer Fuehrer Fehler macht um selbst Erfahrung zu sammeln, da er mindestens infolge der Zuverlaessigkeit der Truppe in der Lage sein wird ueberhaupt zu handeln. Was nuetst dann wie wir gesehen haben ein erfahrener deutscher Fuehrer der sich infolge des Zustandes der Trup-pe, hervorgerufen durch die falsche Behandlung, ueberhaupt nicht ge-trauen kann zu handeln, da ihm die Truppe aus der Hand geglitten ist.

Diese Division wird ein einheimisches Fuehrerkorps mit Korpsgeist haben. Der einfache mann wird schnell erkennen, dass er durch seine Fuehrer geehrt wird da diese geehrt werden. Die Schaffung des einheimischen Offizierskorps wird jeden anspornen, da er erkennen muss, dass es jeden Tuechtigen moeglich ist Fuehrer zu werden im neuen Heer. Diese Division soll allen Turk-Mohammedanern eine Heimat bedeuten solange die eigentliche Heimat noch versperrt ist. Jeder Mann wird schnel wissen es gibt eine Stelle wo ihm Recht werden kann, er wird sich infol-gedessen im fremden Lande nicht mehr fremd vorkommen und beginnen dieses deutsche Land nicht mehr mit feindseeligen Augen zu betrachten wie bisher, da er wusste er ist in diesen Lande rechtlos mit der einzigen Pflicht zu bluten.

Die Division soll das Kraftfeld werden, dass allmaehlich alle kaempferischen Turk-Mohammedaner aufsaugen soll und von diesen Kraftfeld soll die Kraft ausstrahlen die es ermoelicht die Mohammedaner in Russ-land zu erfassen. Auch dort muss der Mann erkennen lernen, dass es der eigenen islamitischen Sache schadet solange noch ein Mohammedaner in den russischen Reihen fuer den Bolschewismus blutet.

Nur der Mann der um der Ehre und um seines Volkes willen kaempft also aus der Division hervorgehen muss wird zu dieser Arbeit befaehigt sein.

Приложение 17. Отчет штандартенфюрера СС Гарун эль-Рашида о ходе и последствиях событий в восточно-тюркских соединениях в связи с дезертирством Алимова из немецкой армии (BA, NS 31/29)

Bericht

über die Entwicklung des Osttürkischen Waffen-Verbandes der SS von Warschau bis Überlauf Alimow und über die aus dieser sich ergebenden Folgerungen.

I.

Im Verfolg meiner dem Reichssicherheitshauptamt erheblich früher eingereichten Ausführungen in den osttürkischen Dingen und meines Einsatzes als Verbindungsführer zwischem Reichssicherheitshauptamt und seiner Eminenz dem Großmufti wurde ich von dem damaligen SS-Obersturmführer Dr. O l z s c h a gefragt, ob ich bereit sei, die Führung des geplanten Verbände zu übernehmen. Nach längerem Überlegen habe ich mich dazu bereit erklärt.

Bereits damals und in der ersten schriftlichen Fassung war festgelegt, daß der damalige SS-Obersturmführer Fürst mir beigegegen wird. Damals bereits wurden mir von SS-Hstuf.Dr.Olzscha und SS-Ostuf. Fürst die tollsten Geschichten berichtet über Vorgang Mayer-Mader, der mir als der "deutsche Lawrence" geschildert wurde, und den damaligen Hauptsturmführer Herrmann, gegen den Hstuf. Fürst scharf frontmachte. Ich konnte mir über die tatsächliche Lage kein Bild machen und beschloß, einerseits objektiv in die Prüfung der Verhältnisse beim Ostmuselmanischen SS-Rgt. Nr. 1 einausteigen, andererseits im Rahmen des Erdenklichen von "alten Kamellen" mich frei zu halten.

Ich enthalte mich auch heute jedwoder Stellungnahme und jedweden Urteils.

Meine erste Aktion war meine Entsendung zum Ostmuselmanischen SS- Regiment Nr. 1, die darauf fußte, daß in diesem schwere Mißstimmung herrschte aufgrund des Zusammenschlusses mit dem Sonderregiment Dirlewanger und der Behandlungsmethoden, die aus diesem Zusammenschluss sich ergaben.

Meine Prüfung ergab:

1) Der Zusammenschluss mit dem Sonder-Rgt. Dirlewanger

war, für die freiwilligen Fremdstämmigen ehrkränkend, tatsächlich eine unzweckmassige Maßnahme. Sie war nicht nur kränkend für die Fremdstämmigen, sondern gleichermaßen für das deutsche Rahmenpersonal.

2) Jährend die Turkstämmigen mit der Behandlung durch das eigene deutsche Rahmenpersonal durchaus zufrieden waren, lagen bittere Anklagen vor gegen die vom Sonder-Rgt. Dirlewanger hineingegebenen Leute. Die Beschwerden, die sich insbesondere gegen einen SS-Hauptsturmführer Klaus richteten, mußte ich als berechtigt anerkennen. Es waren Beschimpfungen (Ausdruck Schweine), Schläge und Bewerfungen mit Schmutz an der Tagesordnung.

3) Der Geist im Regiment war durchaus erfreulich, wie ja auch durch die Leistungen des Rgts. (Erwähnung im Wehrmachtbericht) bestätigt ist.

4) Zwischen, dem Kommandeur (Waffen-Ostuf. Alimow) und dim deutschen Rahmenpersonal bestand eine ausgezeichnete Harmonie.

5) Meine Fragen btr. Zurücksetzung und schlechter Behandlung der Minderheiten (Kirgizen, Kazachen usw.), die ich an das deutsche Rahmenpersonal und - selbstverständlich mit entsprechender Vorsicht - auch an diesen und jenen Kazachen und Kirgizen richtete (Beweis: Zeugnis SS-Ustuf. Brucker), wurden durchrweg so beantwortet, daß ich eine Berechtigung zu einschlägigen Klagen, nicht annehmen konnte.

6) Daß der Regiments-Kommandeur (Alimow) ein ausgesprochen tapferer Mann war, hat er genugsam dargetan.

Seine vom deutschen Rahmenpersonal mir bestätigte proislamische Einstellung mußte ich glauben, da er die laufende Betreuung der Mannschaften durch die Mullahs befehlsmäßig festgelegt hatte. Ich mußte außerdem das auch seinen eigenen Beteuerungen glauben. In sein Herz allerdings konnte ich ihm nicht schauen.

Die Mullahs selbst bekundeten mir ihre Zufriedenheit.

So ist mein dem SS-Hauptamt zur Vorlage gegebener einschlägiger Bericht über meine Reise entstanden.

II.

SS-Hstuf. Dr. Olzscha und SS-Hstuf. Fürst hatten für den Aufzug das Verbandes als Grundprinzip das der eigenen Führung der Leute unter Beigabe nur denkbarst geringen deutschen

Rahmenpersonals festgelegt, und zwar aufgrund der Erfahrungen des Hstuf. Fürst mit eben diesen Völkerschaften. Ein eigenes Urteil in dieser Einsicht hatte ich selbstverständlich noch nicht und könnte ich ja auch nicht haben. Ich war zudem an die mir gegebenen Richtlinien gebunden.

Bei den einschlägigen Verhandlungen mit dem SS-Führungshauptamt habe ich deshalb - Beweis muß durch Obersturmbannführer Blume und Sturmbannführer Weber zu erbringen sein - mich ausgesprochen zurückgehalten und Hstuf.Fürst sprechen lassen. Ich habe selbstverständlich mangels eigener Erfahrung auch keine Einwände erhoben.

III.

Für die Aufstellung des Verbandes - an einen sofortigen Einsatz habe ich überhaupt nicht gedacht - habe ich, einen Truppenübungsplatz außerhalb Deutschlands empfohlen, und zwar aus zwei Gründen:

1) Von vornherein wurde betont, daß auf einem deutschen Trupenübungsplatz kein Platz vorhanden sei.

2) Bei meiner Kenntnis der gesteigerten Erotik dieser Leute fürchtete ich rassische Komplikationen. So kam der Aufstellungsraum Slowakei zustande.

Leider aber stellten sich hier zwei Momente ein:

a) Auch hier auf Truppenübungsplatz kein Raum; also Verlegung in Ortschaften und damit zum Teil in Privatquartiere;

b) die Notwendigkeit sofortigen Einsatzes in der Bandenbekämpfung und damit die Unmöglichkeit exerziermäßiger und gefechtsmäßiger Ausbildung.

Die Bedeutung dieser beiden Momente steigerte sich, als Mannschaftsnachschub eintraf. In Rahmen des Möglichen aber ist geschehen, was geschehen konnte.

Im Übrigen hat, wie sowohl von General der Schutzzone Malacky wie vom Deutschen Befahlshaber in der Slowakei selbst anerkannt werden muß, die eingesetzte Truppe sowohl in ihren Sicherungsaufgaben wie in der Bandenbekämpfung sich durchaus bewährt. Die Lage war sehr bald so, daß der meinem Verbande anvertraute Bereich von Banden gemieden wurde, weil dort "die Schwarzen" lagen.

Umgekehrt: In der Zeit, wo der größte Teil meines Verbandes sich zu einem Großunternehmen außerhalb des Bereiches im Einsatz

befand, wurden die Banditen in meinem Bereich wieder frech, um ebenso, wieder zu verschwinden, als die Truppe zurückgekehrt war.

Die Praxis, die ich ja jetzt erst gewann, zeigte mir, daß der Grundsatz der Selbsführung durch die Turkstämmigen keineswegs verallgemeinert werden könne. Die eigen stämmigen Führer waren zum großen Teil qualitativ und personell zu jung. Auch Alimow zeigte seine Fehler. Er neigte zeitweilig zum Trunk und war dann unberechenbar. Im Verein mit den ihm nächststehenden Deutschen, vor allem SS-Ustuf. Schmeisser und SS-Ustuf. Lampe, und dem mir treu ergebenen Ghef-Mullah habe ich persönlich immer wieder auf ihn eingewirkt. Es muß mir auch bestätigt werden, daß diese Einwirkungen nicht ohne Erfolg geblieben sind. Im übrigen habe ich in den ersten Wochen die Truppe - abgesehen von den Einsatzerorterungen - der Führung des Rahmenpersonals überlassen müssen, weil ich selbst durch die organisatorischen und aufbauenden Arbeiten für den Begriff "Verband" zum großen Teil an das Büro gefesselt war. Da war vor allem die Notwendigkeit, die für die Verbands-Organisation dringlichst gebotenen Kräfte des Verbands-Stabes (Ia, Ib, 01, 02, IVb, IVc usw.) heranzuschaffen. Daß noch immer die KSTN. und Kriegsgliederung zunächst ja auch der Aufstellungsbefehl selbst fehlte, hat mir in dieser wie in vieler anderen Hinsicht unendliche Schwierigkeiten bereitet. Die wenigen Führer meines Stabes mußten sich auf X (Gebieten betätigen, die ihnen an sich fremd waren. Ich persönlich mußte in Dinge eingreifen, die unter normalen Verhältnissen mich gar-nicht belastet hätten.

Ich habe auch nicht immer die absolut korrekten Wege gehen können, um mir Personal zu beschaffen. Ich darf aber behaupten, daß dank rücksichtsloser Selbsthilfe der Aufbau bis an die Grenze des Allernotwendigsten gelungen ist. Auch heute freilich ist mein Mit-arbeiterstab noch längst nicht vollständig.

Ich verstehe einerseits durchaus, wenn nach dem anfänglich durch Hstuf.Fürst betonten und von mir, wie eingangs gesagt, nicht widersprochenen Grundsatz äußerster Beschränkung deutschen Personals die einschlägigen Stellen gegen Hergabe von solchen sich sträubten.

Erst mit Eintraffen des Sturmbannführer Lieberman als Ia (am 16.XI.44.) erhielt ich eine wesentliche Entlastung. Es gab vieles, was nunmehr zunächts "á jour" zu bringen war.

Diesbezüglich und bezüglich der Schwierigkeiten, die hier vorlagen-und zum Teil heute noch vorliegen, mag gegebenenfalls Stubaf. Liebermann sich äußern. Ich jedenfalls war dank dem

energischen Einsatz des Stubaf. Liebermann nunmehr freier und konnte mich den Dingen außerhalb in erhöhtem Maße widmen. Daß sich dabei diese und jene Mängel herausstellten, daß ich auch an dem personellen Einsatz Kriktik üben mußte, ist natürlich. Immer aber ist das in einer Form geschehen, die meine Beziehungen zu Alimow durchaus freundschaftlich bzw. kameradschaftlich bleiben ließen.

Ich berufe mich in dieser Hinsicht auf das deutsche Rahmenpersonal, in erster Linie auf meinen Adjutanten, SS-Ustuf. Brücker, der zahlreichen Besprechungen zwischem Alimow und mir beigewohnt hat.

Ein Moment muß ich bekunden: Wie Hstuf.Fürst seinerseits in Alimow den Exponenten vermeintlicher Unterdruckung der Minderheiten im turkistanischen Gesamtrahmen gesehen hat, so sah Alimow in ihm seinen erbittertsten Gegner. Alle meine Versuche, von diesem Gedanken ihn abzubringen, waren vergeblich. Wie Hstuf.Fürst seinerseits seine Erfahrungen mit Alimow auf frühere Vorgänge zurückführte, so Alimow umgekehrt. Es kam dieser und jener Vorfall, wo das Mißtrauen Alimow zu irrigen Schlüssen inbezug auf Hstuf.Fürst führte. Ich habe diese durch immer wiederkehrende Darlegungen und Belehrungen zu beheben gesucht.

Den Kernpunkt aber stellte die Überzeugung Alimows dar, daß Hstuf. Fürst sich, wie dies schon in früheren Zeiten geschehen sei, auch jetzt wieder bestrebe, die Einigkeit in seiner Einheit durch Aufwiegelei der Minderheiten (Kazachen, Kirgizen usw.) zu untergraben. Als Beweis dafür führte er mir an, dass Hstuf.Fürst laufend und ohne seine Genehmigung sich bestimmte Vertrauensleute aus seiner Einheit zu vertraulichen Besprechungen hole. Hstuf.Fürst seinerseits entkräftete diesen Vorwurf, indem er mir sagte, es handle sich dabei um alte Freunde von ihm, die von sich aus zu ihm kämen. Allerdings - auch im Namen Dr. Olascha's - verwies Hstuf.Fürst mich immer wieder auf die von Dr. Olzscha gegebene Richtlinie der Heraushebung von Kirgizen und Kazachen, weil diese von Alimov unterdrückt und schlecht behandelt wurden.

Das deutsche Rahmenpersonal (Ustuf.Schmeisser, Ustuf.Lampe) betönte mir aber immer vieder, auch in Übereinstimmung mit meinem Adjutanten (SS-Ustuf.Brucker), daß es sich hier nur um eine alte Idee des Hstuf.Fürst handle, die sich nicht begründe.

Trotzdem gelang es mir, mit Hilfe des Ustuf.Schmeisser Alimow zu bewegen, mir eine Reihe von Kazachen und Kirgizen usw. für Beförderungen zu Unterführern und Führern in Vorschlag zu bringen. Die Durchführung dessen sollte auf dem Wege aber die

von Hstuf. Fürst aufzubauende und zu leitende Führer-Schule kommen.

Gerade diese Führer-Schule bzw. die dabei vermeintlich zutage tretende Tendenz der Zurücksetzung der Usbeken, (Stamm Alimov) gegenüber den Minderheiten brachte eine neue und diesmal schwere Differenz auf. Alimow protestierte dagegen schriftlich. Die Liste der für den ersten Kurs der Führer-Schule bezeichneten Führer und Unterführer war von Hstuf.Fürst aufgestellt und vom Ia (Stubaf. Liebermann) genehmigt worden. Stubaf.Liebermann bafand sich in diesem Augenblick auf einer Dienstreise zum SS-Führungshauptamt in Berlin. Als ich aufgrund des Protestes Alimovs mir die Liste ansah, gewann ich allerdings auch den Eindruck, daß hier eine ausgesprochene Denachteiligung der Usbeken vorliege.

Um diese auszugleichen, habe ich zunächst Alimow aufgegeben, von sich aus nach seiner Wahl 5 weitere Anwärter, die auf meinen Befehl ein berufen wurden, mir namhaft zu machen. Damit war ein gerechter Ausgleich für die Interessen Alimows durch mich hergestellt.

Als dann Stubaf.Liebermann zurückkehrte, stellte sich bezüglich der Liste folgendes heraus: Stubaf.Liebermann hatte die Liste erst genehmigt, nachdem Hstuf.Fürst die Erklärung abgegeben hatte, es handle sich bei den zum Lehrgang Vorgeschlagenen um Leute, die ihm früher von den Regimentern namhaft gemacht worden seien. In der Tat aber waren es in der Hauptsache Leute, die Hstuf.Fürst sich von der ihm aus seiner SD-Zugehörigkeit irgendwie verbundenen SD-Institution Tepel hatte gehen lassen.

Das aber stand tatsächlich in direkten Gegensatz nicht nur zu der Meldung das Hstuf.Fürst an Stubaf.Liebermann, sondern auch zu dem Tenor des Verbands-Befehls 12/44 vom 20.XII.44., wonach bei der Auswahl der Führeranwährter auf gleichmäßige Abstellung der einzelnen Volksstämme Rücksicht zu nehmen sei.

Daß Alimow aus der hieraus ersichtlichen Tendenz neuen Haß gegen Hstuf.Fürst schöpfte und auch durch meine Interimslösung nicht zufriedengestellt war, habe ich erst später erfahren. Ich stehe allerdings auf dem Standpunkt, daß meine Lösung im Verein mit meiner Zusicherung nochmaliger Prüfung der Angelegenheit durch Stbaf.Lie-bermann ihm hätte genügen müssen.

Wenn nunmehr noch diese und jene Kleinigkeit für angebliche Miß-stimmung Alimows herangezogen wird, so bezeichne ich das als abwegig. Es war vielmehr selbstverständlich an der Zeit, daß nun allmählich die Zügel etwas straffer gezogen werden mußten, um aus der wilden Horde eine disziplinierte Truppe zu machen. Es ging hier

nicht gut an, daß man die Befriedigung der Truppe durch Kampf mit Plündern und Beutemachen weiterlaufen ließ. Alimow aber war eine zügel- und hemmungslose Natur, beseelt einerseits von fanatischem Ehrgeiz, andererseits in Verfolg seines heißen Teuperaments zu unüberlegten Affekthandlungen geneigt.

Daß er in der Eingliederung in den Verband eine gewisse Beschränkung seiner ehrgeizigen Pläne gesehen hat, ist nicht nur möglich, sondern durchaus wahrscheinlich. Seine Furcht aber, durch Hstuf.Fürst seiner Position beraubt zu werden, war jedenfalls solange unberech-tigt, als ich mindestens inbezug auf seine Stellung als Kommandeur zu entscheiden hatte. Das habe ich Alimow nicht nur einmal, sondern, oft gesagt.

Alimow wußte auch von meiner Absicht, seine Beförderung zum Hauptsturmführer einzugeben. Ich habe ihm dabei die Erklärung gegeben, daß das nicht so schnell gehe, weil nämlich die rückliegenden Beforderungen im Ostmuselmanischen SS-Regt. Nr.1 ohne Innehaltung der vorgeschriebenen Formalitäten erfolgt seien, sodass ich gezwungene sei, vor weiteren Beforderungen erst diese in Ordnung zu bringen. Um die mit Nachholung dessen verbundene Detailarbeit schaffen zu kön-nen, fehlte mir und fehlt mir auch heute noch das erforderliche einschlägige Personal.

Ernste Erschatterung brachte Alimow die Versetzung des SS-Ustuf. Lampe, mit dem er engst verwachsen war. Alimow hat dies seiner auf sein Ich beschrenkten Einstellung gemäß offenbar auch wieder als eine persönliche Zurücksetzung aufgefast. Sachlich enthalte ich zu dieser Angelegenheit mich einer Stellungnahme.

Ich kann nur sagen, daß ich Ustuf.Lampe als einen außerordentlich tüchtigen Verwaltungsmann und als einwandfreien Kameraden schatzen gelernt habe, der sich im Umgang mit den Osttürken vorzüglich auskennt.

So mag eine Reihe von umständen Alimow "erschüttert" haben. Diese Umstände mögen vielleicht auch den Augenblicksmenschen Alimow zu einem unüberlegten Schritt getrieben haben. Ob damit aber die Wurzel seines Ideenganges erfaßt ist, weiß ich nicht.

Wenige Tage vor dem Ereignis selbst, dessen Verlauf aus der Anlage 1 ersichtlich ist, erhielt ich am 22.XII.44. durch den - früher im SD eingesetzt gewesenen - Uscha. Kudbudinow eine erste Warnung. Ich habe unverzüglich den Ic-Gehilfen (Ic selbst fehlt mir auch heute noch), SS-Oscha. Pawera, hinzugezogen. Kudbudinow war außerordentlich nervös und derartig scheu und unklar, daß sowohl Oscha Pawera wie ich seinen Aussa-gen skeptisch gegenüberstanden. Er verwies auf seine an Hstuf. Dr.Olzscha

gerichtete Niederschrift. Die Übersetzung war - besonders im Verfolg der erforderlichen Vertraulichhaltung - schwierig und nahm 1 1/2 Tage in Anspruch.

Trotzdem aber hat Oscha. Pawera an nächsten Tag den SS-Uscha. Plambeck vom Regiment Alimow ins Stabsquartier zu sich befohlen und diesen über die Angelegenheit informiert. Plambeck wie auch der am gleichen Tage im Stabsquartier anwesend gewesene Ustuf.Schmeisser, der als Adjutant Alimows die Lage am besten beurteilen konnte, hielten die Bekundungen Kudbudinows für völlig unwahrscheinlich. Trotzdem hat Oscha.Pawera nach seiner Erklärung zur Vorsicht und zum Aufpassen gemahnt. Weiteres müßte der Ic-Gehilfe, SS-Oscha Pawera, selbst bekunden.

IV.

Wie dann die Ereignisse eingetreten sind und sich abgespielt ha-ben, geht aus der bekannten Anlage 1 hervor. Ich habe dem nichts hinzuzufügen, außer daß, wie meinerseits aber auch schon gemeldet wurde, die Aussagen aller Ruckkehrer übereinstimmend und eindeutig beweisen, daß

der ganze Vorgang nicht ein Vorgang "Turkistaner" und "Truppe, sondern eben ein Vorgang "Alimow und seine Clique" ist.

Die Truppe ist unter Vorspieglung ihres Einsatzes zum Kampf gegen Banditen ahnungslos hinübergeführt worden.

Ich füge die 6 charakteristischsten Aussagen der inzwischen eingetroffenen Rückkehrer bei, ebenfalls eine einschlägige Bekundung des Chef-Mullahs.

V.

Erfahrungsgemäß trägt ein, solcher Vorfall natürlich eine mehr oder minder große Unsicherheit in jede Einheit, die davon betroffen wird, und bietet für nicht absolut gefestigte Leute ein anreizendes Beispiel.

Dazu tragen speziell in diesem Raum hier noch verschiedene Momente bei:

a) In dem gesamten Raum werden in unerhörtem Maße Spirituosen verbraucht. Selbst strengste Maßnahmen vermögen, nicht zu verhindern, daß den Leuten hintenherum Alkohol zugeführt wird. Der aber wirkt verwirrend und aufreizend.

b) Die Bevölkerung hier ist zu hohem Prozentsatz keineswegs

deutschfreundlich, wohl aber mindestens "slawisch" eingestellt. Sie ist außerdem stark pessimistisch beeindruckt durch die näherrückende Russenfront. Die tollsten Gerüchte schwirren fortgesetzt herum. Die Leute der Einheiten sind nicht kaserniert, weil es an einschlägigem Raum mangelt. Sie sind zum großen Teil also ständiger Beruhrung - und damit Beeinflussung - mit der Zivilbevölkerung ausgesetzt, mit der sie sich oben- drein noch in der von allen beherrschten russischen Sprache verstandigen können.

c) Russische Agenten und Agentinnen in gesteigertem Maße sind unter die Bevölkerung gemischt und betreiben so ihre Zersetzungsarbeit.

d) Die Leute aus dem russischen Raum selbst sind dieser Beeinflussung durch die pessimistische Bevölkerung wie die russischen Agenten deshalb besonders ausgesetzt, weil sie gemäß entsprechender Taktik dieser Beeinflussung leicht auf die Idee kommen könnten, daß zurzeit für sie die letzte Chance besteht, sich zu retten und damit dem ihnen im Verein mit dem "sicheren" Untergang Deutschlands drohenden Unheil zu entgehen.

Dies also und die durch den Vorgang Alimow naturgemäß bewirkte Erschütterung hat - mindestens zunächst - Unsicherheit in die Zuverlässigkeit der Truppe getragen.

Dabei ist folgende Festellung wesentlich:

l) Unbeeinflußt und fest geblieben sind die Aserbeidjaner. Die Aserbeidjaner unter ihren, ausgezeichneten Führer, Waffen-Ostuf. Alekberli, hängen mit unerschütterlicher Liebe am Verband und auch an meiner Person.

Die Aserbeidjaner habe ich sogar neuerdings zu einem Offensiv-Unternehmen gegen eine stärkere Bande erfolgreich, eingesetzt.

Leider aber sind gerade sie diejenigen, die man meinem Verbände entziehen, im übrigen so einsetzen will, daß sie - die überzeugtesten Mohamedaner! - künftig Schulter an Schulter kämpfen sollen mit Nichtmohamedanern. Ich halte es für meine Pflicht, noch einmal vor dieser Umdisponierung zu warnen.

2) Die festgehaltenen Turkistaner, wesentlich beeinflußt durch die Mullahs und besonders durch den Chef-Mullah sowie unbedingt auch durch das mit ihnen seit langer Zeit verwachsene deutsche Rahmenpersonal unter SS-Ustuf.Schmeisser, festigen sich laufend in erfreulichen Ausmaß, nachdem die weniges Elemente, die fragwürdig erschienen, weil ihr Zusammenhang mit Alimow bekannt war, daraus entfernt worden sind.

Ich habe keine Bedenken, bei kasernierter Unterbringung diese

Einheit, die rein soldatisch wertvollste Kräfte stellt aufzufüllen und in der später vorgeschlegenen Form wiederum einzusetzen. Nur aber: Deutsche wie turkstämmigen Führer einwandfreier Qualität sind erforderlich!

Unzuverlässig haben sich aber die Idel-Ural-Tataren gezeigt. Als das Überlaufen begann, habe ich mich kurz entschlossen, die Idel-Ural-Tatarische Einheit (eine Kompanie) entwaffnen zu lassen. Dem Entgegenkommen des Generals der Schutzzone Malacky danke ich die Möglichkeit ihrer Unterbringung in der Kaserne Senica, wo sie von mitgegebenen deutschen Kräften überwacht und exerziert werden.

Ich weise hier darauf hin, daß bei den Idel-Ural-Tataren, die großenteils ihre eigene Sprache garnicht mehr beherrschen und nur noch russisch sprechen, die Russifizierung entschieden am weitesten vorgeschritten ist. Ich kann die Idel-Ural-Tataren weder als Nichtrussen noch etwa als Mohamedaner (in geringem Prozentsatz bezeichnen sie sich selbst als Christen) ansehen. Sie sind religiös vollkommen negativ, im übrigen stark bolsche- wistisch infiziert.

VII.

Was die Krimtataren betrifft, so steht mein Urteil noch nicht absolut fest. Aus den früheren Erfahrungen wäre an sich nicht allzu Gutes zu folgern. Hier aber, zur Sicherung von wertvollen Objekten eingesetzt, haben sie ihre Pflicht ordentlich, getan. Sie haben auch keinerlei Neigung zu Überlaufen gezeigt. Ich glaube, daß aus den Krimtataren, ebenso wie aus den Aserbeldjanern und Turkistanern ordentliche Einheiten zu schmieden sind. Die mohamedanisch-religiose Seite kann ich noch nicht beurteilen, zumal sie bisher in einschlägiger Richtung keinerlei Betreuung hatten.

VIII.

Ich komme dabei generell auf die Frage der politischen und religiosen Betreuung. Die islamische Überbindung vermag gute Ergebnisse, zu zeitigen bei den Turkistanern, den Aserbeidjanern, eindrucksmäßig auch bei den Krimtataren, während ich für einen beträchtlichen Teil der Idel-Ural-Tataren in dieser Hinsicht einen Erfolg mir nicht verspreche.

Mullahs habe ich bisher nur aus der Truppe erhalten köonnen. Das war für den Chef-Mullah, der ein strenger Gläubiger ist und auf seine Mullahs wesentlichen Einfluß hat, Anlaß, die von ihm bereits

zuvor bestimmten Mullah-Anwärter in einer eigenen Schule weiterzubilden. Aber auch diese Fortbildungskurse für Mullah-Anwärter, die mit der Mullah-Schule Dresden nicht in geringstem

Maße kollidieren können, waren bereits Anlass zu einer Beanstandung durch Hstuf.Dr.Olzscha.

Die Zerschlagung (ob zu Recht oder zu Unrecht, darüber steht mir kein Urteil zu) der früheren turkistanischen Zeitung hat zu einer langen Zeitspanne geführt, in der eine pressemäßige Propaganda hier überhaupt nicht vorhanden war. Erst vor kurzer Zeit hat erstmalig Hstuf.Dr.Olzscha uns mit Zeitingen bedienen können

Ich erhebe damit keinen Vorwurf gegen Dr.Olzscha; denn ich keine die Lage nicht, die zu diesem nicht unerheblichen Mangelmoment geführt hat. Abgesehen davon, daß auch die Komitees mit turkstämmige Zeitungen Hilfe bringen, hat meine Abteilung VI turkstämmige Wehrmachtszeitungen von der einschlägigen Stelle des Deutschen Befehlshabers in der Slowakei erhalten.

Auf der anderen Seite frage ich mich, warum denn überhaupt eine ganze Reihe von Zeitungen parallel läuft, statt daß die gesamte Pressepropaganda von einer Seite aus geschlossen geschieht. Ich denke dabei auch an die wirtschaftliche Seite und den gegebenen-falls vermeidbaren Personalaufwand.

Unbedingt zweckmäßig, und zwar besonders in der jetzigen kritischen Zeitspanne, und von mir wiederholt erbeten worden ist die turnusmäßige Entsendung von Propagandisten der verschiedenen Komitees, die hier in festzulegender Zeitspanne vor ihren Landsleuten sprechen mussten, geeigneterweise auch in Diskussionen, aus denen sie nebenher Ansichten und Stiimmungen ihrer Leute eruieren konnten.

IX.

Folgerungen:

1) Ich sehe die Fortsetzung des Programms der Vereinigung der Osttürk-Völker in geschlossenem Verband als durchaus gegeben an; allerdings inbezug auf die Idel-Ural-Tataren mit der Einschrän kung, daß von diesen nur tatarisch sprechende und zum Islam sich bekennende Gruppen herangezogen werden sollten.

2) Ich bin for noch wesentlich schärfere überbindung durch islamisch-religiöse Beeinflussung.

3) Ich muß abrücken von dem Grundsatz denkbarst geringer

Durchsetzung mit deutschem Rahmenpersonal. Statt dessen müssen m.E. mindestens 3 deutsche Unterführer für jede Kompanie gestellt werden, entsprechend für Batls.- und Rgts.-Stab. Bis zum Regiment herauf soll die Führung, wie bisher, in Turk-Händen liegen. Solange aber ein entsprechend geschulter und gereifter Batl.- bzw. Regts.-Kdr. nicht vorhanden ist, muß eben die Führung ein Deutscher in Händen haben.

Ist ein turkstämmiger Kommandeur gefunden, so ist diesem ein entsprechend gualifizierter deutscher Berater beizugeben.

Generell betone ich: Nicht Ausschuß, sondern nur beste deutsche Kräfte sind zur Bildung deutschen Rahmenpersonals geeignet und in der Lage, der Truppe Ordnung sowie exerziermäßigen und gefechtsmäßigen Drill beizubringen.

Nur solche deutschen Rahmenkräfte sind auch in der Lage, der Truppe für das Gefecht das erforderliche Rückgrat zu geben.

Um dies deutsche Rahmenpersonal mit der rassischen und völkischen Entwicklung, also mit der Geschichte, ferner mit der Wesensart und schließlich auch mit den religiösen Momenten der Turk-Völker vertraut zu machen, ist ein Leitfaden uner- lässlich, der all diese Momente allgemein verständlich behandelt. Ein solcher Leitfaden war zwischen. Hstuf.Dr.Olzscha und mir bereits im September 1944 abgesprochen worden. Bis heute ist aber nichts dergleichen erschienen. Ich erhebbe auch damit keinerlei Vorwurf gegen Hstuf.Dr.Olzscha; denn ich kann mir danken, wieviel Schwierigkeit an der Ausführung eines solchen Projektes entgegenstehen. Dankenswert aber wäre es, wenn mit übergeordneter Hilfe die Durchführung nunmehr be-schleunigt zustande käme.

4) Wie mit eingehender Begründung oben dargelegt, erscheint mir der slowakische Raum - vor allem auch infolge der Begleiter - scheinungen der zurückverlegten Front - für den Verband nicht geeignet, es sei denn, daß - in Berücksichtigung unüberwindlicher Schwierigkeiten inbezug auf Verlegung in anderen Raum - der Verband mit allen Einheiten auf einen Truppenübungsplatz gelegt wird, um

a) auf diesem zu weiterer Entwicklimg bei gleichzeitiger gründlicher Ausbildung zu kommen,

b) von diesem aus mit durchgebildeten Einheiten zu vorübergehenden Einsatzaufgaben herangezogen zu werden.

Wesentlich günstiger erscheint mir aber die Verlegung des Verbandes in einen Raum, in dem die Leute sprachlich mit der Ein wohnerschaft sich nicht verständigen können. Auch in diesem Falle

halte ich die kasernierte Unterbringung auf einem Truppenübungsplatz, mindestens aber in zerniertem Gelände, für geboten.

Ich denke auch in diesem Falle durchaus an Nutzbarmachung der geschulten Einheiten für Aufgaben, die in dem entsprechenden Raum sich bieten, sei es nun auch dort Bandenbekämpfung oder sei es Sicherung von Straßen, Eisenbahnlinien, Brücken usw.

Harun-el-Raschid Bey,
SS-Standartenführer

Приложение 18. 1. Отчет штурмбанфюрера СС Алиева (без даты). 2. Докладная на имя рейхсфюрера СС относительно мятежа в восточно-мусульманском полку СС в связи с заговором против Вели Каюма от 24 марта 1944 года (BA, NS 31/43)

Bericht

des SS-Sturmbannführer Aliew -
an das SS-Hauptamt.

Mit der Aufstellung der Muselmanischen SS-Division wurde auf polnischem Gebiet - in Ponjatowa - begonnen. Die Aufstellung dieser Division leitete Major Mayer-Mader und seine Gruppe: Suleimanow, Abdullaew, Asankulow, Turoew u.a. Hauptsächlich kammen dorthin Männer aus Sandberge, Aserbaidschaner 100 Mann, Turkestaner 200 Mann an der Zahl.

Major Mayer-Mader und Suleimanow machten große Fehler:

1. sie befanden sich nicht in ständiger Verbindung mit dem SS-Hauptamt und dem OKW, um durch sie Männer für die Division anzufordern. Bestimmte Führer schickten sie nach Warschau, Lublin und Lemberg und anderen Orten, um die Leute aufzuhalten, die sich auf der Rückreise aus dem Urlaub, Lazarett zu ihrem Truppenteil befanden, um sie nach Ponjatowa zur Vervollständigung der Division in Marsch zu setzen.

2. sie erkannten die bestehenden Nationalausschüsse nicht an und erklärten bei allen Beratungen den Soldaten, daß der neue Turkestanische Ausschuß hier, in der Division organisiert wird. Der in Berlin vorhandene Turkestanische und Aserbaidschanische

Ausschuß arbeite nur für sich, und kann nicht helfen. Man soll verlangen, daß sie abgeschafft werden. Suleimanow hielt sich für den Präsidenten des neuen Turkestan und Aserbeidschan, die übrigen aber für Minister.

3. sie versprachen für die Soldaten ein Bordell zu eröffnen und 25 tatarische Mädchen für die Offiziere su beschaffen.

Major Mayer-Mader fuhr ab und kehrte nicht wieder zurück. Es kam der neue Kommandeur des Regiments - Hauptmann Billig - und seine Gruppe, geleitet von SS-Ostuf. Alimow. Nach 4-5 Tagen verprügelte sich Alimow Suleimanow und Leutnant Awlikuliew. Suleimanow verlor die Besinnung und blieb 40 Minuten wie tot liegen. Danach wurden gegen Alimow keine Maßnahmen ergriffen, Suleimanow war damals befehlsgemäß stellvertr. Kommandeur des Rgt.Kom.Hpt.Billig.

Von diesem Augenblick an begannen Streitigkeiten unter den Turkestanern. Suleimanow und Abdulow führten unter Ausnutzung des Augenblicks bei den Soldaten Propaganda, daß Hauptmann Billig die Turkestaner äußerst grausam behandelt. Angeblich soll Hauptmann Billig 74 Turkestaner in der Legion erschossen haben. Nach einigen Tagen würden 3 Turkestaner öffentlich erschossen (Diebstahl), am anderen Tage wurde Abdullaew vor dem Hotel erschossen, Suleimanow aber wurde als Leiter der Turkestaner nach Lublin geschickt, Asankulow blieb allein.

An 16.März 1944 kam das Regiment nach Juraciszki. Die Turkestaner bezogen Quartier in Juraciszki selbst, die Aserbaidschaner aber in dem Dorf Kosti. Am 24.3.44 befahl Hauptmann Billig einen der besten Aserbaischaner - SS-Uscha. Agaew - zu erschießen. Grund der Erschießung: Agaew überwarf sich mit seinem Kommandeur und bat um seine Versetzung zu einer anderen Kompanie. Ich, als Leiter der Aserbaidschaner im Regiment, bat und erklärte die Lage, aber es half nichts und Agaew wurde erschossen.

Die Soldaten und Offiziere überzeugten sich tatsächlich davon, daß Hauptmann Billig die Männer sehr grausam behandelt, sie ungerecht erschießen läßt und sie sollten daher als Partisanen in die Wälder gehen.

Am 26. März 1944 ging Asankulow mit 48 Mann zu den Partisanen. Die Partisanen überfielen Juraciszki am 2.April, um alle Turkestaner im den Wald zu führen. Das gelang ihnen nicht, sie nahmen ungefähr 100 Turkestaner mit. Die Partisanen verloren jedoch über 20 Mann an Toten.

Zum Regiment kam ein neues Turkestanische Bataillon

(Mayer-Mader). Nachdem die Turkestaner die ganze Geschichte erfahren hatten, fragten sie, wo Major Mayer-Mader wäre. Ihnen wurde erklärt, daß Mayer-Mader ein russischer Spion war und in Minsk erschossen worden wäre. Nach dieser Mitteilung gingen die Turkestaner gruppenweise zu den Partisanen über.

1. Hauptmann Billigs Behandlung der Leute gegenüber war taktlos und abscheulich. Die Männer waren derart verängstigt, daß beim Zusammentreffen mit ihm auf dem Wege, die Männer auf die andere Seite gingen oder zurückkehrten. Einmal kam Hauptman Billig am Abend zur Wache und fragte um die Parole. Der Wachhabende antwortet, daß ihm die Parole noch nicht bekannt gegeben sei. Daraufhin wirft Hauptmann Billig dem Wachhabenden eine Handgranate an den Kopf.

2. Hauptmann Billig tat das alles ohne zu wissen, was er tut, weil er nie nüchtern war. Er liebte den Genuß von geistigen Getränken und betrank sich bis zur Besinnungslosigkeit, dann erteilte er Anweisungen, die von seinen Untergebenen ausgeführt wurden.

3. Der Weggang der Turkestaner zu den Partisanen, fand ausschließlich infolge der schlechten Behandlung seitens des Hauptmann Billig statt.

4. Die Turkestaner wurden am Tage im Dorf, wo sich die Aserbaidschaner befanden, erschossen, in Anwesenheit der Bevölkerung, wobei die Aserbaidschaner gegen die Turkestaner aufgestellt wurden. Die Turkestaner sagten den Aserbaidschanern offen: "Gut, sie erschienen die unsrigen, einmal werden wir mit ihnen abrechnen".

3. Bei gerechter Behandlung dieser Frage kann man mit Bestimmtheit behaupten, daß Hauptmann Billig ein Gegner der Organisation des Ostmuselmanischen SS-Rgt. war.

6. Zweckdienlich wäre es für die nationalen Truppenteile Offiziere zu finden, die den Charakter, die Geschichte und Psychologie des gegebenen Soldaten kennen und verstehen würden, dann kann man mit guten Ergebnissen rechnen.

gez. Aliew
SS-Sturmbannführer

Der Reichsführer-SS *Bln.-Grunewald, den 24.März 1944*
SS-Hauptamt-Amt A I/M *Douglasstraße 7-11*
VS-Nr. 1541/44 geh.
A I/M VS-Nr. 376/44 g. Her/U.

Betr.: Ostmuselmanisches SS-Rgt.
- Meuterei im Ostmuselmanischen SS-Rgt.
1. Vermerk:

Während meiner Abwesenheit wurde von den von mir eingesetzten Männern, SS-Oscha. Suhanyi und SS-Schtz. Pawera, am 28.2.1944 eine vorbereitete Meuterei im Lager Poniatowa aufgedeckt. Die von SS-Stubaf. Mayer-Mader eingesetzten Führer:

1. der sogenannte stellvertr. Rgt. Kommandeur
SS-Ostuf. Suleiman,
2. der Chef und Leiter der Propaganda und sogenannter
Chef der "Gestapo" SS-Ustuf. Abdulajew

hatten Teile der im Lager untergebrachten 450 Ostmuselmanen gegen das Kommando des SS-HA. derart aufgewiegelt, so daß diese bereit waren, die deutschen Führer und Männer zu erschießen. Es sollte nach Aussagen und nach einer bei dem Kirgisen Abdulajew vorgefundenen Liste erschossen werden:

Generalfeldmarschall (Deckname für Hauptmann Billig)
Generalleutnant (Deckname für SS-Hstuf. Herrmann)
SS-Ustuf. Leimeister
SS-Ustuf. Brucker
Oberzahlmeister Bünger
Feldwebel Schächter
Unteroffizier Oberkleiner.

Die Erschießung sollte so getarnt sein, als ob ein Überfall der Partisanen stattgefunden habe. In der durchgeführten Untersuchung wurde festgestellt, daß SS-Stubaf. Mayer-Mader mit seinem engeren Führungskreis folgendes politisches Programm hatte:

1. Der Leiter der turkestanischen Mittelstelle Kajum-chan sollte beseitigt werden. An seiner Stelle sollte ein von diesem Kreis ernannter Mann kommen, der aus Turkestan heraufgeholt werden sollt.

2. Das nationale Komitee der Turkestaner, wollte man durch Leute aus dem Führungskreis SS-Stubaf. Mayer-Mader vergrößern. Der Mann, der Kajum-chan erschießen sollte, war bereits schon in Berlin als SS-Ustuf. verkleidet. Kajum-chan war seinerzeit nicht in Berlin, sondern in Paris. Nachdem dieser Mann unverrichteter Dinge

wieder nach Poniatowa zurück kam, wurde er von SS-Ostuf. Suleimann degradiert und als Leiter der sogenannten turkestanischen Frontleitstelle in Warschau eingesetzt.

3. Das nationale turkestanische Komitee sollte vorläufig in die Hände des SS-Ostuf. Suleimann überführt werden und alle Stellen durch Männer des Führungskreises SS-Stubaf. Mayer-Mader besetzt werden.

4. In der Zeitung des Rgt. sollte schon vorher gegen Kajum-chan Propaganda gemacht werden.

5. Es sollte eine Spannung zwischen der Wehrmacht und der SS geschaffen werden mit der Berechnung, daß die SS sich durchsetzt und die Wehrmacht dann durch einen Befehl des Führers gezwungen werden sollte, alle turkestanischen Legionäre der SS zu überführen.

Diese Programmpunkte wurden in Arnsdorf b. Berlin, in der Wohnung von SS-Stubaf. Mayer-Mader, durch SS-Ostuf. Suleimann dem engeren Führungskreis bekannt gegeben. Weiterhin wurde festgestellt, daß seinerzeit auf Vorschlag von SS-Stubaf. Mayer-Mader vom OKW. durchgeführte "Mistel-Unternehmen", der Beginn einer großzügigen politischen Aktion in Turkestan und auch im Reich werden sollte. Bekanntlich sollte SS-Stubaf. Mayer-Mader im Jahre 1943 mit seinem Führungskreis nach Turkestan fliegen. Das Unternehmen brach zusammen, da das OKW. kein großes Interesse hatte. SS-Stubaf. Mayer-Mader und seine Leute, waren von ihrer Idee nicht nur überzeugt, sondern auch besessen. Sie suchten nun einen neuen Weg und kamen zur SS.

Der SD hatte ebenfalls kein Interesses an der Durchführung dieser Unternehmung und brachte Mayer-Mader zum Chef des SS-Hauptamtes.

Es steht einwandfrei fest, daß für SS-Stubaf. Mayer-Mader und seine Leute die SS nur ein Sprungbrett war, zum erreichen ihrer persönlichen und politischen Ziele. SS-Stubaf. Mayer-Mader hatte vor Beginn der Unternehmungen an alle Teilnehmer folgende Beförderungen ausgesprochen:

Mayer-Mader Generalmajor
Suleimann Oberst
Ataew
Abdulaew Major
Akmaew

usw. Diese Dienstränge sollten eine Belohnung für alle sein, wenn die Unternehmungen erfolgreich durchgeführt würden sein.

Das plötzliche Erscheinen des Kommandos des SS-HA., zerschlug natürlich die gesamte Planung und nun sollte dieses

Kommando nach östlicher Manier in entsprechender Weise beseitigt werden. Im Interesse der gesamten Untersuchungen wurde die Tätigkeit des SS-Stubaf. Mayer-Mader und seinem Führungskreis nochmal genauestens rekonstruiert und überprüft. Nach dem Ergebnis ist es klar, daß SS-Stubaf. Mayer-Mader nach den einzelnen Punkten des festgelegten Programms vorgegangen ist. Alle Beteiligten haben ausgesagt, daß das ganze ein Plan von SS-Stubaf. Mayer-Mader ist und er von allem unterrichtet war. Er war auch unterrichtet, von dem einsetzten des Kommandos des SS-HA. Nur aus taktischen Gründen erschien SS-Stubaf. Mayer-Mader nicht im Lager, um größeres Handlungsfreiheit zu haben.

Suleimann und Abdulaew mußten mit drei anderen Beteiligten zur Niederschlagung der Meuterei erschossen werden.

An Chef des SS-Hauptamtes mit der Bitte um Kenntnisnahme.

SS-Hauptsturmführer
(подпись неразборчива – Б.С.)

Приложение 19. Докладная за подписью полковника Сопротивления Фернана о переходе на сторону французских партизан 47 человек (узбеков, казахов, туркмен, киргизов и таджиков) от 21 июля 1944 года

Рапорт

Группа из 47 человек, дезертировавшая из немецкого гарнизона, состоит из представителей пяти национальностей, из которых узбеков - 27, казахов - 17, туркмен - 6, киргизов - 1, таджиков - 1. Данный факт свидетельствует о том, что немецкие войска, сформированные из числа бывших советских военнопленных, разнородны в своем составе. Наряду с представителями вышеназванных национальностей есть грузины, азербайджанцы, чеченцы и другие.

Социальный состав перешедших на нашу сторону таков: колхозников - 29, служащих - 10, студентов - 6, рабочих совхозов - 2.

Учитывая различный культурно-политический уровень этих людей, работа в немецких подразделениях должна быть также дифференцирована. Мне кажется, что самое сложное - это разложение войсковых частей, где есть узбеки и киргизы, так как представители этих наций открыто боролись против советской власти, сформировав так называемые "басмаческие банды", управляемые извне. В период с 1930 по 1932 годы они вели борьбу в конспиративной форме, организуя саботажи на территории своей страны. Та же организация, которая управляла ими, была инициатором внедрения советских военнопленных в состав немецкой армии. Эта организация, именующая себя освободительницей Туркестана, созвала в июне 1944 года в г.Вена съезд, на котором было 300 делегатов. Задача съезда - ведение агитационной работы в среде немецких воинских формирований из числа туркестанцев по продолжении войны. Однако усталость от тягот войны и чувство недовольства быстро распространяются в гарнизонах, находящихся в Альби, Родезе и других населённых пунктах Франции.

В нашей работе с немецкими воинскими подразделениями мы делаем ставку, прежде всего, на самых грамотных представителей таких наций, как азербайджанцы, казахи и туркмены, которые больше всего выражают недовольство. С ними мы должны работать особо, не забывая при этом о других.

Пример:

Несмотря на то, что мы имеем дело с самыми отсталыми элементами, опыт, приобретённый в боях под Кармо, показывает, что мы в состоянии разложить немецкую армию и что при интенсивной работе мы сможем сделать из них активных бойцов против оккупантов. Например, в ночь с 15 на 16 июля к нам перешли 47 человек. Несмотря на усталость, днём 16 июля 5 групп по 3 человека в каждой были направлены мной в Кармо. Они были одеты в гражданскую одежду. В каждой тройке было по одному дезертиру, а при нём были письма и тексты обращения к солдатам.

Задание состояло в следующем:

1) вступить в контакт с оставшимися солдатами гарнизона и разведать обстановку;

2) пресечь манёвры немцев, пытающихся запугать туркестанцев, что любой дезертир будет расстрелян на месте и что отношение макизаров (французских партизан - Б.С.) к ним будет таким же.

В ходе операции туркестанцы, дезертировавшие из немецкой армии, были узнаны местными жителями и немцами. Немцы от страха попрятались, боясь предпринять какие-либо контрмеры к дезертирам. Среди жителей Кармо быстро распространился слух о том, что "монголы" в городе и разгуливают в гражданской одежде. Одним словом, немцы запаниковали, а у местных жителей эта акция вызвала любопытство и веру в наши силы.

Данная операция, носившая, скорее, политический, чем военный, характер, полностью удалась.

На следующий день, 17 июля, мы отправили ещё 5 групп по 3 человека в пять разных точек города Кармо. Задание новой операции заключалось в налаживании связи со всеми сторожевыми постами, расположенными вокруг города. В четырёх точках операция провалилась, так как на каждом посту к туркестанским солдатам был приставлен немец. И всё же находившиеся там туркестанцы узнали своих товарищей. На пятой точке туркестанцы были одни, и наши люди сумели поговорить с ними и передать тексты обращения.

18 июля солдаты, дезертировавшие из немецких частей, приняли участие в боевых операциях. Они были в составе 10 групп по 4 человека в каждой. Им было выдано оружие, и они действовали под прикрытием 10-12 вооружённых французских партизан. В 9 точках из 10 они сумели приблизиться к сторожевым постам и обратиться к своим товарищам, предлагая им перейти на сторону макизаров. Однако они не сумели увести их с собой, так как немцы, следившие за ними, открыли стрельбу, и наши люди были вынуждены вступить в бой. Они дрались по-геройски. 11 из них смогли покинуть Кармо только к 7 часам вечера. Остальные четверо вернулись лишь к вечеру 19 июля. Наши туркестанцы живы и здоровы, что свидетельствует о том, что их земляки, находившиеся в составе немецкой армии, не стали стрелять в своих. В результате немцы были вынуждены обезоружить своих туркестанцев и отправить их в Альби (город на юге Франции, где находился один из нацистских концлагерей - Б.С.). Эти сведения получены нами от шести товарищей, перешедших на нашу сторону через два дня после указанной операции. Тот факт, что не состоялось массового перехода туркестанцев к нам во время последней операции, объясняется следующим: они не были достаточно подготовлены, а немцы накануне получили подкрепление, которое было внедрено в среду туркестанцев.

Выводы.

1.Многие из перешедших на нашу сторону туркестанцев могут быть использованы нами в политической работе по разложению немецкой армии. Мы уже имеем опыт обращения к солдатам оккупационных войск на трёх языках.

2.Мы можем использовать их в боевых операциях, так как они уже имеют опыт ведения боёв.

3.Некоторых из них можно использовать в качестве военных инструкторов и военных советников.

Предложения.

На мой взгляд, необходимо создать небольшие группы из представителей пяти вышеназванных национальностей. Необходимо снабдить их материалами и направить их на места дислокаций оккупационных войск, поручив вести агитационную работу по массовому дезертированию из немецких войск. Для этого мне необходимы:

1) 20 комплектов одежды (бельё, обувь и прочее);
2) 5-6 велосипедов и 1 автомобиль;
3) деньги;
4) 15 автоматических пистолетов;
5) 1 пишущая машинка и бумага.

Если эти просьбы будут удовлетворены, мы сможем рассчитывать на успех. Мы уже располагаем контактами в немецких войсках, находящихся в городах Кармо, Альби и Кастр.

Член Комитета советских патриотов южной зоны
полковник **ФЕРНАН**

Перевод с французского
Бахыт Садыковой

Приложение 20. Gaston Laroche, Colonel FTPF, Boris Matline. On les nommait des étrangers. Les immigrés dans la Résistance. Les Editeurs Français Réunis. 1965.

Гастон Ларош, Борис Матлин. "Их называли иностранцами".

Париж, 1965, с. 253-257.

ГРУЗИНЫ И ТУРКЕСТАНЦЫ

В начале августа 1944 года в Кармо располагалось формирование, состоявшее в основном из грузин и туркестанцев, попавших в плен на восточном фронте. Из них были составлены части, предназначавшиеся для оккупации Франции. Многие из этих советских солдат искали случая, чтобы вступить в бой с нацистами. Таким образом, целая рота и с ней половина другой, а также примкнувшие к ним отдельные бойцы решили, наладив связь с отрядами французского Сопротивления, решили примкнуть к французским макизарам (партизанам).

В ночь перед уходом из Кармо они убивают немецких офицеров, под охраной которых находилась их часть, и забирают с собой семерых заложников из числа охраны. Их переход на сторону макизаров был встречен с воодушевлением. Утром немцы объявляют тревогу. По тревоге были также подняты части, дислоцированные в городах Тулуза и Кастр. В Кармо оставшиеся в батальоне легионеры разоружены и отправлены в Альби. Несколько французских патриотов арестованы немецкой полицией и подвергнуты пыткам. Русский шпион, чьё подпольное имя Милко, выдает немецкому командованию место, где скрываются беглецы. Из числа солдат, направленных к ним в качестве подкрепления из городов Кастр и Тулуза, немцы создают карательный отряд. Советские - 53 туркестанца и 98 грузин – вместе с 30 поляками перебираются к французским макизарам в Жукевиель, хуторок на опушке леса, расположенный справа от шоссе, ведущего из Кармо в Сен-Кристоф. В воскресенье, шестого августа, было замечено продвижение огромной колонны немецких

грузовиков, направлявшихся в сторону соседней деревни, занятой французскими партизанами.

Были ещё больше укреплены баррикады, сооружённые на пути следования колонны, усилены сторожевые посты, для патрулирования окрестности был направлен отряд добровольцев, который докладывал обстановку. К 13 часам патруль вернулся и доложил командующему вооружённых формирований партизан Морису, что колонна грузовиков остановилась у въезда в деревню и рассредоточилась в направлении города Кармо. На деле же это была западня, однако доклад не вызвал подозрений, и было решено выставить сторожевые посты и усилить заграждения.

В 16 часов в партизанский отряд прибыли местные жители, и тут послышались первые выстрелы: немцы начали наступление на деревню с двух флангов. Они уже были в пятистах метрах от деревни, успев незаметно занять позиции.

Двое часовых, находившихся у дороги, убиты двумя бронированными машинами, возглавлявшими колонну грузовиков. Немцы вели атаку деревни в три волны, намереваясь полностью уничтожить партизан.

Самая мощная немецкая группировка сделала попытку добраться до опушки леса, но она оказалась безуспешной. К вечеру немцы были вынуждены отойти, но им удалось поджечь три дома в деревне и казнить нескольких жителей. Они потеряли убитыми 40 человек. Потери партизан составили двенадцать человек убитыми в бою, а семеро были сожжены заживо в здании.

Спустя три дня, 9 августа, в той же деревне Жукевиель, вновь занятой макизарами, хоронили павших бойцов и жителей деревни.

Высадка 14 августа 1944 года союзных войск на побережье Средиземного моря позволила придать размах вооружённому сопротивлению, и оно приобретает характер восстания.

Решено было начать продвижение в направлении города Кармо. Утром 16 августа произошли первые бои с немцами. Вначале в них были втянуты группы Бертан и Ванни. Затем бои быстро разрослись, и в 10.30 полностью заняли перекрёсток шоссе Вальдери - Гаррик. Немецкие казармы в Кармо окружены. Перестрелка идёт уже перед зданием Кассы взаимопомощи шахтёров. Борьба была жёсткой и затяжной. В 16 часов к партизанам прибывает подкрепление в виде отряда грузин, и им удаётся, пустив в ход миномёты и гранаты,

очистить от немцев последнюю казарму. В 18.30 немцы капитулировали и сдались в плен.

Среди партизанских трофеев много автоматов и ружей. Старый шахтёрский городок, над которым витает дух великого трибуна - социалиста Жана Жореса, был освобождён шестидесятью французами при поддержке двухсот грузин.

Вечером и ночью эти отряды прочно занимают позиции, не забыв задействовать разведку. Затем вновь начались бои. Советские бойцы разных национальностей ищут случая, чтобы наладить контакт со своими земляками, оставшимися на стороне немцев. 17 августа в 8.30 немцы начали атаку. Французская сторона получила подкрепление, включающее подразделение грузин и 50 туркестанцев, успевших дезертировать из немецкой армии. Они держатся стойко. Утром группа партизан организовала засаду на дороге, ведущей из Родеза в Таннюс. 40 немецких солдат, попавших в засаду, убиты, взорван мост. И так партизаны держат позиции в течение трёх дней.

В это время немцы усиливают наступление на город Гаррик, вынуждая партизан к отходу. Однако прибывает новое подкрепление советских миномётчиков, и наступление немцев приостановлено. В 18.30 начинаются контратаки французов на флангах, и немцы отброшены. Теперь партизаны продвигаются к центральной части города, и за ночь они успевают вернуть себе прежние позиции. Им достаётся также 1 противотанковая пушка сорок пятого калибра со 130 снарядами.

18 августа освобождены населённые пункты Барр и Пузеньек. 19 августа партизаны произвели развёрнутым маршем глубокую разведку г. Альби. Одно из двух подразделений разведки состоит полностью из грузин. В 13.30 особождены Арте, Лескюр и Кюнна. Немцы вынуждены оставить г.Альби, главный город департамента, и туда входят части французских партизан. Горожане ликуют.

20 августа три подразделения грузин располагаются на дороге, ведущей из Альби в Тулузу: там было замечено продвижение колонны из 200 немецких грузовиков. В момент, когда немцы уже вот-вот войдут в Гайак, партизанам удается опередить их: 40 грузин при поддержке противотанковой пушки прорываются раньше к месту будущего сражения и останавливают врага. Затем с помощью подоспевших вовремя оставшихся партизан удаётся полностью очистить Гайак. 21 и 22 августа партизаны не только изгоняют, но и преследуют

гитлеровцев, очистив на пути преследования населённые пункты Сестейроль, Фейсак, Кастанэ, Мюссен, Вильнёв. Огнём уничтожено много немецких грузовиков, много также убитых и раненых. Партизаны потеряли 7 человек убитыми, ранены двое.

К полудню усиленная немецкая колонна контратакует и, подмяв баррикады, наступает на Альби. Героическое сопротивление партизан завершается большими потерями: убиты 17 партизан, 3 грузина зверским образом утоплены в реке Тарн, многие пропали. Только к вечеру удаётся изгнать немцев из города, но на этот раз окончательно и навсегда.

Сражаясь плечом к плечу, французы и советские освободили департамент Тарн и его главный город Альби.

Краткие сводки о боях,
происходивших в южной зоне
в период с 20 июля по 20 сентября 1944 года.

Тарн. 6 августа 1944 г.

Переход на нашу сторону 30 грузин. 30 немецких офицеров убиты, 7 немецких офицеров взяты в плен.

В тот же день по наводке одного предателя немцы организуют окружение партизан. Положение спасено благодаря мужеству и хладнокровию грузин.

Итог: убиты и ранены 30 немецких солдат.

15 августа 1944 г.

В 10.30 захвачены склады с горючим, а также очищен перекресток дорог, ведущих в Вальдери и Гаррик.

Окружены немецкие казармы. В 18.30 немцы капитулировали.

Итог: 63 взяты в плен, 1 убит; трофеи составили 5 автоматов и 60 ружей.

17 августа 1944 г.

Засада на дороге в Родез. Группа Даниель, усиленная 32 туркестанцами, устроила засаду немцам.

Итог: захвачена 1 противотанковая пушка 45 калибра со 130 снарядами.

19 августа 1944 г.

Два подразделения грузин освобождают населённые пункты Артэ, Лескюр, Кюнна и первыми занимают Альби, опередив немцев. Ещё одно подразделение грузин освобождает г. Кастр.

20 августа 1944 г.

Группа из 40 грузин при поддержке противотанковой пушки вошла в Гайак, изгнала немцев и организовала их преследование. Гайак освобождён.

Перевод с французского
Бахыт Садыковой

Приложение 21. Обращение к рейхсфюреру по оккупированным восточным территориям Альфреду Розенбергу глав Национальных Комитетов Идель-Урала, Кавказа, Туркестана и др. от 18 ноября 1944 года (BA, NS 31/28)

Berlin, den 18.November 1944

An den
Herrn Reichsminister für die besetzten Ostgebiete
Reichsleiter Alfred Rosenberg
Berlin

Sehr geehrter Herr Reichsminister!
Wir, die bevollmächtigten Vertreter der Völker:
des Idel-Ural (Turk-Tataren),
des Kaukasus (Armenier, Aserbaidjaner, Georgier und Nordkaukasier),
der Krim-Tataren,
der Turkestaner,
der Ukrainer und Weissruthenen

in Gesamtzahl von mehr als 90 Millionen, haben soeben vom Manifest des Generals Wlassow erfahren, das er in der Gründungsversammlung des "Komitees für die Befreiung der Völker Russlands" am 14.11.1944 in Prag verlesen hat.

Da wir annehmen, dass diese Initiative, deren tiefere Gründe uns unverständlich sind, sich auch auf das Schicksal unserer Völker

auswirken wird, halten wir es für unsere Pflicht, nachstehende Ausführungen der Reichsregierung zu unterbreiten:

Unsere Völker, die schon jahrhundertelang gegen den russischen Imperialismus um ihre Unabhängigkeit kämpfen, haben im Jahre 1918 die völlige Trennung von Russland vollzogen und selbständige Staaten gegründet. Einige dieser Staaten sind durch Deutschland und andere Mächte, darunter auch durch die Sowjetregierung, anerkannt worden. Dessen ungeachtet hat jedoch die russische Regierung diese von ihr selbst unterschriebene Anerkennung zunichte gemacht, unsere Staaten angegriffen und in blutigen Kämpfen ihren Widerstand gebrochen. Seit dieser Zeit werden die vielen Millionen Menschen in den unermesslichen Räumen Osteuropas und Asiens durch die Kremldiktatur, die zugleich auch eine Gefahr für die ganze Menschheit bildet, unterjocht und ausgebeutet.

Ohne auf die Beweggründe näher einzugehen, kann festgestellt werden, dass bis zum heutigen Tage das passivste Element im Kampf gegen den Bolschewismus das russische Volk selbst ist. Ungeachtet dieses Schweigens des russischen Volkes, ist die Geschichte voll von den Taten des unerbittlichen Kampfes unserer Völker gegen den Bolschewismus. Die ununterbrochenen Aufstände der Völker des Kaukasus, Turkestans, der Ukraine, Weissrutheniens und anderer stellen einen heroischen Abschnitt in der Geschichte dieser Völker dar, die ohne Opfer zu schauen im Kampfe für ihre Freiheit und eigene, unabhängige Staaten starben und sterben.

Es ist deshalb nicht erstaunlich, dass diese Völker den^Ausbruch des deutsch-russischen Krieges mit grösster Freude begrüsst haben. Sie stellten sich vom ersten Tage des Krieges an auf die Seite der deutschen Armee, halfen wo sie konnten, empfingen die Truppen mit offenen Armen und mit herzlicher Freundschft. Schulter an Schulter mit den deutschen Soldaten im Kampfe stehend, bewiesen sie ihre Treue zur nationalen Idee.

In diesem Kampfe gegen den Bolschewismus sind unsere nichtrussischen Völker, deren Anzahl wie oben erwähnt 90 Millionen überschreitet, sowohl mengenmässig als auch durch ihren Kampfeswillen ein bedeutend positiverer und wichtgerer Faktor als das russische Volk, das bis heute einen blinden Gehorsam gegenüber den Befehlen Stalins zeigt.

Völker kämpfen für eigene Ideale und klare Ziele. Wer dieses Moment ausser Acht lässt, setzt dabei die ganze Sympathie und Anteilnahme dieser Völker aufs Spiel.

Wir waren vom Beginn des Krieges an von der Notwendigkeit

eines klaren politischen Programms gegenüber den Völkern der Sowjetunion überzeugt. Mehr als eimal haben wir den Vertretern des Deutschen Reiches empfohlen, in diesem Sinne den nationalistischen Strömmungen, nicht nur in unseren sondern auch im russischen Volke, das bestimmt unter der Herrschaft des Bolschewismus leidet, mehr Aufmerksamkeit zu schenken. Man muss anerkennen, dass die Ostpolitik Deutschlands von Stalin sehr geschickt ausgenutzt wurde und wahrscheinlich auch in Zukunft ausgenutzt wird. Alle haben noch in Erinnerung, dass Stalin während des Krieges die Rechte der sogenannten Sowjetrepubliken erweitert hat, indem er ihnen das Recht, selbständige Vertretungen zu unterhalten, zubilligte, das in feierlicher Form in einer persönlichen Erklärung Molotows im Frühjahr dieses Jahres verkündet wurde. Es ist nicht zu verwundern, wenn eine solche Taktik Stalins am Ende einen guten Nährboden bei den Völkern finden wird, die ihre Freiheit und Unabhängigkeit ersehnen und von Seiten Deutschlands bisher keine Anerkennung ihrer nationalen selbständigen Staaten erhalten haben.

Wir haben uns nie durch Vorurteile gegenüber dem russischen Volke beeinflüssen lassen, sondern waren jederzeit bereit, die Aktion des Generals Wlassow zu begrüssen, mit den Einschränkungen, die wir schon wieder holt den Vertretern Deutschlands vorgetragen haben.

General Wlassow muss als Russe seine Tätigkeit nur auf Russland beschränken, Russland im ethnographischen Sinne des Wortes verstanden. Auf keinen Fall darf er eine Anwartschaft auf die Führung unserer nichtrussischen Völker erstreben, da die Bestrebungen dieser Völker durchaus nicht identisch sind mit den Zielen, die General Wlassow verfolgt. General Wlassow spricht von der Idee des Sturzes des Sowjetregimes und möchte innerhalb der heutigen Grenzen ein neues Regime aufrichten. Unsere Völker führen den langjährigen, erbitterten Kampf gegen Moskau, um sich vollkommen von Russland zu trennen und auf der Grundlage völliger nationaler Unabhängigkeit ihre eigenen Staaten neu aufzurichten. Deshalb können unsere Völker den Versprechungen des Generals Wlassow kein Vertrauen entgegenbringen und aus diesem Grunde kann sein Prager Manifest auf keine Unterstützung unserer Völker rechnen.

Die Aktion des Generals Wlassow wird von Anfang an keine Aussichten auf Erfolg haben bei unseren Landsleuten: den Freiwilligen, den Arbeitern und den Flüchtlingen, die sich innerhalb der deutschen Grenzen befinden, da die Erfahrung diese Massen zu grösster Vorsicht gegenüber jeder russischen Initiative zwingt.

Es wäre ein grosser Fehler, die Personen nichtrussischer Herkunft, die von General Wlassow in sein "Komitee für die Befreiung der Völker Russlands" aufgenommen wurden, als Vertreter des Willens und der Ideale unserer Völker zu betrachten. Diese haben weder formal noch moralisch das Recht, im Namen unserer Völker zu sprechen.

Aus den vorstehend angeführten Gründen empfinden wir das Manifest des Generals Wlassow als den Interessen unserer Völker entgegenwirkend, soweit er sich das Recht nimmt, unsere Völker zu vertreten, zu führen und in ihres Namen zu sprechen. Das Wohl unserer Völker und der Wunsch, die beiderseitigen Beziehungen aufrechtzuerhalten, zwingen uns, die Reichsregierung zu bitten:

1.) Jeden Anspruch des Generals Wlassow auf die Führung unserer Völker zu unterbinden,

2.) die Rechte unserer Völker auf selbständige Staaten mit sofortiger Wirkung anzuerkennen und die endgültige Anerkennung unserer nationalen Vertretungen auszusprechen,

3.) unsere nationalen Formationen unter dem einheitlichen eigenen Kommando zum Kampfe gegen den Bolschewismus, im operativen Sinne der deutschen Wehrmacht unterstellt, bilden zu dürfen und die politische Führung innerhalb dieser Formationen unseren nationalen Vertretungen zu überlassen.

Abschliessend halten wir es auch für unsere Pflicht, auf das Entschiedenste zu erklären, dass, wenn die Führungsansprüche des Generals Wlassow auf unsere Völker nicht mit voller Klarheit beseitigt werden, keine der nationalen Vertretungen unserer Völker die Verantwortung für die Folgen übernehmen kann, welche als Resultat der Wlassow-Aktion unter unseren Landsleuten entstehen können.

Idel-Ural
Im Auftrage des Kampfbundes der Turk-Tataren Idel-Urals:
Kaukasus
Im Auftrage des Armenischen Verbindungsstabes:
Im Auftrage des Aserbeidjanischen Verbindungsstabes:
Im Auftrage des Georgischen Verbindungsstabes:
Im Auftrage des Nordkaukasischen Nationalausschusses:
Krim-Tataren
Im Auftrage des Krim-Tatarischen Zentrums:
Turkestan
Im Auftrage des Präsidenten des National-Turkestanischen Einheitskomitees Veli Kajum-Chan:

Ukrainer
Im Auftrage der ukrainischen nationalen politischen Gruppen:
Weisruthenen
Präsident des Weissruthenischen Zentralrates:

Приложение 22. Докладная от 26 декабря 1944 года на имя командующего Восточно-тюркскими соединениями СС относительно перехода командира воинского полка СС "Туркестан-1" Гулама Алимова с 500 подчинёнными на сторону словацких партизан (BA, NS 31/29)

Abschrift

Osttürkischer Waffen-Verband der SS — O.U., den 26.XII.44
Der Kommandeur
H.e.R/Ba.

An den
Deutschen Befehlshaber in der Slowakei
P r e s s b u r g

Btr.: Überlauf des Kommandeurs des Waffen-Rgts. der SS Turkistan Nr. 1, Waffen-Obersturmführer Gulam A l i m o w, mit etwa 500 Männern seines Regiments zu den Partisanen.

Am 25.XII.44, kurz vor 17 °° Uhr, erschien im Verbands-Gefechtsstand ein Unterscharführer, der von Paprad (etwa halbwegs zwischen Myjava und Stara Tura) kam und meldete im Auftrage des Waffen-Untersturmführers K u l i e w, dass Waffen-Ostuf. Alimow in einer Besprechung mit seinen Batl.- und Komp.-Führern seine Absicht vertraulich kundgetan habe, mit sämtlichen Turkistanern zu den Partisanen überzugeben. Der Abmarsch sei auf 17 oo Uhr festgesetzt, sollte über Nove Mesto erfolgen, von dort über die Brücke hart nördlich Nove Mesto über die Waag; und zwar sollten Sammelorte die Ortschaften H o r k a und H r a d o k sein. Der Abmarsch sollte zu Fuss mit nur geringster Verpflegung, möglichst viel Munition und nur leichter Bewaffnung erfolgen.

Ich rief darauf Rgts.-Geschäftszimmer Alimow in Stara Tura an und fragte, ob dort irgendetwas Auffälliges sich abgespielt habe.

SS-Unterscharführer S a m a n s , Gefechtsschreiber des Regiments, erklärte, von nichts zu wissen; er nehme an, Alimow befinde sich in seinem Quartier. Ich gab ihm Auftrag, unverzüglich Quartier Alimow aufzusuchen und Alimow zu veranlassen, mich anzurufen.

Ich erwähne hier dem weiteren Bericht voraus: Tatsächlich hat Alimow in Begleitung einer Frau um 14 oo Uhr in einer von ihm gemieteten Autotaxe (die nachher nicht bezahlt wurde) Stara Tura verlassen und ist nach Hradok abgefahren.

Unmittelbar darauf rief ich Major Glöckner vom Landesschützen-Batl. 618 (Stara Tura) an, mit dem ich wiederholt Einsatzverbindung hatte. Auch Major Glöckner war nichts aufgefallen. Ich richtete die gleiche Bitte an ihn, zumal Alimow's Quartier in nächster Nähe seines Quartiers lag. Nach kurzer Zeit erhielt ich Anruf von Major Glöckner und seine Meldung, dass das Quartier Alimow's ausgeräumt, dass auch ein weiterer Untersturmführer verschwunden sei. Von diesem Augenblick an schenkte ich der mir zuvor gewordenen Nachricht Glauben und gab Major Glöckner den Auftrag, seine Formationen und auch Ortskommandantur Nove Mesto zu alamieren. Ich machte besonders auf Sperrung der Brücke hart nördlich Nove Mesto aufmerksam.

Anschliessend meldete ich dem Deutschen Befehlshaber in der Slowakei und bat, auch dortseits alles Erdenkliche zu veranlassen, um der Truppe, die ja das Westufer der Waag noch längst nicht erreicht haben konnte, den Weg zu verlegen.

Wiederum einige Zeit später erschien der Waffen-Ustuf. Kuliew selbst. Nunmehr erfuhr ich, dass Alimow vor dem Aufbruch noch den Befehl gegeben hatte, die Deutschen, die erreichbar seien, umzulegen. Später erchienen dann 2 von den 6 in Paprad stationierten Deutschen, und zwar der Rttf. D e p t a und ein Sturmmann, und meldeten, dass nach Erledigung der angesetzten Weihnachtsfeier auf sie plötzlich ein Überfall verübt worden sei. Das Ergebnis: SS-Uscha. Berkenfeld, SS-Schütze F e l l e r und SS-Rttf. Storsberg tot, der SS-Schütze Sterzing schwer verwundet.

Im weiteren Verlauf des Nachmittags erhielt ich von Major Glöckner die Meldung, Oberst Richter (Kommandeur des Landesschützen-Rgts. 618, Kocovce, östlich der Waag, und zwar von Nove Mesto aus in ost-süd-östlicher Richtung) habe ihm soeben mitgeteilt, dass eine Schar von Reitern mit einem Trupp von etwa 80-100 Mann auf dem Marsch nach Süden von ihm gestellt sei. Der Führer (es handelt sich um Ustuf. Bachadirow, der mit 81 Mann einen Sicherungsauftrag in Cem. Podhradie nördlich Nove Mesto hatte) habe ihm erklärt, er habe von seinem Rgts.-Kommandeur den

Befehl zum Abmarsch auf der Strasse östlich der Waag nach Horka erhalten. Ich rief unverzüglich Oberst Richter an. Er gab mir Bachadirow persönlich an den Apparat. Ich habe Bachadirow durch Ustuf. Kuliew wissen lassen, dass er nach den Weisungen des Oberst Richter handeln solle. Oberst Richter ersuchte ich anschliessend, den Trupp zu umstellen, zu entwaffnen und nach Nove Mesto abzugeben. Oberst Richter war aber mit seiner Schar zu schwach dazu, glaubte auch des Bachadirow sicher zu sein, nahm ein Quartierkommando zur Kaserne Nove Mesto mit und liess die Truppe in Richtung Nove Mesto abmarschieren. Dort ist sie nie eingetroffen.

Im Verlauf des Abends traf auch die Meldung ein, dass eine Truppe von etwa 400 Mann die besagte Brücke erreicht habe. Die Brücke war durch 24 Mann (leider ohne Führer) gesichert. Der Führer der Truppe wies einen angeblichen Geheimbefebl zum Einsatz gegen Partisanen vor. Unbegreiflicherweise hat man darauf die Truppe passieren lassen.

Wieder nach einiger Zeit wurde von einem Hauptmann aus der Pionier-Kaserne Nove Mesto eine Truppe in Stärke von etwa 250 Mann gestellt. Es handelte sich um Teile der 3., 4. und 5. Kompanie des Waffen-Rgts. der SS Turkistan Nr. 1, die Alimow zu einer Einheit zusammengestellt, die als letzte ihren Standort verlassen hatte., und zwar ebenfalls mit dem besagten Befehl. Obwohl der Hauptnann nur wenige Leute zur Verfügung hatte, ist es ihm ohne weiteres gelungen, die Truppe in genannter Stärke zum Einmarsch in die Kaserne zu bewegen und zu entwaffnen.

Diese Truppe hat sich durch vereinzelten Zuzug allmählich auf 286 Mann verstärkt. Weitere kleine Trupps sind aufgegriffen, so dass bisher etwas über 300 Mann des Batl. zurückgewonnen sind. Nach Lage rechne ich mit etwa 500 Mann, die noch fehlen.

Ich selbst habe heute, 26.XII., die Truppe aus der Kaserne gesprochen. Die Leute haben mir die Versicherung gegeben, dass sie der festen Überzeugung gewesen seien, es habe sich um einen ordnungsmässigen Befehl zum Einsatz des gesamten Verbandes gegen Partisanen gehandelt. Ich habe aus dieser geschlossenen Besprechung wie aus zahlreichen Einzelbefragungen den Eindruck gewonnen, dass die Unterführer (bis auf einzelne) und Männer von dem Komplott des Kommandeurs und seiner ihm ergebenen Führer keine Ahnung gehabt haben, sondern absolut gutgläubig marschiert sind.

Dem wäre entgegenzuhalten, dass das deutsche Personal in Paprad überfallen, beschossen und dass 3 davon getötet worden sind.

Ich habe aber bisher glaubwürdig festgestellt, dass, als der Überfall auf die Deutschen einsetzte, die in Paprad untergebrachten 1. und 4. Komp. den Ort bereits verlassen hatte., dass aber ein kleiner Trupp im Ort verblieben war. Nach diesen bisherigen Feststellungen neige ich zu der Ansicht (mehr ist es einstweilen nicht!), dass dieser kleine Trupp ein Kommando war, das Alimow eigens zur Ausführung der Ermordung der Deutschen in Paprad zurückgelassen hatte. Ist die Angabe, dass Alimow diesen Befehl erteilt hat, nicht richtig, so bleibt noch die Möglichkeit eigenmächtigen Handelns einer kleinen Gruppe.

Erweist sich diese Hypothese als richtig, dann würde meine Überzeugung, dass die Truppe in das Manöver des Alimow völlig ahnungslos hineingesteuert wurde, begründet sein.

Die in der Pionier-Kaserne Nove Mesto untergebrachten 286 Mann haben mich flehentlich gebeten, ihnen zu glauben und ihnen ihre Ehre wiederzugeben, um die sie von ihrem Kommandeur, den sie nunmehr verachten müssten, heimtückisch gebracht worden seien. Dem Führer, einem Oberscharführer, traue ich nicht. Ich würde aber keine Bedenken haben, unter Ausschluss dieses einen Mannes die Truppe persönlich in ihren Standort zurückzuführen.

Zur Frage der Motive Alimow's: Alimow, ein persönlich ausserordentlich tapferer Mann, ist ein junger Asiat, und zwar ein ausserordentlich ehrgeiziger Asiat. Fühlt ein solcher Mann in seinem Ehrgeiz sich gekränkt - die Neigung dazu entsteht leicht und oft durch die geringfügigsten Dinge - , so kennt er nicht die dem Europäer gewohnten und selbstverständlichen Hemmungen. Dazu kommt das ungezügelte Temperament dieser Leute. Ich neige zu der Ansicht, dass die aus der Zusammenfassung der verschiedenen Volksstämme zwangsläufig sich ergebenden Beschränkungen der einzelnen Nationalitäten in Alimow den Gedanken geboren haben, dass sie seinem angestrebten Aufstieg zum "Großchan" Gesamt-Turkistans hinderlich sind. So hat er sich zurückgesetzt und gekränkt gefühlt, bis eben sein jähes Temperament ihn auf seinen Irrweg geführt hat.

Wichtig war nun die Klärung der Lage bei dem 2. Batl. des Waffen-Regiments der SS Turkistan Nr. 1, das in Stara Myjava stationiert ist. Sofortige Erkundung ergab, dass der turkistanische Batl.-Kdr. (Waffen-Ustuf. Narsikulow) auf Befehl von Alimow die Truppe sich selbst überlassen und seinen Weg mit Koffern zu Alimow genommen hatte.

Sofort habe ich den Kommandeur des Waffen-Rgts. Aserbaidschan Nr. 1,

das sich als absolut fest und treu erwiesen hat, nach Stara Myjava entsandt. Er hat nach einer Ansprache an das aus Tataren bestehende Batl. mir die Gewissheit mitgebracht, dass die Männer dieses Batl. mit den Machenschaften Alimow's nichts zu schaffen hatten, auch nichts zu schaffen haben wollen. So hat er, völlig beruhigt, anstelle des desertierten Kommandeurs den aserbaidschanischen Waffen-Ustuf. Seinalow eingesetzt. Es sind auch im Laufe des heutigen Tages nicht die geringsten Anzeichen dafür gewesen, dass irgendwelche Unsicherheit in diesem Batl. besteht.

Da gestern die Lage trotz allem mir noch nicht genügend geklärt schien, habe ich für die Nacht vom 25. zum 26.XII. besondere Maßnahmen getroffen:

1) Es wurden sämtliche Deutsche im Gefechtsstand des Verbands-Stabes zusammengezogen.

2) Die Wachen wurden verstärkt, die Verteidigung insgesamt auf die Unterkunft des Verbandes konzentriert.

3) Das Waffen-Rgt. Aserbaidschan Nr. 1 wurde in höchster Alarmstufe gehalten.

4) Von der Krim-Tataren-Brigade (Sobotiste) wurden 4 Gruppen mit einem SS-Hauptsturmführer herangeholt.

5) Der Ort wurde durch verstärkte Streifen ununterbrochen durchgangen.

Kurz erwähne ich noch das im Auftrag vom Ia des Deutschen Befehlshabers in der Slowakei von mir verfasste Propagandablatt, das zum Abwurf durch Flugzeug gedacht ist.

Ausserdem wurde für die von den Turkistanern geräumten Unterkunftsorte folgende Sicherung getroffen:

a) Stara Tura wurde gesichert durch Major Glöckner (Landesschützen-Batl. 618),

b) Nach Paprad wurden 2 Kompanien vom Waffen-Rgt. SS Aserbaidschan Nr. 1 gelegt, die die Objektsicherung des Rgts. Turkistan und die Abschirmung nach Nordost übernahmen.

Die Nacht ist jedoch ohne jeden Zwischenfall verlaufen.

Folgerungen:

1) Ich sehe die Lage zur Zeit als beruhigt an und hege bezüglich der weiteren Einheiten keine Bedenken.

2) Die meinem Verbande neu eingegliederte Krim-Tataren-Brigade werde ich morgen, 27.XII. besichtigen und sprechen.

3) Die in den verschiedenen Unterkünften und auch in Myjava zurückgebliebenen Turkistaner habe ich der Führung des

Waffen-Untersturmführers Kuliew unterstellt, der, wie oben gesagt, sich treu erwiesen und die erste Meldung veranlasst, bezw. anschliessend persönlich erstattet hat.

4) Nach Lage der Dinge schlage ich vor, dass nunmehr die Gesamtheit des Osttürkischen Waffen-Verbandes der SS aus den zivilen Unterkunftsorten herausgezogen und in einem unverzüglich aufzubauenden und zu umfriedenden Barackenlager kaserniert untergebracht wird. Da wäre die Gewähr für engste Zusammenfassung der gesamten Truppe unter straffer Aufsicht und wäre zugleich die Möglichkeit ihrer exerziermässigen Ausbildung gegeben. Damit wäre ferner den Einflüssen der immerhin nicht sicheren Zivilbevölkerung ein Riegel vorgeschoben.

Soweit nicht auf dem Truppen-Übungsplatz Malacky dafür Raum zu schaffen ist, wäre die Durchführbarkeit des Aufbaues eines entsprechend großen Barackenlagers in einer Frist von wenigen Wochen als unbedingt gegeben anzusehen, nachdem mir bekannt geworden ist, dass der SS-Wirtschafter in Ungarn - speziell für die Truppen der 58. Geb. Brigade - derartige Unterbringung mit sämtlichen zugehörigen Material in Ungarn aus dem eigenen Raum und mit den dem SS-Wirtschafter zur Verfügung stehenden Mitteln zu schaffen vermochte. Ich stehe auf dem Standpunkt: Was der SS-Wirtschafter im waldarmen Ungarn gekonnt hat, dass muß das Reich

Im

(Текст существует в архивах в незавершённом виде. – Б.С)

Приложение 23. Протокол допроса Сиона Рахманова, Сарсена Исмаилова, Абдуразака Атабаева, Чермады Хасанова от 8 января 1945 года

Abschrift

Waffen-Batl. der SS Turkistan Nr. 1
Abt.Ia_____Pl.

O.U.,d.8.Januar 1945

Vernehmung.

Auf Befehl erscheinen
Waffen-Schtz. Rachmanow, Sion (Usbek)
Waffen-Schtz. Ismailow, Sarsin (Kirgise)
und sagen, mit dem Gegenstand der Vernehmung vertraut gemacht und zur Wahrheit ermahnt folgendes aus:

Zur Sache: Am 7. Januar 1945 wurden wir von dem SS-Hascha. Haase von der Feldgend. der Ortkommandantur abgeholt.

Wir gehörten bisher der Gruppe "Bachadirow" an. Bachadirow sagte am 25.12.44 zu uns: "Wir rücken jetzt ab, die Russen haben Fallschirmjäger abgesetzt. Im Kampf gegen die Fallschirmjäger werden wir vom I. und II.Batl. unterstützt". Wir marschierten dann über die Waag-Brücke, kamen an einen Ort, der mit ca. 80 deutschen Soldaten belegt war. Bachadirow war stets bei uns. B. äußerte dann, dass wir bald einen Angriff machen würden. Der Marsch ging aber immer weiter. Von uns wurde dann gefragt, wann wir an die russ. Fallschirmjäger kämen. Man antwortete bald. Wir marschierten durch eine Schlucht. Am Ende dieser Schlucht war ein MG. aufgebaut, dann tauchten links und rechts Partisanen mit umgehängter MPi. auf. Dann näherte sich von rückwärts das I.Batl. mit Alimow und einem Obersten an der Spitze. Alimow liess dann alles antreten und sprach folgendes: "Wir sind jetzt keine Soldaten, deutsche, mehr, sondern rote Partisanen. Wer versucht, überzulaufen, wird erschossen". Ich sah dann, wie Alimow dem Obersten Papiere übergab. Wir waren ca. 3 oder 4 Tage bei den Partisanen. Einfügen muss ich noch, dass wir alle fotografiert wurden, nachdem Alimow zu uns gesprochen hatte. Die Zivilisten mussten uns dann Brot geben, waren auch freundlich zu uns. Die Belegung der Quartiere war: 1 Zug eine Stube. Verpflegung bekamen wir nicht. Am nächsten Tag gab es 25-30 Mann ein Brot. Der frühere Stabsscharf. Mursarachmatow erlaubte uns an einam

Tag in einem anderen Dorf Brot zu holen. Wir hatten die Absicht, überzulaufen. In einem Dorf begegnete uns ein deutscher Lkw. Wir sagten zu den deutschen Soldaten, sie sollten nicht weiterfahren, im anderen Dorf seien Partisanen. Wir kamen dann noch zu einem deutschen Major. Später wurden wir dann von 2 deutschen Uffz. zur Feldgend, der Orts-Kdtr. Pressburg gebracht. Die Stimmung bei den turkistanischen Soldaten ist sehr schlecht. Sie wollen gerne zurück, haben aber Angst. Früher habe ich niemals gehört dass Alimow die Absicht hatte, überzulaufen. Alimow sagte noch zu uns: "Die Turkistaner, die in Nove Mesto in der Kaserne sind, wurden entwaffnet und einige erschossen. Bemerken muss ich noch, dass wir in Pressburg nicht vernommen wurden".

F.d.R.d.Übersetzung:	Vernehmdende:	
Gez.Axt	gez. Plambek	
SS-Unterscharführer	SS-Uscha. und Ia-Schreiber	
v.g.u.		
Gez.Rachmanow	gez. Ismailow	F.d.R.d. Abschrift
Waffen-Schütze	Waffen-Schütze	Stabshelferin

A b s c h r i f t

Ostturkischer Waffen-Verband der SS 10.1.45.
Abt.Ic
Vernehmungsniederschrift.

Es erscheint der Waffen-Schtz. C h a s a n o w, Tschermada, früher Angehöriger des Waffen-Rgt. Turkistan Nr. 1 -I.Batl./l.Komp. und meldet sich von den Partisanen zurück. Auf Befragen sagt Ch. folgendes aus:

"Ich war erst kurze Zeit bei der Einheit, da ich aus der Gefangenschaft kam. Ich wurde am 4.April 44 gefangen. Ich lag mit dem Jagdzug in Zemanske Podhradie. Am 25.12. sind wir um 2.00 Uhr nach Waag-Neustadt marschiert und von da aus über die Waag etwa 3 - 4 Dörfer weiter. Es hat geheißen, dass wir in Einsatz gehen. An der Waag-Brücke standen deutsche Posten. Sie liessen uns ohne weiteres passieren. Wir kamen in ein Dorf oder grössere Ortschaft mit einen grossen modernen Haus. Hier haben wir geschlafen. Unsere Kolonne wurde von zwei Untersturmführern geführt (vermutlich B a c h a d i r o w). In dieser Ortschaft kamen deutsche Soldaten und die beiden Untersturmführer gingen mit ihnen weg. Nach 2 Stunden kamen die beiden wieder zurück, weckten die Mannschaft und sagten uns, wir gingen in unser Dorf zurück. Wir marschierten weiter durch 2-3 Dörfer und die Kameraden sagten, wir

gingen in einer falschen Richtung, da unser Dorf anderswo liegt. In einem Dorf bekamen wir den Befehl, uns Schlafen zu legen, da wir erst morgen in unserem Dorf ankamen. Wir gingen weiter und bekamen den Befehl, wer immer, von wo immer er auch käme, sollten wir nicht schiessen. Geschossen sollte nur auf ausdrücklichen Befehl werden. Da kamen wir zu Partisanen, die zum Teil in Zivil, zum anderen Teil in slow. Uniformen gekleidet waren. Wir wurden aufgeteilt und zwar so, dass von 10 Mann 3 Turkistaner waren. Die Partisanen waren Slowaken und Russen. Es waren ungefähr 100 Mann. Als wir zusammen mit den Partisanen in ein Dorf kamen, mussten wir die Waffen abliefern und nachher wurden wir in Unterkünfte verteilt. Es lagen immer 10-15 Turkistaner mit 20-25 alten Partisanen zusammen. In der Frühe traten wir an und wurden im Verhältnis 30:10 mit den Partisanen vermischt. Gruppenführer waren Russen in slow. Uniform. Alles wurde von einem russischen Offizier geführt. Nachher bekamen wir unsere Gewehre zurück und wurden in verschiedene Dörfer und Ortschaften verteilt. Als wir sahen, was los war, kam ein dunkelhaariger Untersturmführer in einem braunen Ledermantel und erklärte uns, es hätte keinen Zweck zu versuchen zurückzulaufen, da die Deutschen den Chef-Mullah und 150 Turkistaner erschossen haben und uns würde man ebenfalls erschiessen. (Vermutlich Jakubow). Der Untersturmführer trug eine schwarze Zivilmütze und machte immer Propaganda. Als wir für 20 Mann 1 Brot bekamen, sagte er uns, es werde bald sein, denn wir kämen in unsere Heimat. Alles das, was wir sehen, und erlebten, zwang uns sich mit den Möglichkeiten der Flucht, zu beschäftigen.

Die Partisanen wussten jedoch, dass wir gegen unseren Willen zu ihnen verschleppt wurden und bewachten uns umso schärfer.

Unsere Verpflegung war sehr schlecht; wir wurden von den alten Partisanen dauernd bewacht. Sie gingen bewaffnet in die Dörfer und brachten die Verpflegung herbei. Tagsüber waren wir im Wäld, in der Nacht schliefen wir in kleinen Dörfern und Siedlungen, mit nicht mehr wie 2-3 Häusern. Täglich marschierten wie 10-20 km. Zu Unternehmungen wurden wir noch nicht eingesetzt. Die alten Partisanen erzählten, dass sie 3-4 mal die Deutschen überfallen und beschossen haben.

V.g.u:	geschlossen:
Gez.Chasanow	gez. Pawera
Waffen-Schütze	SS-Oberscharführer
F.d.R.d.Abschr.	
Stabshelferin	

Abschrift.
Waffen-Batl. der SS
AbtL. Ia Nr.1. *O.U.,den 10. Januar 1945*

Vernehmung.

Auf Befehl erscheint der Waffen-Schtz. A t a b a e w , Adburasak, geb. 1924 in Kissilsei, Usbekistan, und sagt, mit den Gegenstand der Vernehmung vertraut gemacht und zur Wahrheit ermahnt, folgendes aus:

Ich gehöre der Gruppe Bachadirow an. Am 24.12.1944 bekamen wir unsere Weihnachtszuteilung. Am. 25.12. 14.00 Uhr traf der Ustuf. Jakubow ein und sagte, dass wir heute am 16.00 Uhr weggehen. Es sollte niemanden etwas den Zivilisten erzählen. J. sagte weiter, wir ziehen ca. 6 Km. weiter in ein Dorf. Um 16.00 Uhr traten wir alle an, sämtliches Gepäck sollte mitgenommen werden. Jakubow sagte bei dem Antreten folgendes: Ilemissow und er seien alte Führer und alle Kdos. von ihnen seinen auszuführen. In dieser Zeit war Ustuf. Bachdirow nicht anwesend. Kurz nach 16.00 Uhr marschierten wir ab. Um 20.00 Uhr trafen wir hinter Nove Mesto auch einen deutschen Oberst. Er sah wie folgt aus: groß und schlank. Der Oberst hatte befohlen, alle Waffen sind abzugeben. Jakubow, Bachadirow und Ilemissow waren anwesend. Wir wollten unsere Waffen nicht abgeben. Der Oberst hatte auch nichts dagegen, als wir unsere Waffen behielten. Bis 21.00 Uhr waren wir in diesem Ort, tranken bei den deutschen Soldaten Kaffee. Bemerken muß ich noch, als wir über die Waag-Brücke marschierten, sprachen unsere 3 Führer mit dem Brückenposten und wir konnten die Brücke passieren. Später liess Jakubow halten und sagte folgendes: "Wir laufen jetzt zu den Partisanen über", hielt die Pistole in der Hand und drohte, jeden zu erschiessen der nicht mitmachen wollte. Später kam ein Zivilist, der uns zu den Partisanen führte. Das I.Batl. traf erst am nächsten Morgen ein. Alimow befand sich aber bereits dort. Am nächsten Tag wurden wir in Adrate eingeteilt. Nachmittags wurde angetreten, der russ. Oberst sprach Alimow seinen Dank aus.

Verpflegung bekamen wir keine. An diesem Tag sollte Pferdeappell stattfinden. Während des Antretens der Pferde, wurden wir von deutschen Soldaten beschossen. 4 Turkistaner fielen dabei. Wir marschierten daraufhin 15 km. weiter. Am 3. Januar 1945 war um 10.00 Uhr Antreten. Alimow sagte folgendes: In der Nacht um 3.00 Uhr findet ein Angriff auf den Ort, der mit dem deutschen Oberst und ca. 80 Mann belegt sei. Wir bekamen weiße Armbinden

und weiße Bänder um die Mützen. Um 22.00 Uhr abends trafen wir ca. 10 km. vor Novo-Mesto ein. Hier traf ich den Waffen-Schtz. Allerbengenow, Tair. Der A. sagte dann zu mir, wir wollen zu den deutschen Truppen überlaufen. Ca. 600 Mann standen zum Angriff bereit. Wir meldeten uns damm bei dem Oberst. Der deutsche Oberst ließ und dann nach Trencin bringen. Hier waren wir 2 Tage und wurden dauernd vernommen.

f.d.R.d. Übersetzung	v.g.u.
gez- Uterschrift Axt)	Waffen-Schtz.
SS- Unterscharführer	Atabaew
der Vernehmende:	
Plambeck	
SS- Unterscharführer	f.d.R.d.Abschrift
und Ia Schreiber	Stabshelferin

Приложение 24. О создании во Франции филиала ZAVO (Zentrale für die Angehörigen der Völker des Ostens - Центрального Бюро по Работе с Представителями Восточных Народов) от 16 ноября 1943 года за подписью Эберта (BA, NS 8/252)

Georg EBERT *Paris, den 16. November 1943*
Oberabscnnittsleiter RL

Betr.: Einrichtung einer AUSSENSTELLE FRANKREICH der ZAVO in Paris.

Gelegentlich seines Berliner Besuches im Juni d.J. trug der Unterzeichnete dem Herrn Reichsminister, dem damaligen Herrn Hauptabteilungsleiter I und Herrn Professor von MENDE den Plan vor, in Paris eine Aussenstelle der ZAVO zu errichten. Trotz grundsätzlicher Zustimmung konnte der Plan infolge der damaligen Unklarheiten über den organisatorischen Aufbau der ZAVO noch nicht durchgeführt werden.

Die nunmehr erfolgte organisatorische Neuordnung der ZAVO bietet jetzt die Möglichkeit, den damaligen Plan auszuführen. Der in

den letzten Monaten erfolgte verstärkte Einsatz von Angehörigen der Völker des Ostens in Frankreich macht die Errichtung dieser Aussenstelle dringlich.

In der Zwischenzeit wurden die wichtigsten anfallenden Arbeiten im Einvernehmen mit dem Befehlshaber der Sicherheitspolizei und des SD im Bereich des Militarbefehlshabers in Frankreich von dem Unterzeichneten interimistisch wahrgenommen.

Die Tätigkeit der Aussenstelle entspricht dem Aufgabenbereich der ZAVO und umfasst die in Frankreich eingesetzten Ostarbeiter, die hier wirksam werdenden umgeschulten ehemaligen Kriegsgefangenen und die Legionäre landeseigener Verbände.

Gemдss dem Aufgabenbereich des RMfdbO ist vor allem die politische Ausrichtung und Ansprache der in Frankreich tдtigen Ostarbeiter durch die ZAVO wahrzunehmen. Geschieht dies nicht, ist zu befьrchten, dass unerwьnschte Beeinflussung von Seiten der russischen Emigration in Frankreich erfolgt.Desgleichen ist die Steuerung der von den Berliner Leitstellen zu veranlassenden Massnahmen im Hinblick auf die in Frankreich befindlichen landeseigenen Gruppen durch eine mit den hiesigen Landesvehдltnissen vertraute Stolle erforderlich.

Es ist nicht beabsichtigt, mit der Aussenstelle einen grossen Apparat aufzuziehen. Der für die derzeitige Arbeit erforderliche Personenkreis würde sich ausser dem unterzeichneten Leiter aus einem qualifizierten Mitarbeiter (russische und französische Sprachkenntnisse und Eignung zu selbständiger Arbeitsführung) und einer Sekretärin (französische Sprachkenntnisse und Eignung zur selbständigen Führung des Büros in Abwesenheit des Leiters) zusammensetzen. Um von vornherein eine ordnungsgemasse Verwaltung des Verwaltungs- und Rechnungswesens zu sichern, legt der Unterzeichnete Wert darauf, dass von Berlin ein Beamter des gehobenen Dienstes in regelmässigen Zeitabständen zur Leitung und Beaufsichtigung der Kassen-und Verwaltungsarbeiten und zur Entgegennahme der Belege vom RMfdbO nach Paris geschickt wird.

Betreffs der Vergütung des Unterzeichneten, der Angestellter der Reichsleitung der NSDAP, Aussenpolitisches Amt, ist und von dort zum RMfdbO abgeordnet wurde, wird auf einen Wunsch des Herrn Reichsministers, dass der Unterzeichnete in seinen Bezügen dem Herrn Leiter der Dienststelle Westen des RMfdbO gleichgestellt wird, verwiesen. Da sich bei der interimistischen

Wahrnehmung der Geschäfte der Aussenstelle Frankreich der ZAVO immer

Dringendere

Probleme ergeben haben (Einsatz von Flüchtlingen aus dem Osten, Herausnahme von Kaukasiern und anderen nicht-slawischen Völkern aus dem Ostarbeiterverhältnis; Erfassung von Angehörigen qualifizierter Berufe; Förderung der Arbeit der Hilfskomitees für kaukasische Kriegsgefangene; Unterbindung des direkten Einflusses der Emigration auf alle in Frankreich befindlichen Angehörigen der Ostvölker), bittet der Unterzeichnete um eine beschleunigte Behandlung seines Vorschlages.

Heil Hitler!

(E b e r t)

Приложение 25. Медицинская справка о смерти Мустафы Чокая, выданная в берлинской больнице "Виктория"

Städtisches Auguste-Viktoria-Krankenhaus
Berlin-Schöneberg

I. Innere Abtlg.

Postanschrift des Absenders: Städtisches Auguste-Viktoria Krankenhaus
Berlin-Schöneberg (Post Friedenau), Canovastraße 9

Fernruf: 71 01 41

Herrn Loewin B e y ,

Minden i.Westf.,

Hauptpostlagernd.

Ihre Zeiche Ihre Nachricht vom:Unser Zeichen: Tag: 2.3.50 .

Betrifft: Mr. Mustafa-Bey Tschokaioglu.

Zwecks Vorlage bei einer deutschen Dienststelle wird bescheinigt, daß

Herr Mustafa-Bey Tschokaioglu

vom 22.12.41 bis zu seinem Tode am 27.12.41 im Auguste-Viktoria-Krankenhause, Berl.-Schöneberg, wegen Fleckfiebers in Behandlung war.

Der Tod erfolgte unter dem Bilde eines Kreislaufkollapses, der im Anschluß an eine innere Blutung eintrat.

(Dr. Misgeld),
Arztlicher Direktor und
Chefarzt d,I.Inn.Abtlg.

Приложение 26. Из дневниковых записей Кадема Жуманиязова

12.12. 1945

В прошлом году 12 декабря 1944 года в г. Тулузе (южная Франция) находился наш 1-й советский партизанский полк, состоявший в основном из казахов и грузин. Мы все бежали из лагеря для военнопленных и дрались против немцев. Я командовал отрядом автоматчиков численностью в 90 человек, в котором были испанцы, французы, поляки, русские и казахи. Освободили множество городов и деревень Франции: Тулузу, Альби, Кармо, Монтобан, Каркасон, Фуа, Сен-Годан, Сен-Жирон и другие. Было мало потерь личного состава. Продукты нам давали местные жители, а боеприпасы и оружие нам поставляли американцы и англичане с воздуха, парашютом. Испанская 14-я партизанская бригада присвоила мне звание лейтенанта.

После 24 октября 1944 года я вместе с четырьмя партизанами нашего полка прибыл в Тулузу. Нашему полку присвоили звание "1-й партизанский". Во Францию из Советского Союза прибыли генерал-майор Драгун и генерал-майор Вихарев, узнав, что наш полк стоял в Тулузе, в казарме Борделон. До 1 февраля 1945 года я в качестве командира оставался в Тулузе. Затем я был назначен военной миссией начальником лагеря советских граждан, освобождённых союзными войсками, и до 1 сентября 1945 года работал в местечке Кеймос на юге Франции…

15.02.1946

…Я почти с самого начала войны воевал против немцев, не щадя своей крови. Был вынужденно пленён немцами. Бежал из

плена, присоединился к партизанам в чужой стране, во Франции, в трудной обстановке. Не зная языка, обычаев, вместе с партизанами боролся против немцев, т.е. против фашизма. Имею пять медалей за это. А здесь, на родине, районные работники смотрят на меня с подозрением, не хотят давать работу. Почему так?...

12.09. 1946

...Ничего существенного не произошло. Получил ответное письмо от СНК СССР по репатриации. Настроение скверное, потому что материальный недостаток озадачивает до крайности. Скоро зима. Нет ни одежды, ни квартиры, никаких условий для человеческой жизни. Преподаю в школе, думаю о существовании. Не то, чтобы жить, даже существовать трудно. Живём с чужими людьми в сарае без окон, без дверей. Местные организации смотрят на это сквозь пальцы. Как я глубоко ошибся, демобилизовавшись из армии! Было бы легче всё переносить, не видя страдания близких. 7 лет настрадавшись на фронте, получив 6-7 ранений, вернулся в свой родной край. Не знаешь, с чего начинать, к кому обратиться. Родители умерли, не дождавшись меня. Их имущество исчезло...

Приложение 27. Ответ сотрудника Туркестанского военного округа на просьбу о посмертной реабилитации Манаса Нугманова

ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА
ТУРКЕСТАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

13 июля 1990, № 4/354

На ваш № 26с от 21.06.90
г.Ташкент, почтамт

Военной прокуратурой Туркестанского Военного Округа пересмотрено уголовное дело в отношении **Манаса Нугманова**.

Установлено, что в мае 1940 г. Нугманов был призван на службу в Красную армию Зайсанским райвоенкоматом ВКО. В 1941 году в воинском звании "лейтенант" в начальный период

Великой Отечественной войны служил в артиллерийских войсках на должности командира взвода.

В октябре 1941 г. Нугманов в районе г.Вязьмы Смоленской области попал в окружение и пленен немцами.

В течение почти двух лет он находился в различных лагерях для военнопленных, а в августе 1943 вступил в созданный немцами для борьбы с Красной армией и партизанами так называемый "Туркестанский легион", где длительное время исполнял возложенные на него командованием легиона обязанности в пропагандистском взводе. За службу у немцев Нугманов получал денежное содержание и другое довольствие наравне с немецкими солдатами.

В ноябре 1943 г. он в составе части "Туркестанского легиона" прибыл во Францию, где легион участвовал в строительстве оборонительных сооружений и борьбе с французскими партизанами.

В августе 1944 г., когда исход войны в пользу СССР и союзных государств стал ясен, Нугманов дезертировал из легиона и присоединился к формированию французских партизан.

Данных об участии Нугманова в вооружённой борьбе против немецких войск не имеется. В 1945 г. Нугманов репатриирован в СССР.

31 октября 1946 г. военным трибуналом Туркестанского военного округа Нугманов за измену Родине осуждён по ст. 58-1 "б" УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с лишением воинского звания "лейтенант".

То обстоятельство, что Нугманов непосредственного участия в боях с советскими войсками и войсками союзников не принимал, судом обоснованно расценено как смягчающее его вину обстоятельство и учтено при назначении наказания.

Виновность Нугманова в измене Родине в форме перехода на сторону врага материалами дела доказана.

Оснований для опротестования судебных решений и реабилитации Нугманова не имеется.

Полковник юстиции **А.Шатохин.**

P.S. Манас Нугманов реабилитирован при повторном обращении в КНБ РК в декабре 1996 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение всего периода существования СССР Туркестанский легион пропагандировался как легион предателей Родины, который якобы воевал против собственного народа. До сих пор истина об условиях образования Туркестанского легиона и участи туркестанских легионеров не доведена до широкой общественности и остаётся белым пятном в историографии народов бывшей советской Центральной Азии. Ни в одной из бывших советских центральноазиатских республик не предприняты шаги по реабилитации невинных людей, ставших жертвами тоталитарных режимов коммунистов и нацистов.

В задачу настоящего исследования входило (на основании архивных материалов, документов, свидетельств и других источников) не только восстановление истории Туркестанского легиона, но и доказательство необоснованности обвинений в совершении нашими пленными соотечественниками преступлений против собственного народа.

Для этого потребовалось раздвинуть временные рамки и вернуться к истокам национально-освободительного движения в Туркестане и проанализировать все его этапы, предшествовавшие появлению легиона.

Этап первый был связан с новой военно-политической ситуацией, сложившейся в Туркестане после падения царского режима, которая привела в движение многочисленные силы, претендовавшие на захват власти и установление своего колониального господства над Туркестаном. Полное пренебрежение интересами народа Туркестана, которому исторически принадлежала эта территория, вызвало народное возмущение, переросшее в национально-освободительное движение, названное советскими историографами "басмаческим". При этом басмачи были названы бандитами.

Второй этап приходится на период установления диктатуры партии большевиков в Туркестане, пришедших к власти на крови местного населения и через уничтожение двух национальных автономий (Алаш-Орды и Кокандской автономии). Ещё больше усиливается народное сопротивление, и оно уже идёт по двум направлениям. Одно из них, в лице руководителей партии Алаш, действует внутри Туркестана, поделённого волюнтаристским образом большевиками на несколько административных единиц ("Разделяй и властвуй!").

Другое направление, обозначившее *третий этап,* – это организация национально-освободительного движения за рубежом с тем, чтобы привлечь внимание мировой общественности к бесчинствам, творимым коммунистами в Туркестане. Связь этих двух направлений между собой вызывает обоснованное опасение у советского правительства, которое разными способами пытается не допустить сращения обоих направлений национально-освободительного движения. Поэтому внутри страны под надуманным предлогом борьбы с "национализмом" разворачивается широкомасштабная акция по уничтожению видных политических деятелей. Уничтожаются члены партии Алаш, бывшие члены правительства Кокандской автономии, организуются репрессии на именитых людей, которые, по мнению коммунистов, могут стать потенциальной угрозой устоям советской власти. Туркестан становится полигоном советских карательных органов, которые узаконивают самые кровавые методы уничтожения туркестанской интеллигенции без суда и следствия.

Формальным поводом для уничтожения политических противников и даже просто ни в чём неповинных людей (как правило, это были лучшие представители национальной интеллигенции) становится обвинение их в национализме. Слово "национализм" становится синонимом слова "враг", тогда как на деле оно обозначает: а) чувство патриотизма и любви к Родине и своим истокам; б) волеизъявление какого-то народа строить и развивать своё суверенное государство; в) совокупность нациообразующих элементов. Однако возвышение роли одной нации в ущерб интересам других превращает национализм в понятие с отрицательной коннотацией: он становится политической доктриной. Сделав ставку на самую многочисленную часть населения, то есть русских рабочих и крестьян, советское правительство провозглашает верховенство русской нации над всеми

народами СССР. Таким образом, одна нация превращается в орудие подавления других. Это было необходимо коммунистам для упрочения диктата коммунистической партии и продолжения царской колониальной политики.

Через резидентурную сеть советских спецслужб за рубежом предпринимаются меры по ликвидации эмигрировавших лидеров национально-освободительных движений, в том числе и лидера туркестанского национально-освободительного движения Мустафы Чокая.

В эмиграции Мустафа Чокай использует весь свой талант юриста, политика, журналиста-аналитика, знания нескольких европейских и тюркских языков для разоблачения всей подоплёки национальной политики коммунистов, разработки стратегии и тактики туркестанского национально-освободительного движения. Политическим органом движения становится издаваемый им и его сподвижниками в Европе журнал "Яш Туркестан".

Туркестанское национально-освободительное движение, созданное Мустафой Чокаем за рубежом, приостановило свою деятельность в связи с оккупацией Франции нацистами в июне 1940 года.

Спецификой *четвёртого этапа* туркестанского национально-освободительного движения является его зарождение на территории Германии: это Туркестанский легион, ставший одной из форм национального сопротивления тоталитаризму попавших в плен советских солдат и офицеров - выходцев из Туркестана. Посланные на фронт защищать политический строй, уничтоживший в период с 1917 по 1941 годы сотни тысяч их соплеменников, отторгнутые от Родины Сталиным как предатели только за факт пленения, использованные тоталитарными режимами Сталина и Гитлера как пушечное мясо, попавшие в плен туркестанцы оказались перед дилеммой: дать согласие идти в легион либо безвестно сгинуть в нацистских лагерях. Естественная тяга к выживанию привела их в ряды Туркестанского легиона, а историческая память подвигла их на продолжение борьбы за восстановление утерянной независимости их страны. Они были вдохновлены идеями Мустафы Чокая, пробудившими в них чувство не только человеческого, но и национального достоинства.

Однако после смерти Мустафы Чокая его идеи были извращены и эксплуатированы нацистами и их подручными: попавшие в плен туркестанцы были под обманным лозунгом

"борьбы с большевизмом" загнаны в Туркестанский легион, в котором легионеры получили единственное право – право проливать кровь за интересы фашистского рейха и стать пушечным мясом во имя "сбережения немецкой крови" на фронтах.

Трагичность ситуации туркестанских легионеров привела к тому, что они в массовом порядке стали переходить на сторону партизанских движений в странах Европы. Их борьба была достойно оценена такими странами, как Франция, где после войны о них были написаны книги, сняты документальные фильмы, открыта в их честь мемориальная доска. Документы, связанные с участием туркестанцев в борьбе за освобождение Франции, бережно хранятся в различных архивах.

***

Особо следует рассмотреть два пункта обвинений, выдвинутых советскими коммунистами в отношении Мустафы Чокая.

1. Об утверждении советской стороны о причастности Мустафы Чокая к созданию Туркестанского легиона и Туркестанского Национального Комитета.

2. О версии советских спецслужб относительно условий, предъявленных Мустафой Чокаем немецкой стороне.

Об утверждении советской стороны о причастности Мустафы Чокая к созданию Туркестанского легиона и Туркестанского Национального Комитета

Данное обвинение не подкреплено ни документами, ни фактами. Единственное, на что опирались политические противники Мустафы Чокая, это якобы признания бывших туркестанских военнопленных, полученные в ходе допросов, учинённых советскими спецслужбами ("дело сорока девяти", упомянутое в разделе 3).

Факты, выявленные в ходе настоящего исследования, свидетельствуют о нижеследующем.

Мустафа Чокай не по своей воле прибывает в Германию. 22 июня 1941 года его арестовывают в Париже и заключают в

замок Компьен. В середине июля того же года немцы его увозят из Парижа в Берлин, но только в конце сентября его допускают к попавшим в плен соотечественникам. За это время немцы решают, что делать с пленными: передать их айнзацгруппам (группам уничтожения) либо оставить в живых. Идут переговоры, встречи немецкого руководства с генералами из Турции, с Нури-пашой, проводится обсуждение содержания докладных записок посла Германии в Турции фон Папена. Вопрос о судьбе военнопленных увязывается с политическим вопросом о вовлечении Турции в войну на стороне Германии. В итоге берёт верх желание нацистов использовать пленных как пушечное мясо, хотя формально был выдвинут обманный довод о создании военных формирований для борьбы с большевизмом. Позже борьба с большевизмом возводится в ранг политического лозунга Туркестанского и других легионов.

На предложение о сотрудничестве Мустафа Чокай, находясь ещё в Париже, заявляет, что даст ответ только после встречи со своими пленными соотечественниками. Мустафа Чокай соглашается войти в состав комиссии по работе с военнопленными прежде всего по следующим причинам. Зная, что советская сторона, не подписав Женевскую конвенцию, лишила себя права иметь списки красноармейцев, попавших в немецкий плен, а советских военнопленных – таких элементарных прав, как право на медицинскую и другую помощь, право переписки с родными, юрист Мустафа Чокай решает сам ознакомиться с условиями содержания своих соотечественников в концлагерях. Это было также важно для того, чтобы воочию увидеть отношение немецкой стороны к его соотечественникам. От этого зависела также мера доверия Мустафы Чокая к нацистам и, соответственно, характер ответа на предложение о сотрудничестве. Однако всё увиденное ввергло Мустафу Чокая в крайне удручающее, подавленное состояние. При бесчеловечном обращении немцев с пленными туркестанцами ни о каком его сотрудничестве с немецкой стороной, ни тем более об участии в создании легиона либо Туркестанского Национального Комитета не могло быть и речи. Мустафа Чокай сумел составить списки военнопленных, собрать и засвидетельствовать на бумаге факты зверского обращения фашистов с военнопленными (не только туркестанскими) и оставить всё это Марии Яковлевне.

Бывший туркестанский легионер, после войны ставший

первым директором казахской редакции радио "Свобода", Жаке Бапиш свидетельствовал в документальном фильме "Зар, или Отлучённые от Родины", что Мустафа Чокай был против создания Туркестанского легиона, полагая "бесчеловечным бросать снова в бой тех, кто уже побывал в пекле войны и испытал на себе ужасы концлагерей". Данное утверждение вызывает больше доверия, чем "показания", вырванные под пытками сотрудниками советских спецслужб у вернувшихся на Родину бывших легионеров.

22 декабря 1941 года Мустафа Чокай с высокой температурой поступает в берлинскую больницу "Виктория". В этот же день подписывается приказ о создании ряда легионов, в том числе Туркестанского. 27 декабря 1941 года, то есть через пять дней после поступления в больницу, Мустафа Чокай умирает.

Вышеизложенное говорит в пользу вывода о том, что Мустафа Чокай не был коллаборационистом: во-первых, это шло вразрез с его убеждениями, его гражданской гуманистической позицией; во-вторых, он умер раньше, чем был создан легион.

О версии советских спецслужб относительно условий, выдвинутых Мустафой Чокаем немецкой стороне

Изучение методов пропагандистской работы советских идеологических работников показывает, что советская сторона использовала метод полуправды и огульных обвинений, с тем чтобы опорочить Мустафу Чокая и туркестанских легионеров в глазах народа. Если даже допустить, что Мустафа Чокай действительно выдвигал идею создания Туркестанской национально-освободительной армии, то, согласно логике национально-освободительного движения, настойчивое требование о введении в бой Туркестанской национально-освободительной армии только при подходе к границам Туркестана связано лишь с желанием заручиться заранее широкомасштабной народной поддержкой и повернуть штыки против фашистских завоевателей.

Таким образом, проведённое исследование даёт достаточно оснований опровергнуть обвинение советской пропаганды в адрес Мустафы Чокая и туркестанских легионеров в

предательстве Родины и намерении воевать против собственного народа. Фактом является следующее: Мустафа Чокай был лидером туркестанского национально-освободительного движения, организованного им на территории Европы, и не давал согласия на сотрудничество с нацистами, а туркестанцы в составе созданного немцами легиона были движимы единственной целью – выжить и продолжить борьбу за восстановление независимости Туркестана.

Научная новизна настоящего исследования заключается, прежде всего, в том, что впервые на основании большого количества зарубежных архивных материалов стало возможным восстановление трагической истории Туркестанского легиона.

Список цитируемых источников

1.Белан П.С.Правда о "Гростуркестане" и "Туркестанском легионе": История Казахстана: белые пятна. - Алматы, 1991. - С. 295 – 315.

2.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С. 73.

3.Белан П.С.Правда о "Гростуркестане" и "Туркестанском легионе": История Казахстана: белые пятна. - Алматы, 1991. - С. 303.

4.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С. 54.

5.Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий// Новая и новейшая история России. 1996. № 2. С. 91 – 112.

6. Приложение 1.

7.Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев С.С., Алимов И.А. и др. – Ташкент, 2000. – С.125.

8.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.1 – 160 б.

9.Кул-Мухаммед М. Генезис и этапы становления партии Алаш.– Алматы, 2000.

10.Беннигсен А., Лемерсье-Келькежей Ш. Пресса и национальное движение среди мусульман России до 1920 года //Альманах "Алем", выпуск 1. – Алма-Ата, 1990. – С. 170-171.

11.Khalid //Tashkent 1917: Muslim politics in revolutionary Turkestan// Slavic rev.// Stanford, 996, vol.55, N 2, p.271.

12.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы:Қайнар, 1999. – Т.2 – 260-261 бб.

13.Khalid //Tashkent 1917: Muslim politics in revolutionary Turkestan// Slavic rev.// Stanford, 996, vol.55, N 2, p.281; Исхаков

С.//Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии//Acta Slavica Japonica N 18// 2001// С. 212.

14.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999. – Т.2 – 315 б. А также приложение 1.

15.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999. – Т.2 – 316 б.

16. Приложение 1.

17.Приложение 1.

18.Беннигсен А., Лемерсье-Келькежей Ш. Пресса и национальное движение среди мусульман России до 1920 года //Альманах "Алем", выпуск 1. – Алма-Ата, 1990. – С. 172.

19.Газета "Улуг Туркистан" от 13 декабря 1917 года.

20.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. - С. 27.

21.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999. – Т.1 – 314 б.

22.Газета "Улуг Туркистан" от 8 декабря 1917 года. Относительно права на самоопределение Ленин писал следующее: "Мы *за автономию* для всех частей, мы за *п р а в о* отделения (а не *з а о т д е л е н и е* всех!). Автономия есть *н а ш* план устройства демократического государства. Отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения. Но мы стоим за *п р а в о* на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получится после свободного отделения!!! Право на самоопределение есть *исключение* из нашей общей посылки централизма… Но исключение *нельзя* толковать расширительно. Ничего, абсолютно ничего кроме *п р а в а* на *о т д е л е н и е* здесь нет и быть не должно". В.И.Ленин. О национальном и национально-колониальном вопросе. М., 1956. - С. 98-99.

23.Приложение 1.

24.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999. – Т.1 – 314-317 бб.

25.Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев С.С., Алимов И.А. и др. – Ташкент, 2000. – С.97.

26.Приложение 1; Мустафа Чокай оглы (Чокаев) (25декабря 1890 г. – 27 декабря 1941 г.). Издано Обществом изучения Центральной Азии. Англия. Оксфорд, 1986; Чокай Мария. Я

пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. С. 164 – 165.

27.Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев С.С., Алимов И.А. и др. – Ташкент, 2000. – С.95-112.

28.Советский энциклопедический словарь (Большая Советская Энциклопедия). - М., 1980. - С. 605.

29.Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев С.С., Алимов И.А. и др. – Ташкент, 2000. – С.168.

30.Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев С.С., Алимов И.А. и др. – Ташкент, 2000. – С.168-169 со ссылкой на: РГВАб ф.110, оп.3, д.234, лл.4-5.

31.Приложение 1.

32.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.1 – 106 б.

33.Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев С.С., Алимов И.А. и др. – Ташкент, 2000. – С.169.

34.Gandolfi A. Les mouvements de libération nationale, PUF, 1989.

35.Gandolfi A. Les mouvements de libération nationale, PUF, 1989, p. 15.

36.Gandolfi A. Les mouvements de libération nationale, PUF, 1989, pp.33-35.

37.Gandolfi A. Les mouvements de libération nationale, PUF, 1989, p.6.

38.Gandolfi A. Les mouvements de libération nationale, PUF, 1989, p.66.

39.Gandolfi A. Les mouvements de libération nationale, PUF, 1989, p.54.

40.Қойгелдиев М. Тұтас Түркістан идеясы және Мұстафа Шоқайұлы. - Алматы, 1997, 24-27 бб.

41.Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев С.С., Алимов И.А. и др. – Ташкент, 2000. – С.115-116.

42.Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев С.С., Алимов И.А. и др. – Ташкент, 2000. – С.123.

43.Туркестан в начале XX века: к истории истоков

национальной независимости. Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев С.С., Алимов И.А. и др. – Ташкент, 2000. – С.119-120.

44.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001.– С.38-39.

45.Из истории российской эмиграции: Письма А.-З.Валидова и М.Чокаева (1924 – 1932 гг.) М., 1999. - С.6.

46.Исхаков С.М. Мустафа Чокаев: Революция в Туркестане. Февральская эпоха // Вопросы истории. – 20001. №2. С. 4.

47.Из истории российской эмиграции: Письма А.-З.Валидова и М.Чокаева (1924 – 1932 гг.) М., 1999. - С.6.

48.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. - С.79.

49.Из истории российской эмиграции: Письма А.-З.Валидова и М.Чокаева (1924 – 1932 гг.) М., 1999. - С.6.

50.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. - С.83.

51.Большая Советская Энциклопедия. - М., 1938. – С.267.

52.Большая Советская Энциклопедия. - М., 1938. - С.268.

53.Большая Советская Энциклопедия - М., 1938. – С.268.

54.Большая Советская Энциклопедия. - М., 1938. – С.269.

55.Большая Советская Энциклопедия. - М., 1953. – С.559.

56.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. - С.84.

57.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.1 – 104-105 бб.

58.Любимов Л. На чужбине. - Ташкент, 1965 – С.158.

59.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.1 – 112 б.

60.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. - С.24.

61.Marie-Schwartzenberg N. Le KGB. Dès l'origine à nos jours. PUF, 1993, p.77.

62.Из истории российской эмиграции: Письма А.-З.Валидова и М.Чокаева (1924 – 1932 гг.). - М., 1999. – С.7.

63.Бакиров А. Операция "Франц". - Кызылорда, 2000. – С. 13, 22-24. - См. также статью "Париждегі кездесу" того же автора в газете "Халық кеңесі" № 17-18 от 7 февраля 1995 г.

64.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.1 – 155-157 бб.

65.Mustafa Chokay oglu – (Chokaev) // Предисловие к оксфордскому изданию книги М.Чокай-оглы "Туркестан под

властью Советов" //Society for Central Asian Studies – Reprint series N 8 // Oxford, 1986, pp.8-9.

66.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1998-1999. 1-2 томдар.

67.Например: *"Politika rosyska i ruch narodov w Turkestane" (Warszawa, 1924), O Turkestane Wschodnim (Orion, 1934, № 1/13);*

"The Basmaji Movement in Turkestan", "The Bolsheviks and Afganistan" в журнале "The Asiatic Review"(1928, vol XXIV, № 78; 1929, vol. XXV, № 83), *Fifteen Years of Bolshevik Rule in Turkestan* (Journal of Royal Central Asian Society, 1933, vol. XX, № 3);

монография *"1917-inci yil hatira parзalari"* (Paris-Berlin, 1937)*"Le mouvement nationaliste au Turkestan"* – Orient et Occident, 1923, vol. XVII// Mustafa Chokay oglu – (Chokaev) // Предисловие к оксфордскому изданию книги М.Чокай-оглы "Туркестан под властью Советов" //Society for Central Asian Studies – Reprint series N 8 // Oxford, 1986, pp.9-10.

68.Исхаков С.М. Мустафа Чокаев: Революция в Туркестане. Февральская эпоха // Вопросы истории. – 20001. №2. С. 4.

69.М.Чокай-оглы. Туркестан под властью Советов //Society for Central Asian Studies – Reprint series N 8 // Oxford, 1986.

70.Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов //Society for Central Asian Studies – Reprint series N 8 // Oxford, 1986. - С.31-34.

71.Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов //Society for Central Asian Studies – Reprint series N 8 // Oxford, 1986. - С. 104-106.

72.Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов //Society for Central Asian Studies – Reprint series N 8 // Oxford, 1986. - С.109-110.

73.Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов //Society for Central Asian Studies – Reprint series N 8 // Oxford, 1986. - С. 114.

74.Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов //Society for Central Asian Studies – Reprint series N 8 // Oxford, 1986. - С.106.

75.Chabot J.-L. Le nationalisme. - PUF, 1993, p.3.

76.Encyclopoedia Universalis, P., 1990, t. 16, p.18.

77.Передовица газеты "Правда", озаглавленная "РСФСР", № 31 (6637).

78.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т. 2– 21-23 бб.

79.Chabot J.-L. Le nationalisme. - PUF, 1993; Choukourov Ch. Et R. Peuples d'Asie centrale. P. 1994; Roy O., La nouvelle Asie Centrale, ou La fabrication des nations. P., 1997.

80.Өралтай Х. Елімай-лап өткен өмір. - Ыстанбұл, 1999 – 665-668 бб.

81.Massell,G. The Surrogate proletariat, Moslem Women and Revolutionary Strategies in soviet Central Asia: 1919-1929. Princeton University Press, 1974, p.77.

82.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т. 1– 173-174 бб.

83.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 58-63 бб.

84.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 59 б.

85.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 59-60 бб.

86.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 59-62 бб.

87.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 61 б.

88.Цит. по: Верченов Л.Н. Закат тоталитаризма: Сумерки России // Россия и современный мир. 1995. № 3. С.179.

89.Бәкірұлы Ә. Мұстафа Шоқай. - Алматы, 1997. - 21-23 бб.

90.О том, как была проведена кампания по ликвидации лидеров партии Алаш подробно написано в работе: Қойгелдиев М. Алаш қозғалысы. - Алматы, 1995.

91.Бакиров А. Операция "Франц". - Кызылорда, 2000.– С.24.

92.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 224-225 бб.

93.Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ.- М., 2000. С.345.

94.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 226 б.

95.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 226 б.

96.Дейтон Л. Вторая мировая: Ошибки, промахи, потери / Пер. с англ. - М., 2000. - С.181-182.

97.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 229-230 бб.

98.Дейтон Л. Вторая мировая: Ошибки, промахи, потери / Пер. с англ. - М., 2000. - С.182-183, 185.

99.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 203 б.

100.Шелленберг В. Секретная служба Гитлера: Мемуары начальника управления шпионажа и диверсий службы безопасности СД / Пер. с англ. - Киев, 1994. – С. 23.

101.Alexandrov V. Hitler et Staline contre Toukhatchevsky, Revue "Aux carrefours de l'histoire", N 51, P., 1962, p.16. Перевод на русский язык, выполенный Бахыт Садыковой, опубликован в журнале "Простор" № 9, 1991.

102.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 84 б.

103.Alexandrov V. Hitler et Staline contre Toukhatchevsky, Revue "Aux carrefours de l'histoire", N 51, P., 1962, p.16.

104.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 127 б.

105.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 51,66-67, 83, 214 бб.

106.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 52-56 бб.

107.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 35,83 бб.

108.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 214 б.

109.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. – Алматы: Қайнар, 1999 – Т.2 – 223 б.

110.Шелленберг В. Секретная служба Гитлера: Мемуары начальника управления шпионажа и диверсий службы безопасности СД / Пер. с англ. - Киев, 1994. – С. 61-62.

111.См. об этом подробно в книге: A.Bennigsen, Ch.Lemercier-Quelquejay. "Les musulmans oubliés. L'islam en Union Soviétique", P., 1981, pp. 81-85.

112.Poujol C. Le Kazakhstan. - PUF, 2000, p.66.

113.Приложение 2.

114.Дейтон Л. Вторая мировая: Ошибки, промахи, потери / Пер. с англ. М., 2000. – С. 514.

115.Husson E. Opération Barbarossa. Hitler envahit l'URSS., Revue "L'histoire", N 252, mars 2001, pp. 32-40; Werth N.

Pourquoi les Soviétiques ont gagné la guerre// Revue "L'histoire", N 252, mars 2001, pp. 44-53 .

116.Werth N. Pourquoi les Soviétiques ont gagné la guerre// Revue "L'histoire", N 252, mars 2001, p.52. что подтверждено также попавшим в плен Т.Жангильдиным. См. протокол допроса – приложение 3.

117.Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий// Новая и новейшая история России. 1996. № 2. С. 92.

118.Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история России. 1996. № 2. С. 92.

119.Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии / Перевод с франц. - М., 1999. – С.303.

120.Бакиров А. Операция "Франц". - Кызылорда, 2000. – С.73.

121.Какен А. Түркістан легионы.- Астана, 2000.- 96 б.

122.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.57.

123.Гренвилл Дж. История XX века: Люди, события, факты / Пер.с англ. - М.,1999. – С.300.

124.Гренвилл Дж. История XX века: Люди, события, факты / Пер.с англ. - М.,1999. – С.323.

125.Цит. по: Гилязов И. Восточные легионы //Родина. - 1999.- №7. С.79 со ссылкой на: Buchbender O. Das tonende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im Zweiten Weltkrieg. S.209-210.

126.Приложение 3.

127.Приложение 3.

128.Приложене 4.

129.Приложение 5.

130.Streit, Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kreigsgefangenen 1941-1945, Bonn.1991, S.73-74.

131.Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история России. 1996. № 2. С. 92.

132.Приложение 6.

133.Husson E. Opération Barbarossa. Hitler envahit l'URSS//Revue "L'histoire", N 252, mars 2001, pp. 34,37

134.Werth N. Pourquoi les Soviétiques ont g agné la guerre// Revue "L'histoire", N 252, mars 2001, p.46.

135.Любимов Л. На чужбине. - Ташкент, 1965. – С.314; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М., 1987. – С. 184.

136.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. - С. 104-105.

137.Яш Туркестан. Париж, 1949-1950. С.8.

138.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. - С. 105-106.

139.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001.- С. 106.

140.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. С. 140; а также приложение 4.

141.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. - С. 107.

142.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. С. 106-108.

143.Гилязов И. Восточные легионы: Тюрки в составе германского вермахта// Родина. 1999. №7. С.75.

144.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001.- С. 192.

145.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. - С.107.

146.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. - С. 110.

147.Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана: Воспоминания, письма, документы. - Алматы: Кайнар, 2001. - С. 112.

148.Бакиров А. Операция "Франц". - Кызылорда, 2000. - С.64.

149.Свидетельства бывшего военнопленного Ж.Бапиша в документальном фильме "Зар, или Отлучённые от Родины". Автор сценария – Б.Садыкова.

150.Хамза Сайран Абдолла. Менің Мұстафа жөнінде білетіндерім// Жас Түркістан, №3, 2000, 8 бет.

151.Приложение 24.

152.Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв

политических репрессий // Новая и новейшая история России. 1996. № 2. С. 95-96.

153.Carrère d'Encosse H. Staline, l'ordre par la terreur. P., 1979, p. 110.

154.Шелленберг В. Секретная служба Гитлера: Мемуары начальника управления шпионажа и диверсий службы безопасности СД / Пер. с англ. - Киев, 1994. - С.123.

155.Шелленберг В. Секретная служба Гитлера: Мемуары начальника управления шпионажа и диверсий службы безопасности СД / Пер. с англ. - Киев, 1994. - С.125.

156.Michel, H. La seconde guerre mondiale., P., 1993, p.49.

157.Приложение 7.

158.Гилязов И. Восточные легионы: Тюрки в составе германского вермахта// Родина. 1999. №7. С.75-79.

159.Гилязов И. Пантуранизм, пантюркизм и Германия// Этнографическое обозрение Российской Академии Наук, 1996. № 2. С.93.

160.Приложение 8.

161.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.70; Гилязов И. Пантуранизм, пантюркизм и Германия// Этнографическое обозрение Российской Академии Наук, 1996. № 2. С.98.

162.Приложение 9.

163.Приложение 10.

164.Приложение 10.

165.Гилязов И. Восточные легионы: Тюрки в составе германского вермахта// Родина. 1999. №7. С.75.

166.Приложение 11; а также: von zur Muhlen Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.58.

167.Гилязов И. Восточные легионы: Тюрки в составе германского вермахта// Родина. 1999. №7. С.76.

168.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.60.

169.Hayit B. Turkestan im XX. Jahrhundert – Darmstadt, 1956, S.346.

170.Гилязов И. Восточные легионы: Тюрки в составе германского вермахта// Родина. 1999. №7. С.77.

171.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und

Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.140.

172.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.104.

173.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.38.

174.Шелленберг В. Секретная служба Гитлера: Мемуары начальника управления шпионажа и диверсий службы безопасности СД / Пер. с англ. - Киев, 1994. - С.127.

175.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.140.

176.Шелленберг В. Секретная служба Гитлера: Мемуары начальника управления шпионажа и диверсий службы безопасности СД / Пер. с англ. - Киев, 1994. - С.128.

177.Приложение 12.

178.Приложение 13.

179.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.96.

180.Приложение 14.

181.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.96.

182.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern, Düsseldorf, 1971, S.96-97.

183.von zur Mühlen Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.97.

184.Приложение 15.

185.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.95.

186.Приложение 15.

187.Приложение 15.

188.Приложение 7.

189.Приложения 15 и 4.

190.Политическая психология: Учебное пособие для вузов / Под общей редакцией А.А.Деркача, В.И.Жукова, Л.Г.Лаптева - М.; Екатеринбург, 2001. – С.414.

191.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.100.

192.Из интервью с доктором П.фон цур Мюленом в документальном фильме "Зар, или Отлучённые от Родины".

193.Гилязов И. Восточные легионы: Тюрки в составе германского вермахта// Родина. 1999. №7. С.76.

194.Гилязов И. Восточные легионы: Тюрки в составе германского вермахта// Родина. 1999. №7. С.76.

195.Приложение 18.

196.Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история России. 1996. № 2. С.96.

197.Приложение 16.

198.Приложение 16.

199.Приложение 17.

200.von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg., Düsseldorf, 1971, S.103; а также приложение 16.

201.Приложение 13.

202.Приложение 21.

203.Приложения 22 и 23; von zur Muhlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im 2.Weltkrieg. Düsseldorf, 1971, S.155-156.

204.Laroche, Gaston, colonel F.T.P.F. Boris Matline. On les nommait des étrangers. Les immigrés dans la Résistance. P., 1965.

205.Приложение 25.

206.Приложение 19.

207.Гилязов И. Восточные легионы: Тюрки в составе германского вермахта // Родина. 1999. №7. С.78.

208.Caroe, Olaf. Soviet Empire. The Turks of Central Asia and Stalinism. London-New York. 1953, p.251.

209.Гилязов И. Восточные легионы: Тюрки в составе германского вермахта// Родина. 1999. №7. С.78.

210.Гилязов И. Восточные легионы: Тюрки в составе германского вермахта// Родина. 1999. №7. С.78-79.

211.Приложение 24.

212.Приложение 26. Упоминание К.Жуманиязова об испанской бригаде и о том, что он 7 лет воевал, а также его снимок в форме бойца испанских интернациональных бригад наводят на мысль о пребывании К.Жуманиязова в Испании.

213.Приложение 26.

214.Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история России. 1996. № 2. С.93-94,96.

215.Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий //Новая и новейшая история России. 1996. № 2. С.97.

216.Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история России. 1996. № 2. С.98.

217.Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история России. 1996. № 2. С.99-100.

218.Приложение 27.

219.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана".– Алма-Ата: Жазушы, 1972.

220.Бакиров А. Операция "Франц". - Кызылорда, 2000. - С.24.

221.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С.26.

222.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С.26.

223.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С.12.

224.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С.286.

225.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С.8.

226.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С. 12.

227.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С. 14.

228.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С.17.

229.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С.12.

230.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С.19.

231.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С.23.
232.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С.28.
233.Шоқай Мұстафа. Таңдамалы. Екі том – Алматы: Қайнар,1998- 1999.
234.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С.54.
235.Шакибаев С. Падение "Большого Туркестана". - Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С.73.
236.Қазақ әдебиеті, 30.07.1992, 6-7 бб.
237.Белан П.С. Правда о "Гростуркестане" и "Туркестанском легионе": История Казахстана: белые пятна. – Алматы, 1991. - С.295-315.

Содержание

Мухтар Кул-Мухаммед. Слово к читателю 5

Введение 7

Глава I. **Политическая обстановка в Туркестане после падения царского режима и установления советской власти в России** 12

1.1. Политические течения накануне захвата власти большевиками в Туркестане ..... –
1.2. Туркестанская (Кокандская) автономия и её разгром большевиками . 15
1.3. Новый этап в национально-освободительном движении и эмиграция. 18
1.4. Советская пропагандистская политика в отношении Кокандской автономии 24

Глава II. **Деятельность туркестанского национально-освободительного движения и его роль в формировании национального самосознания** 26

Глава III. **Взгляды Мустафы Чокая на политическую ситуацию в Туркестане и мире накануне Второй мировой войны** 33

3.1. Позиция Мустафы Чокая по национальному вопросу ..... –
3.1.1. Мустафа Чокай о национальной политике, проводимой коммунистами в Туркестане 36
3.2. Оценка Мустафой Чокаем международной обстановки перед Второй мировой войной 42
3.2.1. Мустафа Чокай о соперничестве фашизма и коммунизма 46

Глава IV. **Туркестанский легион** 50

4.1. Политическая обстановка в Туркестане накануне Второй мировой войны ..... –
4.2. Морально-психологическое состояние населения прифронтовой зоны в начале войны 51
4.3. Условия пленения солдат Красной армии 52

4.4. Содержание советских военнопленных в немецких лагерях 57
4.5. Взаимоотношения Мустафы Чокая и туркестанских военнопленных 60
4.6. Создание Туркестанского легиона 64
4.7. Институт Арбайтсгемайншафт Туркестан 71
4.8. Туркестанский Национальный Комитет 72
4.9. Отношение немецкой стороны к туркестанским легионерам 76
4.10. Обстановка внутри Туркестанского легиона 80
4.11. Участие Туркестанского легиона в военных действиях 83
4.12. Судьба туркестанских легионеров, вернувшихся на Родину 84
4.13. Судьба туркестанских легионеров, оставшихся за рубежом 87
4.14. Советская пропагандистская политика в отношении Мустафы Чокая и Туркестанского легиона 88

ПРИЛОЖЕНИЯ 95

Приложение 1. Из секретных донесений французской военной миссии в Персии (Service Historique de l'Armée de Terre) 96
Приложение 2. К отчёту № 89 от 25.7.1941 г. за подписью Шаттенфро (**Politisches Archiv** (далее – **PA**), **R 105173.** Pol.XII. Allgemeine Akten) 114
Приложение 3. Протокол допроса Т.Жангильдина от 27 февраля 1942 года (**PA, R 105186**) 117
Приложение 4. Письмо Кариса Канатбая, адресованное им Марии Чокай 2.06.1948 г. (из личных архивов Алима Алмата) 122
Приложение 5. Из дневниковых записей Зубайдуллы Жора (Шора) 12 января 1945 года (**BA, R 58/931**) 128
Приложение 6. Протокол заседания от 17 июля 194... года за подписью Гросскопфа (**PA, R 105173.** Pol.XIII. Allgemeine Akten) 128
Приложение 7. Запись беседы профессора фон Менде, доктора Арлта и доктора Ольцши от 29 сентября 1944 года (Bundesarchiv (далее – **BA**), **NS 31/27**) 131
Приложение 8. Запись беседы госсекретаря Вёрманна с Нури-пашой, датированная 26 сентября 1941 года (**PA, U.St.S.Pol.Nr.897**) 135
Приложение 9. Политическое письмо о пантуранистском движении за подписью посла Германии в Турции фон Папена от 5 августа 1941 года (**PA, R 105 174**) 140
Приложение 10. Служебная записка о Туркестане, подготовленная Вели Каюмом, от 24 октября 1941 года (**BA, NS 43/40**) 143
Приложение 11. Первый экземпляр приказа ОКВ относительно состава Туркестанского и кавказско-магометанского легионов из числа советских военнопленных (**PA, 965**) 156

Приложение 12. Переписка Ваннзееского Института с Институтом Арбайтсгемайншафт Туркестан **(BA, R 58/305),** а также донесения агента DI/5k, адресованные рейхсфюреру СС, от 8 декабря 1944 года **(BA, NS 31/27)** 158

Приложение 13. Письмо Президента ТНК Вели Каюма рейхсфюреру СС Гиммлеру от 14 октября 1944 года **(BA, NS 31/30).** 163

Приложение 14. Выдержки из стенографической записи высказываний Гитлера о завоевательных планах фашисткой Германии (в части, касающейся советской Центральной Азии) 168

Приложение 15. Относительно Вели Каюма. Характеристика, данная немцами **(BA, NS 31/43).** 170

Приложение 16. Докладная майора Андреаса Майер-Мадера о магометанских легионах **(BA, NS 31/43)** 175

Приложение 17. Отчёт штандартенфюрера СС Гарун эль-Рашида о ходе и последствиях событий в восточно-тюркских соединениях в связи с дезертирством Алимова из немецкой армии **(BA, NS 31/29)** .. 179

Приложение 18. 1. Отчёт штурмбанфюрера СС Алиева (без даты). 2. Докладная на имя рейхсфюрера СС относительно мятежа в восточно-мусульманском полку СС в связи с заговором против Вели Каюма от 24 марта 1944 года **(BA, NS 31/43)** 191

Приложение 19. Докладная за подписью полковника Сопротивления Фернана о переходе на сторону французских партизан 47 человек (узбеков, казахов, туркмен, киргизов и таджиков) от 21 июля 1944 года. 196

Приложение 20. Gaston Laroche, On les nommait des étrangers. Les étrangers dans la Résistance// Paris, 1965 // Géorgiens et Turkestanais// pp.253-257. 200

Приложение 21. Обращение к рейхсфюреру по оккупированным восточным территориям Альфреду Розенбергу глав Национальных Комитетов Идель-Урала, Кавказа, Туркестана и др. от 18 ноября 1944 года **(BA, NS 31/28)** 204

Приложение 22. Докладная от 26 декабря 1944 года на имя командующего Восточно-тюркскими соединениями СС относительно перехода командира воинского полка СС "Туркестан - 1" Гулама Алимова с 500 подчинёнными на сторону словацких партизан **(BA, NS 31/29)** 208

Приложение 23. Протокол допроса Сиона Рахманова, Сарсена Исмаилова, Абдуразака Атабаева, Чермады Хасанова от 8 января 1945 года. 214

Приложение 24. О создании во Франции филиала ZAVO (Zentrale fur die Angehörigen der Völker des Ostens - Центрального Бюро по Работе с Представителями Восточных Народов) от 16 ноября 1943 года за подписью Эберта **(BA, NS 8/252)** 218

Приложение 25. Медицинская справка о смерти Мустафы Чокая, выданная в берлинской больнице "Виктория" 220
Приложение 26. Из дневниковых записей Кадема Жуманиязова 221
Приложение 27. Ответ сотрудника Туркестанского военного округа на просьбу о посмертной реабилитации Манаса Нугманова 222
Заключение 224
Список цитируемых источников 231

Бахыт Садыкова

ИСТОРИЯ ТУРКЕСТАНСКОГО ЛЕГИОНА В ДОКУМЕНТАХ

Редактор *М. П. Губина*
Художник *А. Баймуратова*
Технический редактор *Т. Суранова*

Подписано к печати 29.07.2002. Бумага офсетная.
Формат 84x108[1]/ 32. Усл. п. л. 14,0. Уч. изд. л. 16,0. Усл.кр.отт. 15,3.
Заказ № 1434. Тираж 2500 экз.

Республика Казахстан. Издательство «Кайнар»,
480009, г. Алматы, проспект Абая, 143.
Телефакс: 42-27-96

Издательский дом «Кітап», 480009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.
Тел.: 42-36-31, 42-07-90, too_kitap@mail.ru

Бахыт Садыкова - кандидат филологических наук, доцент, длительное время преподавала французский язык в Алма-Атинском институте иностранных языков (ныне КазГУМО и МЯ им. Абылайхана).

С 1993 по 2000 год находилась на дипломатической работе в МИД РК, в посольстве Казахстана во Франции, в Дипломатической академии МИД РК.

В 1991 году опубликовала свою первую работу: перевод с французского книги Бронислава Залесского "Жизнь казахских степей", сделанный в соавторстве с Ф.И. Стекловой.

Автор сценария документального фильма "Зар, или Отлученные от Родины" (1998). При ее участии французскими кинематографистами создана документальная лента "Ради горсточки земли..." (1994).

В 2001 году в ее переводе вышла в свет книга воспоминаний супруги Мустафы Чокая Марии Яковлевны "Я пишу Вам из Ножана ...", которая удостоена Грамоты Министерства культуры, информации и общественного согласия РК как лучшая книга десятилетия.